
СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ВЫПУСК 26

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 26

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1982

ББК 84
С23

Рецензент: кандидат филологических наук
Е. Г. ВАНСЛОВА

С23 **Сборник** научной фантастики. Вып. 26. Сост. Рыбкин Р. Л.— М.: Знание, 1982.— 224 с.
1 р. 10 коп. Доп. 300 000 экз.

В сборнике читатель найдет научно-фантастические произведения разных направлений и жанров. Здесь и остросюжетная, увлекательная повесть Ю. Ивановой, и рассказ Д. Биленкина, и публицистическая статья Е. Парнова. В разделе зарубежной фантастики рассказы Д. Браннера, Л. Нивена и другие.

С $\frac{4701000000-018}{073(02)-82}$ 14—82

ББК 84
С6

ОБРАЩЕННАЯ В СЕГОДНЯ

Легко догадаться, что слова, вынесенные в заголовок, относятся к фантастике. Но тот, кто возьмет на себя труд прочитать предлагаемый выпуск «НФ», столь же легко обнаружит, что действие почти всех помещенных здесь произведений происходит в будущем, зачастую весьма и весьма отдаленном от нашего времени. Зачем же прибегать к парадоксам? Много ли может рассказать о сегодняшнем дне сочинение, в котором звездолеты раскатывают по Галактике, словно такси в Подмосковье? Но никакого парадокса нет. Всякое произведение о будущем — это прежде всего произведение о настоящем. Даже если автор и вправду пытается заглянуть за горизонт, предугадать тенденции развития человеческого общества, все равно, в соответствии с его намерениями или вопреки им, он будет отражать в своем труде идеи и мысли своего времени. Но без раздумий о завтрашнем дне и невозможно представить себе духовный облик современника. Вспомним известные слова Д. Писарева: «Если бы человек не мог представить себе в ярких и законченных картинах будущее, если бы человек не умел мечтать, то ничто бы не заставило его предпринимать ради этого будущего утомительные сооружения, вести упорную борьбу, даже жертвовать жизнью».

Любое произведение всегда будет памятником своему времени, фантастика — не исключение. Эта черта проявляется в фантастических книгах все более явственно, по мере того как дата их создания отодвигается в прошлое. Мы улыбаемся многим наивным предсказаниям, которые когда-то пытались делать фантасты, но и сама эта наивность много может нам рассказать о времени, о людях того времени. Возьмем для примера крупнейшие произведения советской фантастики. Вот «Пылающий остров» А. Казанцева. Можно ли было фантасту, заглянувшему в ближайшее будущее, не заметить, всего за пять лет до Хиросимы, что за спиной человечества уже раздается учащенное дыхание атомного века? Но несмотря на это, «Пылающий остров» занимает вполне определенное место в детской литературе 40-х годов, роман передал настрое-

ния того сурового времени, а потому сохраняет известное значение и для сегодняшних читателей.

И даже прославленная «Туманность Андромеды» сейчас уже воспринимается иначе, чем в год ее появления. В романе, как в зеркале, отразились характерные особенности середины 50-х годов — и изменение общественной атмосферы в стране, и реакция на ведущуюся против нас «холодную войну», и восторженные надежды, связанные с зарождающейся научно-технической революцией... А вот надвигающейся угрозы экологического кризиса И. Ефремов еще не чувствует. Если бы подобная утопия была написана сегодня, она бы была свидетельством уже наших дней.

Все это говорится не для того, чтобы подвести читателя к мысли, будто в данном сборнике есть что-либо подобное «Туманности Андромеды». Скромные размеры «НФ» не вместят в себя столь грандиозных проектов и свершений. Но, читая любое фантастическое произведение, мы будем искать в нем соответствие нашим теперешним заботам, тревогам, надеждам, нашим сегодняшним раздумьям о настоящем и будущем, мы будем искать в нем помощи в наших сегодняшних делах, разумеется, не практической, а моральной. Только такая фантастика и нужна.

Конечно, это лишь один из критериев при оценке фантастического произведения. За пределами разговора остаются соображения о том, как, какими выразительными средствами автор может добиться передачи своих идей в совершенной художественной форме. Но в лучших произведениях сборника можно увидеть удачные шаги по этому пути.

Центральная повесть в книге — «Последний эксперимент» Ю. Ивановой. Тщательно разработанная фантастическая гипотеза, напряженная и увлекательная интрига, острота моральных конфликтов, однако прежде всего перед нами — хорошая проза, с пластично выписанными деталями, с поисками в области характеров.

Бойтесь равнодушных! — призывал в свое время Бруно Ясенский, именно с их молчаливого согласия на земле существуют и предательство, и убийство. И вот в повести Ю. Ивановой возникает гипотетическая Земля-бета, сплошь населенная такими равнодушными, спокойными людьми. Людьми ли? Заслуживают ли они этого звания? Писательница поставила перед собой трудное задание: создать мир, казалось бы, во всем сходный с Землей, с нашей «альфой», и в то же время совершенно отличный от нее. Все похожее: природа, одежда, занятия; техника, понятно, ушла вперед, все-таки эпоха межзвездных путешествий. Но вот возникает какая-то странность в поступках людей, сначала вроде бы случайная, лишь слегка задевающая внимание. Потом странностей становится больше, больше, пока, наконец, все не проясняется. С обитателями «беты»

произошло самое страшное, что может случиться с людьми: у них атрофировалась душа, в них совсем нет любви, самоотверженности, взаимопонимания. Перед нами фантастическая модель предела отчужденности, разобщенности, пресловутой «некоммуникабельности». Такая беда с неизбежностью должна постичь общество, в котором при материальном изобилии отсутствуют высокие идеалы; особый состав бетианской атмосферы, калечащей души,— это, конечно, всего лишь иносказание.

Только одному жителю «беты» выпало счастье снова стать человеком, и он сразу восстал против существующего положения вещей, он да еще две девушки, оказавшиеся под его влиянием... Что это за девушки, в предисловии рассказывать нельзя, преждевременно. Надо только добавить, что «Последний эксперимент» — еще и повесть о любви, о любви трагической, но все же торжествующей, потому что Ромео и Джульетта побеждают и погибая.

Остальные рассказы сборника, принадлежащие как опытным, так и молодым писателям, не затрагивают столь глобальных проблем. Но каждый автор пытается найти что-то новое, свое, пытается зацепить, растормошить наше воображение, заставить нас размышлять, а иногда и не соглашаться с ним. Напрасно, мне кажется, Э. Соркин в «Диагнозе по старинке» так уж безоговорочно отдал все медицинские козыри в руки кибернетической машине и даже посмеялся над стремлением больного, раздерганного человека найти утешение в старом докторе с висящим на шее стетоскопом и с добрым внимательным взглядом из-под насупленных бровей. Нет сомнений, электроника в той же медицине способна на многое, она освободит врачей от бессодержательной, механической работы, она мгновенно выдаст точные анализы, но, надеюсь, никогда никакая машина не заменит ласкового человеческого слова, человеческого участия. Да и надо ли к такой замене стремиться?

Пусть меня извинит молодой писатель В. Бабенко, если я предложу такое прочтение его рассказа «Проклятый и благословенный», которое сам автор едва ли имел в виду. Он написал о подвиге самоотверженных исследователей, прорвавшихся в неизвестное и жизнями своими заплативших за еще один шаг на пути человечества к овладению тайнами природы. Каждый из семи членов экипажа оставил, следуя терминологии автора, фонну — записанный на кристалл рассказ о пережитом в роковую минуту прорыва. Эти рассказы могут служить прекрасными образцами пародий на фантастику, причем на разные ее виды — от строго научной до сказочно-фантасмогорической. Отдельные реальные элементы сплетаются в причудливую вязь — разве не подобную структуру находим мы в иных сочинениях, а их бедный читатель оказывается в положении

героя рассказа, который сидит и слушает все эти фонны, мучительно пытаясь сообразить, что они означают.

Надеюсь, что моя шутливая трактовка не помешает читателю разглядеть серьезную идею рассказа В. Бабенко.

Рассказ «Не будьте мистиком!» Д. Биленкин и сам, вероятно, писал с улыбкой. Перед нами прекрасный диалог двух мужчин — нашего современника и ненароком оказавшегося в его комнате гостя из будущего. Каждый хочет показать себя истинным джентльменом, что в конце концов удается и тому и другому. Впрочем, мысль опять вполне серьезная — люди, пусть даже самых разных эпох, всегда могут понять друг друга.

Теперь остановимся на зарубежной фантастике этого сборника.

В принципе западных фантастов волнует то же самое, что и наших — судьбы человечества в конечном счете. Но смотрят они на эти судьбы совсем с другой стороны, словно бы в перевернутый бинокль. Естественно, что при этом и выводы, которые они хотят внушить своим читателям, иные, вернее, выводов по большей части и вовсе нет. У лучшей, прогрессивной части зарубежных авторов мы найдем искреннюю боль за людей, мы найдем очевидную ненависть к окружающему их бездуховному миру потребления, черты которого они проецируют в свое будущее, но нет ответа на вопрос, что надо делать, как спастись от грозящих бед. Эту черту наглядно демонстрирует даже предлагаемая в сборнике небольшая подборка.

Мы без особых натяжек можем отнести к пародиям и рассказ английского писателя Д. Браннера с длинным названием «Отчет № 2 Всегалактического Объединения Потребителей: двухламповый автоматический исполнитель желаний». Браннер высмеивает сразу и стиль деловых отчетов, и модную на Западе «игру» в социологические опросы, и навязчивую коммерческую рекламу. Литературно это сделано блестяще. Чего стоит, например, безграмотная инструкция, приложенная к одной из моделей. Но все же перед нами не только пародия, и даже не столько пародия: за всеми этими описаниями машин, исполняющих любые прихоти владельцев, вырисовывается такой чудовищно страшный мир, что становится не до смеха. Писатель протестует против безудержного потребительства, против вещизма, ничего не оставляющего для души. Страшны вовсе не машины желаний, страшны желания, для исполнения которых эти машины предназначены. Вот маленькая деталь из рассказа: восьмилетний мальчик создает приспособление для порки своих родителей. Можно думать, что совсем не случайно возникла в голове сообразительного ребенка столь «веселенькая» игрушка.

Преисполнен ненависти к окружающему миру и тоже не растерявшийся в необычной ситуации мальчик из рассказа Рэя Брэдбери «Нечто необозначенное». Улетают с Земли разумные мутанты-планерята из рассказа У. Гвина. Забавный розыгрыш генетика-селекционера едва не обернулся большой трагедией. С тем обществом, в котором он живет, шутки плохи. Вот оно, это общество, просматриваемое насквозь в буквальном смысле слова («Когда стены стали прозрачными» Ф. Павона),— обыватели, снедаемые тщеславием, завистью и непобедимым стремлением заглядывать в замочные скважины. Выхода нет никакого.

А вот в рассказе Л. Нивена «Прохожий» мы находим близкую и советским авторам мысль: гуманизм, человечность, доброта должны определить поведение всех разумных существ. И этот призыв современен, и, разумеется, он относится не к золотым межзвездным великанам, а к обитателям планеты Земля.

Сборник традиционно заключает публицистическая статья постоянного автора «НФ» Е. Парнова. Ее нет нужды комментировать, все, что автор хотел сказать, он сказал прямо, без метафор.

Остается только выразить надежду, что оценки читателей совпадут с мнением автора предисловия.

Всеволод РЕВИЧ

ЮЛИЯ ИВАНОВА

Последний эксперимент

Пролог

Экстренный выпуск! Сенсационное сообщение из Космического центра! Наконец-то удалось установить радиосвязь со звездолетом «Ахиллес-87», который уже считался погибшим. Капитан корабля Барри Ф. Кеннан сообщил, что экипаж находится на неизвестной планете, не только пригодной для жизни, но и как две капли воды похожей на нашу Землю. И что они там прекрасно себя чувствуют. На вопрос о причинах столь долгого молчания капитан Кеннан заявил, что им, собственно говоря, больше нет до Земли никакого дела. Что на вызов он ответил лишь потому, что случайно заглянул в тот момент на корабль забрать кой-какие вещички. И вообще они решили остаться на Земле-бета навсегда.

На этом связь оборвалась. Странное поведение капитана Кеннана, особенно его последнее заявление, заставляют предполагать, что экипаж «Ахиллеса-87» находится в плену у таинственных обитателей Земли-бета и косвенно взывает о помощи. К счастью, во время передачи удалось определить координаты этой неизвестной планеты. Общество спасения космонавтов срочно организует сбор пожертвований, предполагая в ближайшее время направить туда вооруженную спасательную экспедицию.

Сообщение из космического центра

27 сентября с. г. звездолет «Ахиллес-88», посланный для спасения экипажа «Ахиллеса-87», благополучно приземлился на Землебета.

«Черт возьми, здесь совсем как на нашей старухе — вижу сосны и облака!» — воскликнул капитан Стив Гейтс, ступая на планету.

Это были его последние слова. Попытки вновь установить связь с кораблем пока не увенчались успехом.

КОСМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР СООБЩАЕТ

12 марта с. г. звездолет «Ахиллес-89», посланный для спасения экипажей кораблей «Ахиллес-87» и «Ахиллес-88», благополучно приземлился на Земле-бета.

«Лично мне здесь нравится,— радировал в Центр капитан Джон Дэрк.— Они правы: настоящий рай. Мы, пожалуй, тоже останемся. Прощайте».

ДЭРК ТОЖЕ НЕ ХОЧЕТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ!

КЕННАН, ГЕЙТС, ДЭРК... КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Что же все-таки происходит? Ученые отказываются от комментариев, мир теряется в догадках. Земля... Человек был ей всегда предан, как бы далеко ни находился. Впервые человек добровольно отрекся от Земли.

А МОЖЕТ, ВПРАВДУ РАЙ?

ИЗ НЕПРОВЕРЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ: формируется первая партия переселенцев на Землю-бета.

Поток переселенцев на загадочную Землю-бета катастрофически растет. Только за минувшую неделю туда отправлено 312 человек. И это несмотря на крайне высокую цену за билет, несмотря на печальную статистику — почти треть наспех снаряженных пассажирских ракет гибнет в пути.

А МОЖЕТ, ВПРАВДУ РАЙ?

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗЕМЛИ-БЕТА ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО В СВЯЗИ С УГРОЗОЙ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ ПЛАНЕТА ОТНЫНЕ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ЗАКРЫТОЙ. ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗЕМЛИ-БЕТА ОБЪЯВЛЯЕТ О СВОЕЙ ПОЛНОЙ АВТОНОМИИ И В ДАЛЬНЕЙШЕМ НЕ НАМЕРЕНО ПОДДЕРЖИВАТЬ КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО КОНТАКТЫ С ЗЕМЛЕЙ-АЛЬФА!

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗЕМЛИ-БЕТА ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО ВОКРУГ ПЛАНЕТЫ НА ВЫСОТЕ ТРЕХСОТ КИЛОМЕТРОВ СОЗДАН ЗАЩИТНЫЙ ПОЯС. КОМАНДУЮЩИЙ СЛУЖБОЙ ЗАЩИТНОГО ПОЯСА БАРРИ Ф. КЕННАН ОТДАЛ СТРОЖАЙШИЙ ПРИКАЗ УНИЧТОЖАТЬ ВСЕ ЭМИГРАНТСКИЕ РАКЕТЫ С ЗЕМЛИ-АЛЬФА.

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ПАССАЖИРСКИХ РАКЕТ «ДИАНА» И «ЭВРИКА». СТРАШНОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ БЕТЯН. Обе ракеты вылетели к Земле-бета за три месяца до объявления планеты закрытой, на борту среди пассажиров находились женщины и дети. Весь мир потрясен, отовсюду поступают гневные телеграммы протеста в адрес правительства Земли-бета.

«МОЙ МУЖ НЕ МОГ ОТДАТЬ ЭТОТ ПРИКАЗ!» — утверждает миссис Барри Ф. Кеннан.

НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА СВОБОДНОГО МИРА ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЗЕМЛИ-БЕТА.

ЗЕМЛЯ-БЕТА МОЛЧИТ!

Миссис Барри Ф. Кеннан наконец получила визу. Она вылетает в пятницу к Земле-бета для свидания с мужем и дипломатических переговоров. На борту ракеты будут находиться также двое сыновей Кеннана и пятилетняя дочь Глэдис, именем которой названа ракета. Миссис Кеннан поручено передать через капитана Барри Ф. Кеннана ноту правительства Земли-альфа правительству Земли-бета.

СНОВА НЕСЛЫХАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ! «МАЛЫШКА ГЛЭДИС» ВЗОРВАНА ПО ПРИКАЗУ БАРРИ Ф. КЕННАНА!

«ОНИ ТАМ ПОСХОДИЛИ С УМА! — сказал Президент.— ЭТОТ КЕННАН — ВЫРОДОК. Я СОМНЕВАЮСЬ В ЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ. БУДЬТЕ ВЫ ВСЕ ПРОКЛЯТЫ!»

В СЕНАТЕ ОБСУЖДАЕТСЯ ВОПРОС О ВОЙНЕ С ЗЕМЛЕЙ-БЕТА.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ. Сенат большинством голосов отклонил предложение об объявлении войны Земле-бета. Депутат АНТУАН ДОРЭ: «К сожалению, мы снабдили их самым современным оружием. Мы породили чудовище, против которого бессильны. Так отречемся же от него! Это — самое благоразумное, что мы можем сделать. Чем скорее мы забудем об этой прискорбной и постыдной странице нашей истории, тем лучше».

МЫ НЕ ЗАБЫЛИ! Сегодня мы вынуждены напомнить читателю об одной печальной дате — десять лет со дня гибели «Малышки Глэдис». Земля-бета молчит. Большинство журналистов и комментаторов сходятся во мнении, что зловещая загадка Земли-бета так и останется неразгаданной.

(ИЗ ГАЗЕТ)

* * *

Она должна прийти сегодня.

День начинается как обычно. Я отлично выспалась. Специальный комплекс физических упражнений, массаж, тонизирующий душ, протирания. Чуткие механические руки Жака помогают одеться. Жак у меня уже более тридцати лет — еще Бернард был жив, когда мы его приобрели. Недавно Жак вернулся из ремонта и выполняет свои обязанности особенно ревностно. Будто признателен, что его не отдали в переплавку.

Я привыкла к Жаку. Терпеть не могу эти усовершенствованные модели — развязные, болтливые льстецы. То ли дело Жак — в нем какое-то врожденное достоинство.

— Мадам не возражает против серо-голубого? Сегодня оно вам к лицу: мадам выглядит посвежевшей.

Знаю, что он не врет. Соглашаюсь даже на голубой — в тон платью — парик, хотя терпеть не могу париков, и Жак ежедневно пытается соорудить из остатков растительности на моей голове жалкое подобие прически.

— Немного косметики, мадам?

Сегодня она должна прийти...

Жак что-то делает с моими глазами. Щиплет веки.

— Беспокоит? Сейчас пройдет, мадам.

Зеркало. В зеркале я. Полная, респектабельная дама. Пожалуй, выгляжу ничего, если учесть, что через несколько дней мне исполнится сто двадцать семь. Или не исполнится?..

Ведь она должна прийти сегодня.

Или не придет? Передумает?

Что осталось от подлинной Ингрид Кейн, этого, пожалуй, я сама не сумела бы сказать с точностью. Кое-где подремонтированный, подправленный скелет, мышцы, железы, глаза. А остальное все чужое, пересаженное, приживленное. Или искусственное, синтетика. Пусть самого лучшего и надежного качества, но не надежнее, чем, к примеру, у Жака. Я уже не человек, но еще не робот. Неусовершенствованный робот. Смешно. Что-нибудь неожиданно откажет, сломается... Я не успею даже вызвать Дока. Или Док опоздает. Или у него самого что-нибудь сломается в конструкции.

Не сработает гипотермия, отключится сознание...

Простая цепь случайностей — и конец. Так было с Бернардом. Так рано или поздно будет со мной, Ингрид Кейн.

Придет или не придет?

И все-таки я — это я. Покуда при мне мой мозг, вернее, информация, накопленная в мозгу за все 127 лет.

Я — информация. Забавно.

— Меню, мадам? Цыпленок в желе, зеленый горошек, протертые овощи... Есть отличные ананасы.

— Давай ананасы. И еще бифштекс. С кровью, Жак. И, пожалуй, пудинг.

— Но, мадам...

— Плевать, Жак. Мой синтетический желудок требует натурального мяса. А диета будет завтра. Если завтра вообще будет.

Бифштекс превосходен, но первый же кусок давит изнутри непривычной тяжестью. Отодвигаю тарелку и принимаюсь за пюре.

Я хочу, чтоб она пришла.

Звонок. Пришла? Но почему так рано? Я же назначила к двенадцати... Я должна еще подумать...

— Девушка, Жак? Веди ее сюда.

— Нет, мадам, старики. Двое.

Ах, эти... Совсем забыла. Но они же знают, что я открываю с десяти. Не дадут позавтракать.

— Пусть подождут,— говорю я Жаку и принимаюсь за ананасы. Но аппетита больше нет. Проклятый бифштекс! Придется принять таблетку.

Они терпеливо ждут внизу. Он и она. Супруги. Оба седенькие, чинные, благообразные. И оба моложе меня.

— Документы при вас?

— Конечно, мадам.— Старичок поспешно раскладывает на столе бумаги — разрешение на смерть, выписка с места жительства, завещание и опись имущества. Все в порядке. Теперь остаются формальности.

— Вы твердо решили уйти из жизни?

— Да, мадам,— синхронно кивают они.

— Но почему? Ведь жизнь так прекрасна!

Эта ритуальная фраза каждый раз звучит у меня фальшиво. Хотя я ничего вроде бы против нее не имею. Какая-то нелепая фраза.

— Видите ли, мадам,— это отвечает она,— мы просто устали. «Просто устали», «Стало скучно», «Надоело»... Стандартный ответ. Все так отвечают.

— Мы ведь очень стары,— будто оправдываясь, улыбается она.— Все уже было, все.

— Я старше вас.

— Вы — другое дело, мадам. Вас удерживает любопытство. Ведь вы та самая Ингрид Кейн, не так ли?

Странно, меня еще помнят. Сорок лет как я перестала легально заниматься наукой.

— Мой брат был вашим учеником, мадам Кейн. Он останется теперь один, но не пошел с нами. Он разводит каких-то жуков с пятью лапками. Он просил передать вам привет.

— А я действительно получу перед смертью то, что захочу? — подозрительно спросил старик.— Или это просто рекламный трюк?

Ну нет, изобретения госпожи Кейн не нуждались в рекламном обмане. Когда с полвека назад я нашла способ концентрировать все мысли, ощущения и энергию умирающего определенным образом, вызывая у него перед смертью яркое, выбранное им самим сновидение, я, разумеется, не думала, что этот фокус превратится из средства облегчить смерть в приманку, помогающую государству бороться с перенаселением за счет «долгожителей». «Дома

последнего желания» стали таким же обычным делом, как и любые другие государственные учреждения.

И еще меньше я думала, что стану хозяйкой одного из них.

Я провела их в усыпальницу — огромное помещение, напоминающее оранжерею. Вокруг — пальмы, бананы, апельсиновые и лимонные деревья, гигантские кактусы и множество экзотических цветов. Кричали павлины и попугаи. С потолка из разноцветного пластика падали, причудливо пересекаясь, зеленые, оранжевые и голубые полосы света. Тихо звучала музыка, одурманивала, укачивала, и так же одурманивающе сладко пахли цветы.

Я уложила их на диваны, покрытые мягкими пушистыми коврами, надела на голову каждому «волшебный шлем» — так его окрестила реклама. С виду просто ночной чепец с лентами, в которые незаметно вмонтированы провода.

— Какой ты сейчас смешной, Вилли!

Но он уже весь был «там», в последнем своем желании, глазки его нетерпеливо поблескивали.

— Нельзя ли побыстрей, мадам?

Мне самой хотелось побыстрей — здесь меня всегда мутило. Я включила «священника». Зазвучала молитва в сопровождении органа.

— Теперь можете попрощаться.

— Прощай, Вилли.

— Прощай, Марта.

— Прощайте, мадам Кейн.

Они даже не смотрели друг на друга.

— Закройте глаза. Расслабьтесь. Думайте о своем последнем желании.

Они затихли.

Я включила «шлемы», загнала всех павлинов и попугаев в изолированный, безопасный отсек, откуда обычно наблюдала за происходящим в усыпальнице, вошла сама и нажала кнопку. На пульте вспыхнуло: «Не входить! Смертельно!» Это означало, что в комнату хлынул газ «вечного успокоения».

Через час все будет кончено. Роботы уберут трупы, проветрят помещение, и оно будет готово к приему следующих посетителей.

О чем они сейчас думают? Я имела возможность это установить и первое время из любопытства «подсоединялась» к своим клиентам. Но это оказывалось в основном всегда одно и то же и всегда невероятно скучно. Если не красотка и не чемпион, то разнузданная вечеринка с обилием яств и напитков. Вакханалия. Примитивный пир плоти.

А как хотелось мне сегодня за завтраком натуральный бифштекс с кровью!

Каково было бы твое последнее желанне, Ингрид Кейн?

В парке было прохладно, н я включила на платье терморегулятор.

Да, мою нынешнюю работу нельзя назвать приятной, но благодаря ей у меня лаборатория. И я смогу провести намеченный экспернмент.

Но придет лн она?

И чего я, собственно говоря, хочу? Начать жнзнь сначала? Ну нет. Я тоже устала, как и мон клненты. Провестн экспернмент, удовлетворнть в последннй раз свое любопытство и поставить точку? Пожалуй, так. Если все пройдет удачно, я завтра тоже явлюсь в дом «последнего желання», н мне наденут «волшебный шлем».

И все-такн, что мне тогда захотеть? Может, юного Бернарда? Илн бнфштекс с кровью?

До двенадцати оставалось сорок семь мннут. В случае неудачн Ингрид Кейн будет сегодня мертва. Надо успеть заместн следы. Моя последняя работа касается только меня. Я отдала ей сорок лет жнзнн.

Удача нлн пораженне? То, что в конце концов стало у меня выходить с жнвотными, могло обернуться полным фиаско, когда дело коснется людей. Мозг шнмпанзе и мозг человека... И все же то и другое — мозг. Скорей бы уж!

Ты слншком любопытна, Ингрид.

Я чересчур быстро шла н долго не могла отдышаться у дверей лаборатории. Кружилась голова, сердце покалывало. Не умереть бы до опыта, вот так, прнмнтнвно н вульгарно, на травке собственного парка, под развеснстым дубом. Кажется, отпустило. Ты всегда была везучей, Ингрид.

Я набрала номер шифра, и дверь бесшумно открылась. Обезьянкн Уна н Ред с радостным внзгом бросилнсь ко мне, и я дала нм по гроздн бананов. Еднственные жнвотные, которых я сохраннла. Нанболее удачные. Уна была раньше старым, подслеповатым существом, отягощенным всевозможнымн болячками. Я подарила ей тело годовалой Эммы, и она упивалась своей второй молодостью. Уна нзо всех снл добивалась благосклонностн Реда, но у того ситуацня была посложнее. В прошлом своем существовании он был самкой, неоднократно рожавшей, н ннкак не мог приноровиться к своему новому естеству.

Первым делом я собрала все пленки с записями опытов н разложила прямо на полу костер. Прнмнтнвный, но верный способ. Пепел убрала пылесосом. Расправиться с прнборами было еще легче, хотя вряд лн кто-либо смог бы догадаться об нх назначении. Затем я выпустила на волю Уну н Реда — животные умеют хранить

тайну — и приступила к главному. В потайном сейфе в стене хранился мой ДИК — душа Ингрид Кейн, так я его назвала в шутку. Впрочем, он и был предназначен запрограммировать мою душу и перенести ее в тело той незнакомой девушки.

* * *

Она пришла ко мне несколько дней назад, неправдоподобно юная и хорошенькая, в короткой зеленоватой — под цвет глаз — тунике, с золотой змейкой, искусно вплетенной в пепельные, опять-таки с зеленоватым отливом волосы. Крашеные или свои? Этот вопрос настолько занимал меня, что, проведя ее в кабинет, я первым делом выяснила это. Волосы оказались своими.

— Так кому нужны мои услуги? — спросила я, уверенная, что она пришла относительно кого-либо из своих престарелых родственников или знакомых.

— Мне.

Я даже переспросила

— Мне! — отчетливо повторила она.— Я хочу умереть.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

Да, про нее нельзя было сказать, что она «устала». Умереть в девятнадцать лет, когда жизнь так прекрасна!

— Когда жизнь так прекрасна...— произнесла я вслух, и в отношении ее эта фраза не показалась мне нелепой.

— Я хочу умереть,— повторила она.

— Но причина?

— Я, кажется, имею право не ответить...

— Что же, конечно.

— Тогда я не отвечу.

Голос ее стих до шепота, и тут я впервые заметила в девушке какую-то аномалию. Будто невидимая болезнь подтачивала ее изнутри. Может, так и есть?

— Вам нужно пройти обследование. Зайдите в камеру. Разденьтесь.

Девушка скинула тунику. На цветном экране я теперь видела ее всю, стройную, крепкую, бронзовую от загара. Включила приборы и придирчиво обследовала каждую часть ее организма, от маленьких узких ступней до кончиков натуральных волос. Девушка оказалась абсолютно здоровой, насколько вообще можно быть здоровой в девятнадцать лет. Даже ни одного запломбированного зуба!

Ее мозг по общим показателям тоже был вполне здоров. Для меня остались скрытыми разве что ее мысли, но чтобы их узнать,

пришлось бы вести ее в лабораторию, что было крайне заманчиво, но неосуществимо.

Я все не выключала экран: я поймала себя на том, что любуюсь ею. Убить все это, обезобразить, превратить в горсть золы. Абсурд.

А что, если... Душа Ингрид Кейн в этом теле. Заманчиво. Но я не хотела проводить свой последний эксперимент в такой спешке. Надо еще тысячу раз подумать, проверить. Ведь в случае неудачи Ингрид Кейн умрет, так и не удовлетворив своего любопытства. Еще хотя бы полгода.

Но через полгода этой девушки уже не будет. К тому же через месяц-другой я просто рухну где-нибудь на дорожке парка, и не сработает гипотермия, и отключится сознание. Как было с Бернардом. Есть над чем подумать.

Ее волосы. И ноги. В молодости я была, кажется, ничего себе, но с волосами у меня вечно не ладилось, а надевать платье выше колен было категорически противопоказано.

Неужели ты все еще женщина, Ингрид?

— Можете одеться. Ваше имя?

— Николь. Николь Брандо.— Она застегнула ремешки сандалей и выпрямилась.— Если вы мне не поможете, я брошусь с крыши. Или с моста.

По выражению ее лица я поняла, что она действительно так сделает. Какая странная девушка! Она не выглядела здоровой, несмотря на свое здоровье, несмотря на красоту и молодость. С подобным парадоксом я столкнулась впервые.

— Хорошо. Вам полагается три дня, чтобы подумать и достать необходимые документы.

— Что нужно?

Она аккуратно, как школьница, записала в блокнот.

— Значит, в субботу, ровно в двенадцать. Я приду. До свидания, мадам Кейн.

• • •

До двенадцати оставалось восемь минут, когда я вышла из лаборатории, ставшей теперь просто замусоренным помещением, в котором выжившая из ума старуха разводила обезьян, собак и кошек. Я очень устала и едва тащилась через парк к дому, прижимая к животу ДИКа, для отвода глаз упакованного в нарядную рождественскую коробку с бананами. Он был достаточно тяжел, но я никому не доверила бы его нести, даже Жаку. Вновь перед глазами плыли темные круги, воздуха не хватало, в груди давило и поскрипывало. Пожалуй, я никогда так хорошо не понимала своих кли-

ентов, как в эту минуту. Надоело, устала. Но нет, еще одно усилие. Мне интересно, что получится.

Как всегда, везет. Не только удалось доползти до усыпальницы, но и остаться незамеченной. Я надежно спрятала ДИКа в кадке с финиковой пальмой и пошла наверх.

— Как вы себя чувствуете, мадам?

— Прекрасно, Жак. Лучше чем когда бы то ни было.

— Вы плохо выглядите. Я вызову Дока.

Только этого нехватало! Док живо определит мое состояние, и тогда не миновать стационара в клинике.

Часы пробили двенадцать.

— Чепуха, Жак. Просто немного устала. Я, пожалуй, полежу. Если придет девушка, дай знать.

— Слушаю, мадам.

Кажется, я вздремнула, а когда открыла глаза, часы показывали двадцать минут первого.

Не пришла. Все правильно. Было бы странно, если бы пришла. И тут же услышала на лестнице грузные равномерные шаги Жака.

— Девушка ждет, мадам.

Она сидела в шезлонге перед домом. Глаза закрыты, руки сложены на коленях, осунувшееся лицо, бледность которого еще больше подчеркивало не шедшее к ней дымчато-серое платье.

— Я немного опоздала. Извините, мадам, я прощалась с... этим. Она повела рукой вокруг.

Прощалась? Прощаются с тем, что жалко оставлять. Ей не хочется уходить из жизни, но она уходит. Парадокс, нелепость. Но мне не было до нее дела, я думала только о предстоящем эксперименте.

Я заторопилась.

— Где документы?

Непредвиденное обстоятельство — документы оказались фальшивыми. Неприятности с полицией мне ни к чему, но я тут же сообразила, что эти документы вообще не понадобятся, потому что через час их не с кого будет спрашивать. А если девушке хочется остаться инкогнито, тем лучше.

Я сунула их в сумочку. Девушка пристально смотрела на меня. Поняла, что я заметила?

— Благодарю вас, мадам Кейн.

Поняла. Ну и пусть. Это тоже не имеет значения.

— Пошли, Николь.

Мне не надо было прощаться с «этим». Мне не было ничего жалко. Я все уже тысячу раз видела. Все. И я устала. Я вела ее и себя на последний эксперимент Ингрид Кейн. Если все пройдет

удачно, мы обе будем через час мертвы. Наполовину мертвы. У меня умрет тело, а у нее душа. Любопытно, кто из нас потеряет больше?

Девушка вскрикнула: она поранила ногу о торчащий из земли металлический прут. Я смочила платок одеколоном и тщательно продезинфицировала ранку. Николь слабо улыбнулась.

— Спасибо, мадам, это уже ни к чему.

Любопытно, как бы она реагировала, если бы знала?

И вот, наконец, мы с ней в усыпальнице.

Я чувствовала себя отлично, слабость и дурнота прошли. Мозг работал быстро и четко. Я уложила девушку на софу в безопасном отсеке и надела ей на голову «волшебный шлем».

— Последнее желание? — усмехнулась она.

Я кивнула. Но я обманывала ее. Ни она, ни я не получим этого прощального подарка, который выдавался лишь в обмен на подлинную смерть. Моя давняя выдумка не поддавалась жульничеству. Ее душа, мое тело — этого было недостаточно.

Я начала жульничать.

— Выпейте это. Закройте глаза, расслабьтесь. Думайте о своем последнем желании. Прощайте, Николь.

— Прощайте, мадам Кейн.

Чудачка, ее прямо-таки колотила дрожь. Но постепенно снотворное, которое я ей дала, начало действовать, серые губы порозовели, раскрылись в улыбке.

— Дэвид,— явственно произнесла она.

Дэвид. Мужское имя. Всего-навсего. Признаться, от нее я ожидала что-нибудь поинтереснее.

Девушка спала. Я быстро вытянула из-под пальмы два отводных конца (не толще обычной нитки), подключила один к ее шлему и захлопнула дверь отсека.

Теперь дело за мной. Подготовить софу, шлем. Подключить к нему второй провод. Дистанционное управление, которое обычно находилось в безопасном отсеке, сейчас должно быть под рукой. Отключить роботов-могильщиков. Кажется, все. Я нажала кнопку.

Стараясь глубоко не вдыхать сладковатый, дурманящий воздух, постепенно наполнявший комнату, добралась до софы, натянула шлем и легла. Цепь замкнулась. Острая боль на мгновение пронзила голову, и девушка в отсеке тоже вскрикнула, дернулась во сне. Значит, все идет, как надо. ДИК жил. Мне даже показалось, что я слышу из-под пальмы его гудение, похожее на полет шмеля. Теперь я буду медленно умирать, и каждая клетка моего мозга, умирая, пошлет ДИКу содержащуюся в ней информацию, которую тот примет и передаст клеткам мозга Николь Брандо, стирая в них

прежнюю запись. Все очень просто — принцип обыкновенного магнитофона. Сорок лет работы.

Голос священника читал молитву. Ей или мне? Или нам обеим?

Я растворяюсь в чем-то голубовато-розовом, в невесомой звенящей теплоте. Никогда не думала, что умирать будет так приятно. Кто изобрел этот газ? Я никак не могла вспомнить.

— Прощайте, Ингрид.

— Прощайте, мадам Кейн.

— Как хорошо!.. Дэвид! — Кажется, это сказала я. И удивилась.

— Дэвид?

— Дэвид,— подтвердили мои губы.

* * *

— Дэвид,— сказала я. И подумала, просыпаясь: «Что за Дэвид?»

Все вокруг было словно в тумане, меня мутило, голова в тисках. «Волшебный шлем»! Я сорвала его, и — непривычное ощущение — на руки, на плечи упали тяжелые зеленовато-пепельные пряди волос.

Николь. Похоже, что странной незнакомой девушки больше нет. Это теперь мои волосы. Николь исчезла. ДИК стер ее. Осталось тело и имя. И это теперь я, Ингрид Кейн. Я мыслю и, следовательно, существую. Удача!

Я внушала это себе, а мозг отказывался повиноваться, осознать, поверить в происшедшее. Наконец, я заставила себя встать, я командовала своим новым телом будто со стороны и ступала осторожно, балансируя и сдерживая дыхание. Попугаи и павлины смотрели на меня с любопытством. Выдернуть провод из шлема. Открыть дверь. Открыть.

В усыпальнице уже вовсю работали вентиляторы, высасывая из помещения остатки ядовитого воздуха. Надо уничтожить ДИКа.

И тут я увидела себя. Свое неподвижное грузное тело, вытянувшееся на тахте, в нарядном серо-голубом платье, которое сегодня утром надел на меня Жак.

Странное, неприятное ощущение в груди, перехватило дыхание, и я почувствовала, что у меня подкашиваются ноги.

Я увидела себя. То, что было мною 127 лет, постепенно меняясь и старея, со всеми своими, чужими и синтетическими деталями. Мое тело, такое знакомое и привычное, будто я смотрелась в зеркало. Но я не смотрелась в зеркало. Я стояла, а оно лежало. Я жила, а оно, по всей вероятности, было мертво.

А если нет?

Подойти. Ближе. Надо снять с нее шлем. С нее?

Вместе со шлемом снялся парик. Я заставила себя взглянуть. Желтовато-серые щеки, закрытые глаза. Челюсть чуть отвисла, обнажив искусственные зубы, сквозь седой пушок на голове просвечивает кожа. Коснулась своей руки, холодной, уже начинающей деревенеть. Я констатировала собственную смерть и подумала, что прежде это никому не доводилось. Забавно.

Но с моим новым телом тоже было не все в порядке — оно дрожало, будто от холода, оно жило какой-то отдельной от меня жизнью. Эта странная девушка Николь была, несомненно, чем-то больна, и теперь ее болезнь досталась мне по наследству.

Снова натянуть парик на череп. Стащить труп с софы на пол. Несчастный случай. Мадам Кейн почувствовала себя плохо, упала. Сознание отключилось, и не сработала гипотермия. Как было с Бернардом. Никто не додумается производить экспертизу. 127 лет.

Шаги Жака. Что делать? Я не успела ничего придумать — Жак бросился на помощь хозяйке, той, что на полу. Он умеет говорить! Одноразрядный лучемет, который я припасла, чтобы сжечь ДИКа. Пришлось использовать его не по назначению. В спине Жака что-то задымилось, зашипело, и старый робот, взмахнув механическими руками, тяжело рухнул на пол.

В каком-то странном оцепенении я смотрела на лежащего Жака, на его клешнеобразные руки, которые так ловко умели одевать, причесывать, делать массаж. Я будто чувствовала их прикосновение, слышала его сухой, надтреснутый голос:

— Как вы себя чувствуете, мадам?

Теперь его наверняка отправят в переплавку.

Да что это со мной? Уйти отсюда. Быстрей! Я запихнула провода назад, в кадку (никому не придет в голову здесь что-либо искать), и, убедившись, что все в порядке, выскользнула за дверь. Прячась за деревьями парка, удачно добралась до забора, вспомнила, что теперь мне девятнадцать лет и что у всякого возраста есть свои преимущества. Перемахнула через забор и очутилась на улице.

* * *

От этого ребячьего трюка неожиданно полегчало. Я шла прочь все быстрее и с каждым шагом чувствовала себя лучше, уверенней. Наконец-то новое тело угомонилось, подчинилось мне и даже начало нравиться. Оно казалось легким, почти невесомым. Я наслаждалась самим процессом ходьбы, свободным от моих прежних старческих недомоганий. Я вспомнила, что могу побежать, и побе-

жала, и оно охотно перестроилось на ритм бега — сердце забилось чаще, прилила к щекам кровь, каждая мышца, клетка превратились будто в туго натянутые паруса, которые гнал попутный ветер. Только вперед. Такое, кажется, я пережила лишь однажды. В детстве. Тогда еще жили семьями.

— Догоняй! — кричали мне братья и бежали наперегонки через луг к реке, а я плелась сзади.

Я была коротконогой, и у меня был лишний вес, потому что мне очень нравился пудинг с клубничным джемом. Но как-то под вечер мы играли с отцом в теннис, и я неожиданно выиграла, приняв напоследок такой трудный мяч, что сама удивилась. Бросила ракетку и вдруг почувствовала, что могу все. Это ощущение возникло ни с того ни с сего, но я почему-то ему сразу поверила.

— Догоняйте! — крикнула я и побежала.

Братья кинулись вслед, и даже отец, уязвленный проигрышем, решил взять реванш и принять участие в состязании. Я слышала за спиной их топот и дыхание, но я смеялась над ними, и в тот момент, когда они почти нагнали меня, припустилась вдвое быстрей. Я летела как на крыльях, не чувствуя своего лишнего веса, и каждая мышца, каждая клетка превратились будто в туго натянутые паруса, которые гнал попутный ветер. Только вперед!

С того дня мной стали интересоваться мужчины.

Сто с лишним лет назад...

Рабочий полдень еще не кончился, улицы Столицы были тихи и безлюдны. Лишь изредка проносились над головой разноцветные аэрокары. Мне навстречу семенящими шажками двигался наш священник, и я инстинктивно перешла на шаг и поклонилась ему. Он ответил на поклон, но не остановился поболтать, как обычно. Он не узнал меня. Еще бы!

Зеркальная витрина. Нелепо, но я ожидала увидеть в ней себя. Ту себя. Коротконогую стриженую девочку с лишним весом и прыщами на лбу, которые я приспособилась прикрывать челкой. Но из зеркала на меня во все глаза смотрела Николь Брандо, растрепанная, раскрасневшаяся от бега и очень хорошенькая. Чужое лицо. Моего больше не было. Ни молодого, ни старого. Никакого. И снова это противное тянущее ощущение под ложечкой, сдавливает горло. Лицо Николь в зеркале бледнеет на глазах. Я вцепляюсь в решетку ограды, я борюсь с телом Николь, заставляя себя привыкнуть к этому лицу. Моргаю, шмыгаю носом, высовываю язык, и оно в точности копирует мои гримасы. Я улыбаюсь — оно отвечает улыбкой. Так-то лучше.

Надо причесаться. И сменить это не шедшее к ней платье. Забавно, что я еще обращаюсь к себе в третьем лице.

Из салона красоты я вышла уже не похожей даже на Николь. Больше всего я напоминала Тальму, популярную дикторшу телевидения, ведущую рубрику «Вопросы и ответы». Выбрала в салоне мод сногсшибательный туалет, превысивший стандартную цену, и на контроле назвала гражданский номер Николь, который мог быть фальшивым, как и ее бумаги.

Компьютер пропустил меня. Значит, Николь Брандо действительно существовала и жила в Столице, имела приличный доход. Но кто она, чем занимается? Десятки вопросов о Николь вертелись в голове. Я не хотела думать о ней из-за возникающего каждый раз неприятного ощущения и все-таки думала.

Теперь улицы были полны народа. Из ресторанов неслись ароматы всех кухонь мира. Я уже забыла, что можно быть такой голодной. Я зашла в один из них. Публика удивленно поглядывала на мой столик — там, кажется, было все, начиная с лукового супа и пресловутого бифштекса с кровью и кончая трепангами. Все, что мне прежде запрещала медицина. Я выпила рюмку вина и неожиданно обнаружила, что оно помогает мне забыть о Николь. Тогда я выпила подряд три двойных джина, и мне стало окончательно все равно — Ингрид я, Николь или сама Тальма. Мне было девятнадцать и хотелось веселиться вовсю. Я поймала себя на том, что разглядываю мужчин за соседними столиками. Про эту сторону жизни я тоже давным-давно забыла.

Один из них подошел ко мне.

— Не составишь ли компанию, детка?

Я покачала головой.

— Не нравятся боксеры? Зря. Боксеры — хорошие парни.

Он в самом деле был не в моем вкусе. Интересно, не во вкусе Ингрид или Николь? Какие мужчины нравились Николь? Я совсем развеселилась.

У стойки бара сидел парень в «нашем вкусе». Легкая атлетика или теннис. Длинные, эластичные мышцы. Выгоревшие на солнце волосы напоминали по цвету древесную стружку, подчеркивая смуглость скульптурно правильного лица. На пухлых губах застыла очаровательная улыбка, отсутствующая и глуповатая. Улыбка была адресована спутнице — высокой тощей шатенке типа «баскетбол». Если он признает только этот тип, плохи наши дела. Я перехватила его взгляд и подмигнула. Он закрыл рот. Я доела мороженое и снова глянула в его сторону. Он уставился на наше с Николь плечо, с которого будто случайно соскользнуло платье. Похоже, он многогранен.

Надо действовать — баскетболистка собралась уходить и стаскивала его со стула. Я направилась к стойке. Меня качало, было очень весело.

— Не составишь компанию? — проворковала я. Теперь, кажется, принято такое обращение. В наши времена бытовало что-то более витиеватое.

Его колебания были недолгими. Он увернулся от баскетболистки и, пробормотав ей «увидимся завтра, детка», усадил меня на колени. Та выпила еще рюмку, покосилась на мой туалет, спросила номер модели, потрепала по щеке и удалилась.

— Легкая атлетика? — спросила я.

— Теннис. Мы же с тобой играли — у тебя классная подача. Почему ты не ушла со мной тогда?

Забавно. У нас с Николь разные вкусы.

Мы вышли на улицу.

— Значит, теннис,— сказала я.— А профессия?

— Натурщик. С моей фигуры штампуют статуи. Для стадионов, парков. Значки всякие... Вот там я.— Он показал на белеющую вдали статую.— И там, только она поменьше, отсюда не разберешь.

— А не надоест, когда всюду ты? И там и там...

— Ну и что? — удивился он.— Раз красиво...

И словно в подтверждение его слов дорогу загородила какая-то ярко-рыжая.

— Привет. Когда?

— Послезавтра, детка.

Кажется, я начинала понимать Николь. Но ощущение твердой скульптурной руки на моей талии, руки «образца», «эталона», было приятным. И я шла с ним, стараясь не смотреть на белеющие повсюду статуи.

Нам удалось поймать аэрокар, и через пять минут мы приземлились далеко за городом. Сыграли для начала несколько партий в теннис. У Николь действительно получалось превосходно, гораздо лучше, чем когда-то у Ингрид Кейн. Тело у нее было гибкое, тренированное, не знающее усталости, и Унго пришлось изрядно попотеть, чтобы добиться победы.

Потом мы гоняли наперегонки на одноместных спортивных аэрокарах. Зажмурившись, захлебнувшись встречным ветром, я неслась к солнцу, которое слепило даже через веки. И вдруг врезалась в облако. Оно было теплое, как парное молоко. Я сбавила скорость и погрузилась в него, ощущая на лице, руках и шее щекочущие капли непролитого дождя.

Потом облако разорвалось, я увидела далеко внизу зеленые поля стадионов с белыми пятнами — статуями Унго. А живой Унго настигал меня. Я совсем выключила мотор аэрокара и стала падать. Земля надвигалась. Я пронеслась над деревьями, успела захватить в горсть несколько листьев — трюк моей юности,— снова взмыла вверх, едва не столкнувшись с аэрокаром Унго, и закричала. Нечто,

чему я не знала названия, переполнило меня, выплеснулось в крике.

Что со мной?

Мы сели. Унго подошел, сердито покрутил пальцем у виска и проворчал, что мы могли бы разбиться. Я поцеловала его.

— После ужина,— сказал ои тем же непреклониым тоном, каким говорил «деткам» «завтра» и «послезавтра».

Сейчас он очень напоминал собственную статую.

...В ресторане мне снова почудилось, будто я Ингрид Кейи, молодая Ингрид. Кажется, я здесь бывала когда-то прежде. Этот зал полумесяцем, фосфоресцирующие стены, полуголые официанты с позвякивающими на руках браслетами — настоящие живые официанты. И целующиеся пары. И я с парнем. Его зовут Унго, он обнимает меня. Сейчас позовет танцевать.

— Пойдем потанцуем,— сказал Унго.

Танец был неизвестен Ингрид, но Николь его знала отлично. Ее зеленовато-пепельные волосы тяжело бились по спине в такт музыке.

Я выпила подряд несколько рюмок коньяку.

Заиграли что-то медленное. Унго притянул меня к себе, и тело Николь откликнулось точно так же, как откликалось когда-то тело Ингрид.

— Время сна,— сказал Унго (ох уж эта пунктуальность!).— Куда пойдем? «Голубое небо»? «Зеленый лес»?

Видимо, так назывались теперь отели свидаиий.

— «Розовый закат»,— наобум сказала я, уловив общий принцип.

— «Красный закат»,— поправил Унго.— Или ты имеешь в виду «Розовый восход»? Паршивые заведеиия. Лично я предпочитаю «Синее море». Решай же.

— Море так море.

«Море» оказалось довольно популярным — все комнаты были заияты. Но Уиго пообещал молодой хозяйке составить ей компанию послепослезавтра, и дело уладилось.

В коридоре мы столкиулись с каким-то парием. Наши глаза встретились, и он незаметно для Унго кивнул мие. Я никогда его прежде не видела, тем не меиее это лицо показалось мие страино знакомым.

Отель недаром иазывался «Синим морем». Зеркальные стены и пол, искусио подсвеченные, создавали иллюзию необъятного океана, по которому перекатывались белые барашки воли. Но океаи этот казался безжизненным — может, потому, что декоратор воду сделал слишком синей, а волны слишком белыми. Постель в виде парусной яхты, которая при желании начинала тихо покачиваться, будто на волнах.

Ванная комната оказалась обычной. В зеркале я снова с любопытством разглядывала стройное, загорелое тело Николь, вздрагивающее под щекочущими ледяными струями циркулярного душа.

И вдруг... Я уже почти привыкла, что у меня лицо Николь. Но у парня, что встретился нам в коридоре, тоже было лицо Николь! Вот почему он мне показался знакомым. Абсолютная копия, только сделанная под мужчину. Мне стало не по себе, но размышлять не хотелось. Наверное, я слишком много выпила. Я вылезла из душа под фен. То ли меня покачивало, то ли Унго включил качку.

Глядя, как он раздевается, я подумала, что статуи с него штампуют не зря. И что последний эксперимент Ингрид Кейн грозит затянуться. Кто я — не все ли равно? Мне девятнадцать, а Унго просто великолепен.

— Я не должен нарушать режим,— недовольно заявил он, поглядывая на часы.— От этого портится внешность.

Николь, ты не права, он очень даже забавен. Я поцеловала Унго, и на этот раз его мягкие губы нетерпеливо встретили мои. Уже не выпуская меня, он выключил свет, и над нашими головами зажглось звездное небо.

• • •

Я проснулась внезапно — будто изнутри что-то толкнуло. Часы показывали четверть шестого. Рядом, привалившись к моему плечу, посапывал Унго. Море исчезло. Через выходящую на улицу стену в комнату проникал тусклый дневной свет, по другой, телевизионной, уже беззвучно мелькали кадры рекламы и спортивной хроники.

Боль в ноге. На ступне — свежая глубокая царапина. Откуда? Я вспомнила, что это Николь поранилась о металлический прут, когда шла за мной в усыпальницу. Я вспомнила все.

Голова после вчерашнего ничуть не болела, мозг работал ясно и четко, и снова я подумала, что молодость — стоящая вещь. Даже если она повторяется. Я лежала в объятиях Унго и скрупулезно, минуту за минутой, перебирала в памяти все события вчерашнего дня.

Итак, можно считать последний эксперимент Ингрид Кейн удавшимся. Теперь меня интересовало другое — эта девушка Николь Брандо, ее непонятное тело, отныне ставшее моим. Странные, бурные эмоциональные ощущения никак нельзя было объяснить просто молодостью. Патологические изменения в мозге, неразличимые даже точнейшими приборами? Но какова их природа, причина?

Даже мое любопытство, кажется, выросло в этом проклятом теле до гиперболических размеров. А я-то полагала, что проживу в нем всего сутки! Действовать. Немедленно.

Я стала торопливо одеваться. Проснулся Унго, взглянул на часы.

— Куда ты? До завтрака еще 47 минут.

— В моем режиме прогулка до завтрака. Улучшает пищеварение.

Унго понимающе кивнул.

— Если хочешь, мы можем встречаться. В четверг я свободен. Ты ведь знаешь, где меня найти?

Я не знала, но ответила утвердительно. Просто чтобы отвязаться. Мне уже было не до него.

Утренние газеты извещали о кончине Ингрид Кейн, в прошлом известного нейрофизиолога, ныне содержательницы одного из самых популярных домов «последнего желания» и о конфискации, за неимением наследников, всего ее имущества в пользу государства.

Теперь у меня не было ничего — ни дома, ни имени. Я шла по улицам, безуспешно пытаясь выработать какой-то план. Идти по адресу, указанному в документах Николь, было рискованно, осведомляться о ней — тем более. Нельзя даже просто гулять — ведь в любую минуту мне может встретиться кто-либо из знакомых Николь. Вроде того странного парня с ее лицом.

Время завтрака кончилось, город опустел. Меня подозвал полицейский. Попалась?

— Почему не на работе? Гражданский номер, фамилия?

Ничего не оставалось, как назвать координаты Николь. Пока полицейский справлялся у компьютера, я прикидывала, не попытаться ли удрать. Но он повернулся ко мне с улыбкой и козырнул.

— Можешь идти. Извини.

Ну и ну! То ли Николь работала в каком-то ночном заведении, то ли вообще имела право не работать... Интересно...

Одна из улиц была перегорожена — что-то строили. Я пошла в обход. И...

Стоп! Почему именно эта улица? Я проанализировала свой путь и с удивлением обнаружила, что с самого начала шла в определенном направлении, а не блуждала, как казалось. Странно. Район этот был мне незнаком, но я чувствовала, что непременно должна пройти по этой улице. Почему? Куда?

Эта странность опять-таки исходила от тела Николь. Ее дом? Судя по документам, он находился в противоположном направлении. Но документы были подделаны. Однако компьютер в Доме мод признал адрес правильным. Пойти туда? Нельзя. И не идти нельзя — единственная зацепка.

Пока я колебалась и взвешивала, ноги сами вывели меня через переулок к перегороженной улице. Мне хотелось туда, мне нужно было именно туда. А, будь что будет!

И я пошла. Минсвав эту улицу, свернула на другую, на третью. Несколько раз меня останавливали полицейские и каждый раз, извинившись, отпускали. Сколько еще идти? Видимо, Николь нравилось ходить пешком. Город кончился, потянулись виллы, но я не думала ни об усталости, ни о том, что так и не позавтракала. Я почти бежала. Я знала, что сейчас приду.

Здесь. Стандартная вилла, которую я безошибочно выделила среди сотни других, похожих на нее, как две капли воды. Сердце билось, будто после чашки крепкого кофе. Если это дом Николь, она должна знать шифр замка на входной двери. Но он стерт из ее мозга вместе с другими сведениями. Позвонить нельзя. Оставалось снова лезть через забор, хотя мой экстравагантный наряд для этого никак не годился — край юбки пришлось держать в зубах. Мне повезло — в саду было пусто. Только два робота, закончившие утреннюю уборку участка, неподвижно стояли под навесом, поблескивая выключенными глазами.

Я беспрепятственно вошла в дом. Ни души, тишина. Шторы на окнах спущены, ковры скатаны. В безлюдном полумраке комнат мои шаги отзывались гулким эхом.

Меня не покидало смутное ощущение, что я уже бывала здесь прежде. Как если бы я когда-то видела все это во сне. И вместе с тем это не был дом Николь, что я установила по отсутствию характерных признаков, которые отличают жилище женщины.

Кто он, этот мужчина? Его непонятная власть над Николь, которую даже смерть не могла стереть...

— Нельзя! — вдруг рявкнуло за спиной. Из стенного отсека, угрожающе раскинув щупальца, прямо на меня двигался робот. Я попятилась и стала втолковывать ему, что я Николь Брандо, гражданский номер такой-то... До сих пор это выручало, но на сей раз сработало, кажется, в обратную сторону.

— Николь Брандо. Нельзя, нельзя, нельзя! — заревел он, продолжая теснить меня к двери.

Я не стала дожидаться, пока меня коснутся его ледяные лапы, и повиновалась. Это чучело шло за мной до самых ворот. По дороге я пыталась что-либо у него выведать, но он был из еще более молчаливой серии, чем мой Жак, и на все вопросы лишь тупо и раскатисто повторял:

— Николь Брандо. Нельзя. Нельзя.

Ладно, времени у меня много, в девятнадцать лет можно не торопиться.

Неподалеку в ресторанчике я с аппетитом пообедала. На крыше была стоянка аэрокаров. Я взяла напрокат двухместную «Ласточку» и, развернув ее так, чтобы интересующая меня вилла была целиком в поле зрения, стала с крыши наблюдать.

Ждать пришлось долго. Очень хотелось вылезти из машины и размяться, надоедали мухи и мужчины. Но я терпела. Любопытно, как быстро человек привыкает ко всему. Даже к внезапно вернувшейся молодости. Мне уже казалось невероятным, что еще вчера утром я не могла пройти без одышки и сотни шагов, едва не померла от превосходного бифштекса, а эти увивающиеся сейчас возле моей машины парни годились бы мне в правнуки.

Только смазливое лицо Николь в зеркале над рулем... Туда я старалась не смотреть.

Уже смеркалось, когда на крыше виллы возле черного аэрокара появились две фигуры. Высокий мужчина и женщина, закутанная в сиреневый плащ. Их аэрокар повернул к Столице, моя «Ласточка» взвилась следом.

Были как раз часы пик, скорость ограниченная, и обе машины шли на автопилоте. Это облегчало преследование — расстояние между ними не сокращалось и не увеличивалось.

Внезапно черный аэрокар пошел на снижение и исчез. Разноцветные квадраты городских крыш, почти на каждой стоянке, почти на каждой — черные аэрокары. Кажется, проворонила. Я приземлилась на первой попавшейся крыше и отправилась на поиски пешком, твердо уверенная в их полной бесполезности.

Искать иголку в стоге сена...

Возле ярко освещенного подъезда ночного клуба толпился народ.

— Что здесь? — спросила я у одной из девиц, безуспешно пытающейся протолкаться к двери.

— Дэвид Гур,— бросила она и снова, зажав под мышкой сумочку, ринулась в толпу.

Ингрид Кейн отстала от жизни. Дэвид Гур. Какая-нибудь очередная знаменитость. Дэвид. Это имя Николь назвала перед смертью. Чепуха. Мало ли на свете Дэвидов!

Мне помогла отлично развитая мускулатура Николь. Едва я, взмыленная и растерзанная, прорвалась в зал, как входы перекрыли и свет стал меркнуть. Похоже, я попала в цирк. Зрительские места располагались амфитеатром, арена внизу была застлана черным пушистым ковром, в котором тем не менее отчетливо отражалась люстра.

Ударил гонг, и на арену вышел высокий худой мужчина в традиционном наряде фокусника — фрак, белоснежная манишка, цилиндр. Однако на его лице был грим клоуна или мима — белая

застывшая маска с узкими щелями рта и глаз, с нависшими надо лбом фиолетовыми прядями парика.

И я узнала этого человека так же, как и его дом,— будто видела когда-то во сне его походку, сутулость, медленные округлые жесты, слышала его голос.

— Стелла! — позвал он.

Выбежала миловидная молодая женщина, в противоположность ему совсем раздетая. Однако нагота ее выглядела естественной и домашней, будто она только что из ванной. Женщина послала публике воздушный поцелуй, влезла на тумбу и застыла в позе статуи.

Мужчина поднял с ковра тяжелый молот. Размахнувшись, он ударил женщину по плечу. Характерный звук, будто что-то разбилось,— и рука женщины упала на ковер. Он снова поднял молот. Дзинь — упала другая рука. Продолжая улыбаться, скатилась на ковер голова. Больше мне смотреть не хотелось. Дзинь, дзинь, дзинь...

Когда я открыла глаза, женщины не было — только груда бледно-розового мрамора, по которому колотил мужчина, превращая все в мелкое крошево.

Зал реагировал на происходящее довольно равнодушно — перешептывались, пересмеивались. Кто-то обнимался, кто-то потягивал через соломинку коктейль. Мужчина взмахнул рукой — мрамор вспыхнул. Заметались по арене языки пламени, повалил густой дым. А когда дым рассеялся, Стелла снова стояла на тумбе, улыбаясь и посылая в зал воздушные поцелуи.

Аплодисменты были жидкими. Все словно ждали чего-то более интересного. Гвоздя программы, ради которого сюда и рвались.

— Желающих принять участие в сеансе гипноза прошу на арену.

Желающих оказалось так много, что образовалась очередь.

— Возьмите меня первым,— горланил какой-то парень,— мне к девяти на дежурство.

— О'кэй,— кивнул Дэвид Гур, обращаясь к публике,— только за это пусть он нам уступит свою подружку.

— Молли? — Парень осклабился.— Это можно. Молли — хорошая девочка.

Пухленькая свежая блондинка, держащая его за руку, польщенно мурлыкнула.

— Вы давно встречаетесь?

— С Молли-то? Две недели. Молли — хорошая девочка.

— Тогда выпьем за здоровье Молли.

Парень залпом осушил предложенный бокал шампанского и удовлетворенно крякнул. Но вдруг глаза его расширились, нижняя

челюсть отвисла, и он застыл с гримасой тупого удивления на лице.

— А теперь слушай меня.— Гур резко повернул парня к себе за плечи.— Молли не просто хорошая девочка. Она самая лучшая. Она для тебя единственная. Тебе нравится в ней все — как она говорит, двигается, смеется...

— Гы-ы-ы! — Это смеялась Молли. Звук был довольно противным. Зал весело оживился.

— Нет ничего прекраснее ее смеха,— упрямо повторил гипнотизер.— Ее голоса, ее ласк. Жизнь без Молли пуста и скучна. Сейчас ты уйдешь, а Молли останется с нами. Ты ее больше не увидишь. Никогда. Ты вернешься в свою квартиру, где каждая вещь будет напоминать о ней. Молли, Молли! Ты можешь сбежать из дому, привести другую женщину, сотни женщин, но ни одна не заменит тебе Молли. Ты понял? Ни одна.

Гур оттолкнул парня. Он тяжело дышал, фиолетовые пряди парика прилипли ко лбу. Видимо, этот странный монолог стоил ему немало энергии. Любопытно. Но еще любопытнее было поведение парня. Похоже, что сказанная Гуром нелепица возымела свое действие. Парень болезненно озирался, кривился, будто превозмогал желание чихнуть, руки его болтались подрубленными ветками. И вот все его тело напряглось, уставившись на свою блондинку, он направился к ней. Но Гур загородил дорогу:

— Э, нет, так не годится. Ты же нам ее уступил, приятель. Девочка теперь наша. Верно?

Зал одобрительно загудел.

— Молли наша! Сюда, Молли! К нам, Молли!

Блондинка продолжала что-то мурлыкать. Парень рванулся к ней, но чьи-то руки утащили ее от арены за барьер, подняли, передали по конвейеру в другие, в третьи, увлекая в глубь амфитеатра. Толпа сомкнулась.

— Молли!

Это был даже не крик, а рев. Исступленный рев обезумевшего зверя. Парень метался вдоль арены по кругу. Сила, с которой он врезался в толпу, стараясь пробиться к своей блондинке, казалась невероятной. Но толпа, разумеется, была сильнее, он отскакивал от нее, как мяч от стены, и вновь с воем кидался обратно.

Зал веселился вовсю.

Наконец парень в изнеможении рухнул на пол и затих. Робот-служитель поднял его и отнес в кресло. Вскоре оттуда донесся равномерный храп.

— Он проснется через 15 минут,— объявил Гур,— кто следующий?

На арену выскочил маленький вертлявый человечек со смуглым лицом и темными курчавыми волосами.

— Я вас знаю,— сказал Гур.— Вы художник. Я был на вашей выставке.

Человек покачал головой.

— Это было давно. Теперь я жокей.

— Почему? Вы же писали отличные картины.

Человечек снова покачал головой. Он напоминал механическую игрушку.

— Плохие картины. Они не нравились комиссии. Мне дали испытательный срок. Я стал работать над декоративным панно для нового гимнастического зала. Писал целыми днями. Мне казалось, это то, что надо. Но я заблуждался. Комиссия забраковала панно, а меня переквалифицировали в жокеи.

— А где ваши картины теперь?

— Понятия не имею. Видимо, уничтожены.

— И вы довольны новой жизнью?

— Конечно. Я был плохим художником, а теперь — жокей экстра-класса. Вчера на скачках завоевал три приза. И доходы...

— Тогда отпразднуем ваши успехи. Отличное шампанское.

Гур налил два бокала. Чокнулись, выпили. И вновь эта застывшая удивленная гримаса на лице испытуемого. И громкий голос Гура, который я уже где-то слышала:

— Вы художник. Настоящий большой художник. Комиссия ошиблась. Ваше последнее панно — лучшее из всего, что вы когда-либо сделали и сделаете. Вы родились, чтобы его создать. Вы нанесли последний мазок, отошли в сторону... Вспомните. Ваше ощущение.

— Да, да.— Человек потерянно озирался.— Ощущение... Мне надо его опять увидеть. Мне надо в мастерскую.

— Поверил! — ахнул кто-то у меня за спиной.— Комиссия ему ошиблась. Ай да Гур!

Та же история. Человечек бегал вдоль арены в поисках выхода, повсюду натыкаясь на сплошную непробиваемую стену покатывающихся со смеху зрителей.

Что-то в шампанском? Но почему это «что-то» не действует на самого Гура?

Нет ли прямой связи между поведением «добровольцев» и странностями, доставшимися мне в наследство от Николь?

— Куда же вы? — кричал Гур.— Вашей мастерской больше нет. Но панно я сохранил. Узнаете?

Чистый лист бумаги. Человечек жадно выхватил его из рук Гура, прижал к груди. Его глаза сияли, будто в них горело по лампочке. В жизни не видела ничего подобного!

— Да, да, оно... Вот здесь, этот нзгнб, грация... Я бился неделю. Конечно, онн ошиблись. Ощущение. Конечно.

— Стелла!

Асснстеитка Гура, на этот раз затянутая в чериое трико, выбежала нз-за кулис и, подкравшнсь к отрешеиио бормотавшему жокею, вырвала у него листок.

— Ничего не поделаешь,— прокомментировал Гур.— По распоряженню комиссии ваше панио должно быть уничтожено.

— Н-нет!

Опять этот истошный звериный рев. Обезумевшнй человечек погнался за Стеллой, но она, ловко увериувшись, вскочила на тумбу, н на ковер посыпалнсь мелкие клочья белой бумаги.

Он на коленях ползал по полу, собирал их, пытался сложнть, а когда понял, что это бесполезно, сел, обхватнв рукамн колеии, плечн его задрожалн н нз глаз потеклн слезы.

Вскоре человечек безмятежио спал в кресле.

А в это время первый подопытный, зевая и потягиваясь, искал свою кепку.

— А где Моллн? — спросил Гур.

— Так ведь я ее отдал, чтоб пустили первым. А вот где кепка?..

Зал зааплоднровал. Убеднвшнсь, что все кончается благополучно, добровольцы полезлн через барьер, отталкивая друг друга, стремясь пробнться к Гуру.

— Все назад. Нужна женщина. Теперь нужна женщина.

Гур вскочил на тумбу. На его неподвнжном, стянутом маской лице выделялись только глаза, цепко обшарнвавшие ряды амфитеатра. И вдруг (нли мне показалось) онн остановилнсь на мие. Ингрид Кейн во мне даже обрадовалась этому, замерла в ожиданнн, ио тело Нnколь опять взбунтовалось, будто почуяв опасность. Глупо, ио в самый интересный момент иепонятиая сила заставила меня встать н выйтн нз зала.

В фойе было пусто. Я курила н безуспешно пыталась собраться с мыслямн и совладать со своим телом. Из зала время от времеии доносилнсь взрывы смеха, свнст. И вдруг чья-то рука сжала мой локоть. Парень с лицом Николь, который встретился мне в коридоре отеля «Синее море».

— Пойдем, Рнта.

То, что обращение адресовалось мне, сомнений не вызывало. Зиачнт, Рнта — мое иастоящее нмя. Илн меня прннялн за другую? Сколько их, с лицом Николь?

Мне не оставалось ничего, как повиноваться. Мы подиялись на лнфте на площадку, там уже ждал аэрокар. Он стоял как раз рядом с машнной Дэвида Гура — тоже черного цвета, но гораздо более мощная и совершенная модель. Двойннк Николь распахнул

передо мной переднюю дверцу, сел за руль. Взревели двигатели.

Мы летели молча. Куда? Зачем? Спутник не обращал на меня особого внимания, разве что пару раз подмигнул да предложил сигарету. Он включил телевизор и поудобнее откинулся на сиденье. Казалось, он ничего не видит, кроме экрана. Я искоса приглядывалась к нему. Бывает же такое сходство! Двойник Николь, Риты... Что все это значит? Голова раскалывалась от безответных вопросов.

Город давно остался позади, постепенно распыляющимися созвездиями проносились под нами огоньки вилл.

Наконец мы пошли на снижение. Мой спутник выключил экран, лицо его приняло строго официальное выражение.

Мягкий толчок и стоп. Дверь снаружи открыли, металлические щупальца компьютера просунулись в машину.

— Документы!

Двойник Николь что-то вложил в них, одно щупальце исчезло, два других обстукивали и обследовали аэрокар.

— Можете выйти.

Я огляделась. Мы находились на бетонной площадке у подножия горы. Небо то и дело прочерчивали мощные лучи прожекторов, выхватывая из темноты то провода фуникулера, то поросшие густым кустарником склоны, то похожее на пирамиду здание на самой вершине, казавшееся как бы продолжением горы. Я сразу узнала его.

Это было здание Верховной Полиции!

О нем ходили легенды. Никто толком не знал, чем там занимаются. Какими-то инопланетными влияниями. Во всяком случае, лично я никогда не слышала ничего конкретного. Здание ВП было для всех чем-то вроде символа — изображение пирамиды присутствовало на всех государственных печатях.

Вряд ли обстоятельства смерти Николь Брандо представляли государственный интерес. Тогда что же? Может быть, мой ДИК? Чепуха, они не смогли бы догадаться, даже если бы и обнаружили что-то в горшке с пальмой.

Фуникулер медленно полз вверх. Я заметила, что руки Николь дрожат. Двойник внимательно посмотрел на меня и улыбнулся.

— Мерзнешь? Включи терморегулятор.

Я сделала вид, что нажала кнопку у ворота платья. На самом деле я включила терморегулятор еще во время представления Дэвида Гура. Только тогда мне было жарко.

Наверху нас еще раз проверили, затем стена раздвинулась и, пропустив, опять сомкнулась. Вокруг здания было что-то вроде парка, но любопытство Ингрид Кейн не могло прорваться сквозь болезненные эмоциональные приступы Риты — Николь. Все мои усилия уходили на то, чтобы не трястись. Кажется, мы шли по какому-то

длинному коридору, затем снова проверка. И сразу три информации.

— Привет, Поль. Сейчас узнаю. Двести восьмой, Шеф у себя?

Моего двойника зовут Поль.

— Все в порядке. Шеф ждет. А чего это твоя сестрица не здоровается?

— Привет,— сказала я.

Мой двойник — брат Риты — Николь.

Не успела я переварить предыдущее, как получила третью информацию. Пожалуй, самую важную.

— Иди,— сказал мне Поль,— отец хочет видеть сначала тебя.

Шеф ВП — отец Поля. А следовательно, и отец Риты — Николь. Мой отец.

Я вдруг почувствовала неожиданный прилив сил. Три глотка воды. Наконец-то я что-то знаю! И я скрутила, смяла в себе Николь. В кабинет к Шефу вошла Ингрид Кейн, ее рука, толкнувшая дверь, больше не дрожала. Я должна быть предельно хитрой и осторожной. Я должна любым способом выстоять в этой партии, если не хочу вообще выбыть из турнира, который сама затеяла.

Кабинет Шефа был обставлен предельно просто — из мебели только самое необходимое. Зато масса каких-то ЭВМ и приборов вдоль стены, о назначении которых оставалось лишь догадываться. У человека, поднявшегося из-за стола мне навстречу, тоже было лицо Николь, несмотря на седые баки, морщины и абсолютно голый череп. И тут до меня дошло. Двойники, созданные методом генетического ядра, сохраняющего способности и склонности того или иного образца. В данном случае образцом был, видимо, сам Шеф. А может, его отец? Дед? Прадед?

Я поздоровалась. Шеф молча смотрел на меня, будто чего-то ждал. Потом нахмурился.

— Почему ты вошла не по форме?

Я сдирала лак с ногтей. Что мне еще оставалось? Мат с первого хода.

— Выйди и явись как следует.

А черт его знает, как следует! Я глупейшим образом продолжала стоять. Мне стало даже смешно.

И тут он вдруг сам бросил мне соломинку:

— Ты должна сказать: агент номер 423 явился по вашему вызову.

Я выползла за дверь и отдышалась. Почему он мне помог? Вряд ли можно было заподозрить такого человека в беспечности или глупости. Он не стал разоблачать меня сознательно, как если бы мы были заодно!

Поистине бредовая мысль. .

— Агент номер 423 явился по вашему вызову.

— Садись, Рита. Почему ты не давала о себе знать эти дни? Кажется, снова мат. Явно неравная партия.

— Да так как-то,— сказала я, даже не пытаясь что-либо придумать.

И опять соломинка:

— Мне доложили, что видели тебя с парнем. Хорошо, что ты снова начала развлекаться. И все-таки я бы тебя просил не пренебрегать своими обязанностями. Что нового?

Похоже, он играл со мной, как кошка с мышью. Я молчала.

— Ты виделась с ним?

— С кем? — бездарно промямлила я.

— С объектом номер 17-Д.— Он был на редкость терпелив. Казалось, он действительно мне подыгрывает, жертвует слонов и коней, а я... Я даже не знала, кто такой номер 17-Д.

— Не помню.— Я подняла глаза к потолку, гадая, когда же его терпение наконец истощится.

— Я спрашиваю о Дэвиде Гуре. Ты себя плохо чувствуешь, Рита?

Теперь он пожертвовал мне ферзя. Мысль сослаться на нездоровье мне самой в голову не пришла. Впрочем, он мог бы отправить меня на обследование и в два счета установить симуляцию. Но ферзя я съела.

— Да, отец, у меня что-то с памятью. Я видела его сегодня вечером. Я была на представлении.

— Ты с ним говорила?

— Нет, но я была на его вилле. Меня не пустили.

— Кажется, я запретил тебе туда ходить.

— Но меня туда тянуло...— За несколько секунд размышления я перебрала десятки возможных ответов и остановилась на этом — правде. Знает ли Шеф о странностях своей дочери? Знает ли, почему меня влекло на перегороженную улицу?

Он молчал. Смотрел на меня пристально и молчал, молчал. Казалось, что сердце Риты — Николь колотится на весь кабинет.

Наконец он встал, открыл один из вмонтированных в стену сейфов и протянул мне небольшой овальный предмет.

— В процессе отчета остановись подробнее на своем состоянии, на переменах, которые в себе замечаешь. Сейчас это самое важное, важнее, чем Дэвид Гур. Ты, надеюсь, понимаешь меня, Рита?

Я кивнула. Предмет по размерам и форме напоминал гусиное яйцо, только был гораздо тяжелее.

— Отчет мне понадобится к завтрашнему утру. А сейчас можешь идти к себе. Я полагаю, что тебе целесообразно пожить

здесь до полного выздоровления (это прозвучало, как приказ). Спокойной ночи, Рита.

— Спокойной ночи, отец.

Наверное, я опять что-то сделала «не по форме». Внимательный взгляд. Но на этот раз Шеф промолчал, видимо, отнеся это за счет тех «перемен в моем состоянии», о которых я должна была подробно рассказать в отчете. Какое отношение имел к этому состоянию предмет в моей руке, пока было неясно.

Дверь кабинета Шефа я закрыла с явным облегчением. Туда тут же проскользнул Поль. Я мечтала поскорее попасть «к себе», чтобы наконец-то оказаться наедине с собой и подумать, но вспомнила, что не знаю, где это «к себе». Вернуться и спросить Шефа? Неизвестно, как он отнесется к такого рода «переменам». Интуиция, которая так безошибочно привела меня к вилле Дэвида Гура, на этот раз молчала, как ни призывала я ее на помощь. Я глупейшим образом стояла посреди коридора, ощущая на себе пристальный взгляд охранника, с которым болтал Поль. Это был молодой парень, и пока что в его взгляде читался лишь чисто мужской интерес к моей особе, вернее, к телу Риты — Николь. И тут мне пришла идея. Я покачнулась, вскрикнула и сделала вид, что падаю, разрешив ему подхватить меня в объятия.

— Что-то кружится голова,— шепнула я с болезненной улыбкой,— вчера немного перебрала. Не хочу, чтоб знал отец. Не проводишь ли меня? Только тс-с-с...

Сошло. Видимо, он знал, где это «к себе». Повиснув на нем, я предоставила ему полную возможность вести меня по лабиринту лифтов и коридоров в нужном направлении. Если он и догадывался о моем притворстве, то истолковал это в свою пользу. Он довел меня до самой квартиры и даже помог открыть дверь. Знал ли он шифр по долгу службы или в силу наших интимных отношений в прошлом? Неизвестно. Во всяком случае, он не сделал попытки остаться у меня — возможно, ему просто нельзя было бросить пост. Мы лишь наскоро поцеловались, и он ушел, так и не произнеся ни слова. Наконец-то я осталась одна.

Свою квартиру я тоже не узнала, как не узнавала ничего в этом здании. Ничего и никого. Я прошлась по комнатам, с любопытством разглядывая мебель, картины, платья, белье, безделушки, и чувствовала себя так, будто попала в чужой дом. Я пыталась составить себе какое-либо представление о той, кем стала, о ее вкусах, привычках, характере. Но вокруг все было на редкость стандартным, лишенным какой бы то ни было индивидуальности. Обычная квартира современной девицы, отдающей предпочтение зеленому и золотистому тонам, духам «Весна» — на мой взгляд, слишком резким, и телевизионной рубрике «Спорт сегодня». По-

следнее я определила по стопке программ, в которых было отмечено все, касающееся спорта, аккуратно записаны имена победителей и их результаты. Правда, программы были старые — трехмесячной давности. Быть может, этот факт тоже был связан с «состоянием» Риты—Николь, о котором говорил Шеф.

За спиной что-то щелкнуло, засветился экран над столом, и симпатичная блондинка напомнила, что приближается время ужина. Замелькали, сменяя друг друга, аппетитные, красочно оформленные блюда, напитки и фрукты, которые она предлагала заказать.

Чтобы отвязаться от нее, я ткнула пальцем в цифру «5» на клавиатуре под экраном. Но, видимо, что-то напутала, потому что мгновенно появившийся из стены робот стал раздвигать стол, будто собираясь разместить на нем по крайней мере жареного быка.

— Что это значит?

— Заказан ужин на пятерых.

— Ничего подобного. Ужин номер пять, где вино.

— Первая набираемая вами цифра соответствует количеству ужинающих, а последующие через точку — номерам блюд.

И назидательно добавил, снова сдвигая стол:

— Неумеренное потребление спиртных напитков ведет к ослаблению памяти. Помните, что настоящее здоровое сердце всегда лучше искусственного.

Я с сожалением вспомнила о своем молчаливом Жаке и после ужина, оказавшегося действительно превосходным, заказала назло этому кретину бренди и сигареты.

Хотя сама знала, что веду себя, как кретинка. В желудке блаженная теплота, бренди кружит, туманит голову. Я лежу на тахте и смотрю по телевизору спортивную программу. Гребля, гонки аэрокаров, а вот Уиго играет в теннис. Он выигрывает. Молодец, Уиго! Он мне нравится, я хочу с ним встретиться еще. Мне хорошо. Мне девятнадцать лет.

Кажется, я задремала, а когда открыла глаза, со стола было убрано, свет в комнате притушен, заботливый робот прикрыл меня легким пушистым пледом. На пустом столе округло белел странный предмет, напоминающий по размерам и форме гусиное яйцо.

Я взяла его в руки. На нем стоял номер 17-Д. «Объект номер 17-Д» — так они называли Дэвида Гура. С одного бока яйцо было плоским, две кнопки — «запись» и «стоп». Включила «запись» — послышалось тихое гудение, яйцо засветилось изнутри. Я тут же нажала на «стоп» — яйцо погасло. Не стоило большого труда догадаться, что это магнитофон, на который записывались показания об объекте 17-Д.

«Остановись подробнее на своем состоянии. Сейчас это самое важное, важнее, чем Дэвид Гур».

Над этим стоило поразмыслить. Итак. Верховную Полицию по каким-то не известным мне причинам интересует Дэвид Гур. За ним установлена слежка, и главным действующим лицом в этой операции являюсь я, агент номер 423, дочь Шефа ВП. Но в процессе операции с Ритой—Николь что-то произошло — какая-то аномалия в ее состоянии, возможно, именно она привела ее к самоубийству и сделала участницей эксперимента Ингрид Кейн. Об этой аномалии Шеф знал. Более того, он вел наблюдение за состоянием Риты—Николь. И еще более того, он считал эти наблюдения «важнее, чем Дэвид Гур». И все же я была уверена, что эта аномалия каким-то таинственным образом связана именно с Дэвидом Гуром.

В другое время я бы от души посмеялась над комизмом ситуации — я вынуждена ломать голову, как бы разузнать что-либо о себе самой. Но мне было не до смеха — завтра утром Шефу нужен готовый отчет, сделанный в духе предыдущих. А если нет... Больше всего я опасалась врачебного обследования. Если меня исключат из игры, я никогда ничего не узнаю. А любопытство мое разыгралось вовсю. Похоже, что последний эксперимент Ингрид Кейн затянется.

Что же делать?

И тут меня осенило. Яйцо! Вполне вероятно, что пленка в этом магнитофоне содержала в себе и предыдущие отчеты Риты—Николь, что это своеобразный дневник, посвященный одному объекту — номер 17-Д. И стоит лишь ее с самого начала прослушать... Отличная идея. Но осуществима ли? Ничего похожего на «перемотку» или «воспроизведение» — во всяком случае снаружи. Однако яйцо не было сплошным — его разделяла пополам едва заметная линия. Оно должно раскрыться. Но как?

Было уже далеко за полночь. Я перепробовала сотни способов — один глупее другого. Все колющие и режущие предметы, нитки, проволока, химия, электричество, вода и даже статуэтка хоккеиста — фунтов на десять, которой я в исступлении колотила по яйцу, оказались бессильны. Оно как ни в чем не бывало отсвечивало белесо и холодно в моих исцарапанных, порезанных и красных ладонях с обломанными ногтями. Ни вмятины, ни царапины! Когда-то в детстве я с таким же идиотским упорством ломала игрушки, чтоб узнать, что у них внутри. Но всегда вовремя отступала в тех случаях, когда разум подсказывал, что дальнейшие попытки бессмысленны. Теперь же мое любопытство будто взбунтовалось — оно не желало слушаться рассудка. Или это было уже не любопытство, а то самое пресловутое «состояние» Риты—Николь? Короче говоря, я ничего не могла с собой поделать и, уже не

в силах что-либо придумать, снова и снова швыряла яйцо об пол, забыв об осторожности — ведь меня могли услышать.

Наконец, я в полном изнеможении рухнула на тахту и, кажется, уснула, продолжая, впрочем, и во сне резать, колоть, бить проклятое яйцо. Я проспала всего несколько минут, но когда открыла глаза, что-то изменилось. Мне показалось, я знаю, как заставить яйцо заговорить. Более того, я была уверена в этом. Мне должно было помочь нечто красного цвета. Способ открыть яйцо был связан с красным цветом. Само по себе это открытие казалось едва ли разумнее всех моих предыдущих попыток, тем более что оно мне просто приснилось. Но откуда эта нелепая уверенность сейчас, когда сна ни в одном глазу? А что если именно во сне неожиданно сработала не до конца стертая информация в мозгу уже не существующей Николь? Николь не была убита мною совсем — в этом я убеждалась все больше. Она непостижимым образом оживала во мне всякий раз, когда дело касалось Дэвида Гура.

Короче говоря, мне не оставалось ничего иного, как пуститься на поиски красного. Чушь, конечно. Почему это красное должно непременно находиться в квартире Риты, а не в кабинете у Шефа, к примеру? Тем более что Рита, видимо, не любила этот цвет, даже его оттенки. А то немногое, что мне удалось отыскать в ее гардеробе и вообще в квартире — поясок, кольцо с рубином, ярко-рыжее солнце на картине и футляр от автоматической зубной щетки, видимо, не имело к яйцу никакого отношения. Короче говоря, я была противна сама себе, когда обматывала яйцо пояском или мазала обломком губной помады. И все-таки не прекращала поисков...

Среди сваленных в беспорядке магнитофонных кассет одна оказалась самого настоящего ярко-алого цвета, но это была пленка от обыкновенного магнитофона, который стоял тут же на столике, и втиснуть ее в яйцо, даже если бы оно вдруг открылось, представлялось делом весьма сомнительным. Я поставила пленку и уже под аккомпанемент модного джазового квартета продолжала слоняться по комнате. За окном начинало светать.

И вдруг джаз оборвался. Во внезапно наступившей тишине громко и отчетливо прозвучало:

— Как успехи, Рита?

Я замерла, ощутив какую-то противную тянущую слабость под ложечкой. Я узнала этот голос — он принадлежал Шефу ВП, отцу Риты—Николь. Неужели попалась? Но в комнате по-прежнему никого, кроме меня, не было. А голос между тем повторил:

— Как успехи, Рита?

Голос звучал совсем рядом.

За мной следили! Все это время я тоже была для них «объектом наблюдения», мышью под стеклянным колпаком — от этой мысли мне вдруг стало на все наплевать.

— Как видишь,— ответила я и, сев на тахту, закурила.

— Как успехи, Рита? — издевательски повторил Шеф в третий раз, и снова как ни в чем не бывало завопил джаз.

Тут только я сообразила, что голос шел из магнитофона. Он был записан на этой же пленке, где-то между барабаном и саксофоном.

Пленка с красной кассетой.

Я невольно взглянула на лежащее на столе яйцо.

Оно было раскрыто!

Все еще не веря собственным глазам, я разглядывала миниатюрную пленку внутри, рычажок с указателем дорожек, заветные кнопки. Тебе всегда везло, Ингрид Кейн!

Значит, «яйцо» было запрограммировано на голос самого Шефа. Тройное повторение фразы «Как успехи, Рита?». Это, естественно, означало, что никто, кроме Шефа, не мог его прослушивать. Но каким образом голос Шефа попал на красную пленку? Собственно говоря, сомнений, что его записала Рита—Николь, у меня не было, как я не сомневалась и в том, что она сделала это тайно, не желая, чтобы кто-либо, тем более отец, знал, что она открывала яйцо.

Но зачем ей понадобилось его открывать? Чтобы послушать себя? Те записи, содержание которых она прекрасно должна была знать? Стоило ли ради этого мучиться — ведь записать голос Шефа в момент, когда он произносил пароль, наверняка было задачей сложной и рискованной. И все-таки Рита пошла на это. Зачем?

Но размышлять надо всем этим сейчас было по меньшей мере глупо. Я перемотала пленку и включила первую дорожку.

— Агент номер 423 докладывает,— зазвучал в комнате звонкий деловитый голос Риты,— сегодня, 16 декабря, я приступила к наблюдению за объектом 17-Д, согласно инструкции заняла место во втором ряду напротив актерского входа...

* * *

Несколько месяцев назад агенту ВП номер 423 было приказано установить наблюдение за фокусником-иллюзионистом Дэвидом Гуром. О причинах и цели этого наблюдения агент информирован не был, да это его и не интересовало. Рита просто действовала согласно инструкции. Она работала. Задача прежде всего состояла в том, чтобы:

1. Познакомиться с объектом как можно ближе.

2. Суметь ему понравиться и стать его постоянной подружкой.

3. Воспользовавшись предыдущими пунктами, добиться доступа к профессиональным секретам иллюзиониста, главным образом к так называемым «сеансам гипноза».

Рите пришлось нелегко. Гур слыл крайне странным и нелюдимым. Его ценили в цирке — выступления Дэвида Гура всегда обеспечивали аншлаг,— но там не было никого, кто мог бы похвастаться близким знакомством с иллюзионистом. Гур никогда не ходил в гости и никого не приглашал к себе, что объясняли вполне правдоподобно его ревностным отношением к некоторым своим профессиональным тайнам. Но были в его образе жизни и совсем уж необъяснимые моменты. Он не занимался спортом, хотя не только не имел неисправимых физических недостатков, но в юности даже удерживал несколько лет первенство Столицы по плаванию. Он не искал близости с женщинами, скорее наоборот, избегал их, хотя многие из его поклонниц находили его весьма интересным и буквально охотились за ним в те редкие часы, когда он выходил из дому.

Гур не бывал ни в ночных отелях, ни даже в ресторанах, довольствуясь домашней кухней. Виллу его обслуживали исключительно роботы, а ассистентка была глухонемой.

Рита отнеслась к заданию со всей серьезностью. Были найдены и опрошены те немногие женщины, с которыми Гур когда-либо имел дело. Собраны весьма ценные сведения о его привычках, пристрастиях и вкусах, вплоть до того, какого цвета и покроя женские платья ему нравятся, какие духи, прически. Все данные были заложены а ЭВМ, обработаны, и вот 16 декабря прошлого года Рита, преображенная в полном соответствии с эталоном «подружки для объекта 17-Д», явилась на его представление и заняла место во втором ряду.

Она вызвалась принять участие в одном из его опытов. Шампанское, предложенное иллюзионистом, оказалось на вкус совершенно обычным, а что было потом, она не помнила, как не помнил этого ни один из «добровольцев» Гура. Назавтра Рита снова пришла и снова вызвалась «добровольцем», но Гур никогда не использовал дважды одного и того же зрителя — все попытки обмануть его ни к чему не привели. Она стала приходить каждый день, превратившись в одну из его поклонниц, преследуя его всюду, даже там, куда простым смертным доступа не было. У дочери Шефа ВП были некоторые преимущества перед другими. Кроме того, ведь она была эталоном «подружки для объекта 17-Д».

Но тем не менее Рите пришлось изрядно потрудиться, прежде чем Гур согласился наконец посетить с ней бассейн с морской

водой неподалеку от его виллы. Рита потратила полдня на выбор шапочки и купальника, а он даже не взглянул в ее сторону. Он резвился в воде, как помешанный на плавании юнец, испытывая настолько очевидное удовольствие, что Рита сделала вполне определенный вывод: существует какая-то причина, не позволяющая объекту 17-Д жить так, как он хочет. В частности, регулярно посещать бассейн, как все приверженцы плавания.

Все-таки ей удалось еще пару раз заманить его бассейном, откуда до его виллы рукой подать, и, наконец, напроситься в гости, где он не смог устоять перед чарами своего «эталона». После этого события стали развиваться быстрее, Рита стала «постоянной подружкой» Гура, хотя сведений о нем, во всяком случае интересующих ВП, почти не прибавилось. В своих отчетах она с утомительной подробностью описывала его «вкусы, пристрастия и привычки», повторяя почти во всем своих предшественниц.

Обычно они встречались днем, за несколько часов до начала представления, и проводили время либо в бассейне, либо на вилле Гура. Затем он на своей машине подвозил Риту до города. Все ее попытки повидать его в другое время ни к чему не привели.

Почти целая лента была посвящена сложнейшей шпионской аппаратуре, которой Рита с профессиональной ловкостью буквально наводнила виллу. Но и аппаратура, как ни странно, почти не помогла. Магнитофоны воспроизводили лишь шум шагов, звяканье посуды и подобные ничего не значащие звуки. Да и с кем было разговаривать Гуру, если гости к нему не ходили, роботы были из самой «молчаливой» серии, а ассистентка — глухонемой.

Каждый вечер после представления он ужинал, потом около часа в одиночестве гулял по саду, а затем скрывался в своем кабинете и выходил оттуда лишь под утро. Не было сомнений, что весь реквизит иллюзионист хранил именно там, но доступа в кабинет не было никому, включая ассистентку. Как ни изощрялась Рита, исследуя тяжелую герметическую дверь кабинета, она не смогла обнаружить на ней никаких признаков механизма, при помощи которого Гур ее открывал. Тщательный анализ кадров, зафиксировавших на микропленке этот момент, также ни к чему не привел. Ни слова. Ни одного лишнего движения. Похоже, дверь открывалась сама собой. Или это тоже был один из трюков знаменитого иллюзиониста?

Но Рита продолжала действовать. В один прекрасный день бесследно исчезла ассистентка Гура, и тот после некоторых колебаний согласился взять Риту на ее место. Это была крупная победа. Рита получила возможность бывать на вилле каждый день. Как и предшественница, она приходила теперь к двенадцати — к этому времени

Гур уже обычно просыпался. Они вместе завтракали и приступали к репетиции в специально оборудованном помещении вблизи кабинета. Рита узнала секреты многих его трюков, кое-каким научилась сама, однако то главное, что интересовало ВП, по-прежнему оставалось загадкой.

Чем объяснить странное поведение «добровольцев» во время сеанса гипноза?

Были обследованы десятки зрителей — ни у одного из них не было обнаружено после сеанса каких-либо изменений в организме, равно как и в их поведении. Шампанское для опытов Рита заказывала сама и установила совершенно точно, что Гур откупоривает бутылку лишь во время сеанса на глазах у публики. Однако специальная кинокамера, нацеленная на его руки, зафиксировала нечто интересное. Всего лишь лишнее движение, повторяющееся от сеанса к сеансу. Похоже, что Гур, наполняя шампанским очередной бокал, что-то незаметно вливал туда или подсыпал.

Если это так, то каким образом заполучить хотя бы миллиграмм этого «что-то»?

Несомненно было одно: Гур хранит «это» в кабинете, иначе Рита давно бы все выяснила. И она заметила, что каждый раз перед представлением иллюзионист без всякой видимой причины заходил на несколько минут в кабинет, а когда возвращался, манжет левого рукава его рубашки чуть заметно оттопыривался. Как-то в пути их аэрокар качнуло, Рита будто бы случайно схватила Гура за левую руку выше кисти и действительно нащупала небольшой округлый предмет, видимо, прикрепленный к цепочке от часов.

Действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не вызвать у объекта 17-Д ни малейших подозрений,— таково было строгое указание Шефа. Несколько предложенных Ритой планов были напрочь забракованы, но вот, наконец, один из них показался приемлемым — весьма грубоватый, примитивный, но зато отвечающий основному требованию — конспирации.

Дэвиду Гуру исполнилось всего лишь тридцать восемь и на здоровье он не жаловался, разве что совершенно не переносил духоты. Рита не раз замечала, как болезненно он реагировал на малейший недостаток кислорода в помещении. Его лицо бледнело, лоб покрывался испариной, и он спешил на воздух, опасаясь обморока, что с ним уже не раз случалось — в этом он сам как-то признался Рите.

И вот однажды Гур, как обычно, зашел в кабинет перед тем как ехать в цирк, но тут же выскочил оттуда и позвал Риту.

— Что с кондиционером? Там дышать нечем.

— Видимо, испорчен. Вызвать ремонтника?

— Некогда, и так опаздываем. Включи этот на полную мощь,

Конечно, для ремонтника времени не оставалось — все было продумано заранее до мельчайших деталей. Даже то обстоятельство, что в кабинете не было окон, должно было сыграть на этот раз свою положительную роль. Рита послушно включила кондиционер в смежной комнате, и Гур, услышав его гудение, снова ушел в кабинет, оставив дверь приоткрытой. Откуда ему было знать, что вместо кондиционера работает мощный насос, выкачивая воздух?

Рита сама начала задыхаться, спрятала под язык кислородную таблетку. Наконец, из-за двери кабинета послышался шум, будто упало что-то тяжелое. Пока все шло как надо. Рита выключила «кондиционер» и быстро вошла в кабинет — сейчас ее появление там выглядело естественным.

Как она и предполагала, иллюзионист лежал на полу без сознания. Рита мельком оглядела помещение — обычная, с деловитой строгостью обставленная комната. Никакого таинственного реквизита и вообще ничего такого, что бросилось бы в глаза, привлекло внимание с точки зрения ее профессии. Правда, она тут же подумала, что именно факт отсутствия этого «таинственного реквизита» весьма подозрителен.

Но для более детального осмотра не оставалось времени — на обморок Гура было отпущено по плану не более пяти минут. Рита склонилась над ним. На левой руке Гура, на цепочке от часов, болтался, как брелок, небольшой флакон. Рита осмотрела его, слегка нажала на пробку, и тяжелая бледно-желтая капля со слабым запахом хвои упала на дно подставленной капсулы. Одно незаметное движение — одна капля в бокал. Цвет совпадает с цветом шампанского...

Рита выдавила из флакона всего несколько капель — больше было рискованно — и запечатала капсулу. Теперь оставалось только отправить ее по месту назначения с механическим «почтовым голубем», который дежурил снаружи перед окном смежной комнаты. Прошло три минуты. Рита перевела часы Гура на пять минут назад — днем, когда часы лежали в спальне на туалетном столике, она перевела их на столько же вперед. Затем быстро прошла в смежную комнату, открыла окно. Поймав «голубя», отомкнула его «багажник», собираясь вложить туда капсулу, но услышала голос Шефа, руководящего операцией из Центра:

— Стой, что-то не так. Приборы показывают, что капсула пуста.

Рита распечатала капсулу и не поверила своим глазам. Там ничего не было!

Раздумывать над этим странным непредвиденным обстоятельством было некогда — свежий воздух из открытого окна наполнял помещение, и Гур мог очнуться в любую минуту. Рита вернулась

в кабинет. Еще раньше она заметила на столе пузатую колбу. Догадка подтвердилась — в колбе тяжело плескалась загадочная жидкость. Видимо, из нее-то и наполнял Гур каждый вечер маленький флакон. Пробка легко отвинчивалась. Рита капнула жидкость на ладонь, и тут же на ее глазах капля испарилась, исчезла. Видимо, таким же образом жидкость испарялась из обычной посуды, сохраняясь лишь в специальных сосудах Гура. И она удерживалась в организме человека, оказывая на него определенное действие. Пусть недолгое, но ведь в каждый бокал Гур добавлял всего одну каплю! А если дозу увеличить?

Так рассудили в Центре, и Рита немедленно получила новый приказ: прижав горлышко к губам, она сделала несколько глотков. Вкуса так и не почувствовала, только остался во рту слабый запах хвои, комната качнулась — границы ее будто раздвинулись на секунду, расплылись, и тут же снова определились, еще более резко и четко.

И все. Быстрей отсюда! Рита зорко оглядела комнату. Ничего такого, что могло бы вызвать подозрения Гура. Если даже он и заметит, что жидкости в колбе стало меньше, то наверняка решит, что, почувствовав себя плохо, недостаточно завинтил пробку или же случайно пролил жидкость на пол.

Рита включила кондиционер в смежной комнате, на этот раз настоящий, распахнула все окна. Только бы он быстрей очнулся! Она несколько раз громко его окликнула.

Наконец он отозвался. Теперь все было в порядке. Если он взглянет на часы, то увидит, что обморок длился не более минуты.

— Мы опаздываем,— напомнила Рита.

Вскоре он вышел, такой же, как всегда, разве что бледнее обычного. Проходя мимо, пристально глянул на девушку, и тут Рита почувствовала...

«Мне вдруг захотелось опустить глаза. Или закрыть их. Или отвернуться. Очень странно. Мне не хотелось, чтобы он на меня смотрел. Стало жарко, участился пульс. Но потом все прошло. Мы поехали в цирк. Сейчас самочувствие нормальное. Думаю, что действие жидкости кончилось...»

Но Рита ошиблась, хотя скрупулезное медицинское обследование не зафиксировало в организме девушки никаких физиологических изменений, разве что некоторую повышенную возбудимость нервной системы. Только сама Рита могла рассказать о том, что оставалось скрытым для приборов. Теперь она сама превратилась в важнейший «объект наблюдений» и в последующих отчетах добросовестно пыталась разобраться в том, что с ней происходило. Но это удавалось ей плохо. Путаный, бессвязный лепет не имел ничего общего с конкретным анализом, которого ждали от нее

в Центре. Ее мучило какое-то неосознанное беспокойство, непонятные нелепые желания, кое-какое представление о которых давали странные фразы вроде:

«Хотелось, чтобы кто-то сидел рядом и гладил меня по щеке. И чтоб его рука была теплая». Или: «Хотелось, чтоб все ушли, а я осталась сама с собой и думала как в школе над задачей... не знаю о чем», или наоборот: «Захотелось, чтобы когда я войду, все на меня смотрели, чтобы все знали, что я пришла. Хоть что-нибудь спросили. Для этого я крикнула. Теперь они смотрели, но не так...»

Вначале Рита просто бойко перечисляла свои странности, сама удивленно посмеиваясь над ними, потом, видимо, начала их анализировать, затем они стали беспокоить и мучить ее, она пыталась от них отделаться, критически осмыслить свое состояние, но не смогла. И наконец «болезнь Гура» завладела Ритой целиком.

Пока ее состояние не внушало ВП опасений, девушка по-прежнему работала у Гура. Его имя звучало в ее отчетах все чаще, но уже не само по себе, а в связи с симптомами ее болезни. Симптомы эти постепенно конкретизировались — теперь это были не просто нелепые хаотические желания. Все они так или иначе, как компасные стрелки, тянулись к одному полюсу — к Дэвиду Гуру.

Они были следствием непонятной власти, которую он вдруг обрел над нею.

Болезнь прогрессировала. Со стороны казалось, что служебное рвение Риты дошло до абсурда. Она буквально преследовала Гура, заполняя отчеты ничего не значащими бесполезными сведениями. Казалось, ей просто нужно болтать о Гуре. Что угодно, лишь бы о нем. Когда он прогонял ее, она вопреки всякому здравому смыслу караулила его на улице перед виллой. Видимо, это Гуру надоело, и Рите была дана отставка. Наверное, в ВП тоже пришли к выводу, что дальнейшее использование Риты в роли агента нецелесообразно и может принести лишь вред.

Последний отчет был сделан девушкой спустя три недели после того, как ей запретили видеть Гура.

Настроение у Риты было отличное. Она сообщила, что болезнь ее, по всей видимости, проходит, странных нелепых желаний она почти не испытывает, о Гуре не думает совершенно и с удовольствием возвращается к нормальному образу жизни...

Вот все, что мне удалось узнать. Дальнейшее я знала сама.

Что же произошло потом? Внезапный рецидив? Мне вспомнилось ее лицо в то утро.

— Если вы мне не поможете, я брошусь с крыши. Или с моста...

Я просмотрела телевизионные программки. Никаких пометок со времени последнего отчета. А ведь в те дни проходили Большие соревнования в честь открытия весенне-летнего сезона, за ко-

торыми следила даже я. Непохоже, чтобы Рита возвратилась к «нормальному образу жизни».

Я еще раз прослушала последний отчет. Бодрый, оживленный голосок. Пожалуй, даже слишком оживленный...

Стоп! Пленка с красной кассетой! Последний отчет был фальшивым. Рита каким-то образом записала голос отца, чтобы открыть «яйцо» и стереть «настоящий» отчет, в котором она, видимо, наговорила лишнего. Возможно, это были мысли о смерти. Во всяком случае, нечто такое, что она решила скрыть от ВП. Она уничтожила правду и заменила ее фальшивкой, рассчитанной на то, чтобы сбить ВП с толку. Рита нарушила свой долг — невероятный поступок для агента ВП, особенно для дочери Шефа. Что же все-таки заставило ее это сделать? Неужели пресловутая жидкость давала Гуру такую власть?

Если так, то я начинала понимать, почему этот фокусник заинтересовал ВП. Но тогда чем объяснить их нежелание его немедленно арестовать? Ведь человек этот опасен для общества!

Ну что же, Дэвид Гур, можете считать, что у вас появился еще один партнер. Ингрид Кейн хочет с вами встретиться.

Перспектива поединка с Гуром настолько увлекла меня, что я почти забыла о ВП, своем реальном и ближайшем противнике. Одновременная игра на двух досках?

В комнате было совсем светло, а отчет все еще не готов. Мое состояние... Я усмехнулась. Никогда прежде я так хорошо себя не чувствовала, голова после бессонной ночи оставалась ясной и свежей. Я захлопнула «яйцо» и принялась за отчет — нужно было составить его как можно хитрее, продолжив версию «выздоровления» и в то же время оставив за собой право возможных «рецидивов». И не забыть пожаловаться на провалы в памяти.

Так закончился второй день моего эксперимента.

* * *

Около месяца я провела наверху, на территории ВП, и не без пользы. Во-первых, необходимо было изучить здешний быт, порядки, законы, сотрудников. Исподволь узнать максимум об отце, брате, короче говоря, восстановить те «провалы в памяти», которые в дальнейшем могли бы мне помешать. Я должна была стать Ритой, Той, что родилась девятнадцать лет назад в семье потомственных работников ВП, члены которой из поколения в поколение занимали там руководящие посты. Той Ритой, которая выросла здесь, на горе, окончила здесь же специальную школу. Которая знала и умела то, чего не знал и не умел никто из живущих внизу,

Во-вторых, я должна была убедить всех, и в первую очередь Шефа, в своем выздоровлении. Во всяком случае, в том, что я на пути к выздоровлению. Это было крайне важно — на каждом шагу я совершала промахи, обнаруживая злополучные «провалы», которые приписывались, естественно, моей болезни. Я невольно вела их по ложному следу. Интересно, получу ли я когда-либо за это благодарность Дэвида Гура?

А между тем подлинные симптомы «болезни Гура» и не думали исчезать. Самое забавное, что я, как и Рита, тоже не смогла бы их сформулировать. И это были уже не приступы. Это было почти всегда. Мое тело, тело Риты, продолжало жить какой-то своей жизнью, не желая повиноваться разуму, и каждый раз мне приходилось прилагать усилия, чтобы заставить его подчиниться, заставить себя казаться нормальной.

Для продолжения игры было необходимо, чтобы они потеряли ко мне всякий интерес как к «объекту наблюдения по делу Гура». Исчерпать себя как экспонат. Стать для них прежней, привычной Ритой, полноценным агентом номер 423.

Я наблюдала, прислушивалась, разузнавала, всеми возможными способами добывая, восстанавливая то, что стер в свое время мой ДИК. Помимо всего прочего, это было любопытно и в аспекте моего эксперимента. Так, например, я получила у Шефа разрешение присутствовать на занятиях спецшколы и убедилась, что усваиваю все гораздо быстрее других, будто я и в самом деле не познаю заново, а лишь восстанавливаю в памяти забытое. Рита продолжала жить во мне. И вместе с тем я отлично помнила все, что должна была помнить Ингрид Кейн. Мне пришла в голову забавная мысль: а что, если Рита настолько «восстановится», что начнет борьбу с Ингрид Кейн и в конце концов вытеснит меня по праву принадлежащего ей тела? Но это предположение было скорее из области юмора. Рита воскресла, чтобы помогать мне. Чтобы, воскресая, тут же становиться мною. Так же как я становлюсь ею.

Мы превращались друг в друга.

Вообще я неплохо проводила время. Здесь были отличные спортивные площадки, бассейн, вкусная кухня и много молодежи. В свободные часы я от души развлекалась, наслаждаясь преимуществами второй молодости. Через день составляла отчеты — других обязанностей у меня не было. Несколько раз вызывал Шеф, заводил разговор на самые отвлеченные темы. Видимо, это была своеобразная форма проверки — он присматривался ко мне.

Однажды я попыталась спросить о Гуре — Шеф неопределенно пожал плечами и заговорил о другом. Отмолчался? Или Гур действительно больше не интересовал ВП? Не все ли равно! Важно, что он интересовал меня. Что это было — любопытство Ингрид

Кейн или симптомы болезни Риты? Или и то и другое? Я знала одно: мне интересно жить, поскольку меня интересует Дэвид Гур.

И вот, наконец, долгожданный момент. Медицинское обследование и специальная комиссия, где в течение двух часов мне задают самые каверзные вопросы. Я отвечаю без запинки — ни одного провала в памяти! Меня признают абсолютно здоровой, я окончательно становлюсь Ритой, полноценным агентом ВП номер 423. После этого меня вызывает Шеф. Думаю, что за новым назначением. Никогда бы не поверила, что на 128-м году жизни приобрету такую профессию. Забавно!

— Я полагаю, Рита, тебе сейчас следует немного отдохнуть. Спустись в город, развлекайся, делай, что тебе нравится. Когда понадобится, тебя вызовут.

Во мне мелькнуло подозрение — дела складывались слишком уж удачно. Но глаза Шефа смотрели спокойно и доброжелательно, а в уголках тонких губ я впервые заметила некое подобие улыбки.

— Ты свободна, Рита.

На этот раз я распрощалась с ним вполне по форме. Уже через полчаса фуникулер вез меня вниз.

* * *

Прошло несколько дней. Я отдыхала, поселившись в отеле на берегу моря. Днем купалась, загорала, а вечером аэробус за сорок минут довозил меня до Столицы, где ждал Уиго. Мы неплохо проводили время. С ним я была не Ритой и не Ингрид, а Николь Браидо — смазливой девчонкой без определенных занятий. Я ухитрилась даже попасть в прессу как одна из призеров теннисных состязаний — сказались регулярные тренировки «наверху». Еще одно подтверждение версии о «выздоровлении» было для ВП как нельзя более кстати. Особенно сейчас, когда мысли Ингрид—Риты были, как никогда, заняты Дэвидом Гуром.

В цирке он больше не выступал. В Бюро труда мне сказали, что сейчас Гур — всего-навсего рядовой участник развлекательной программы в небольшом вечернем ресторанчике на окраине Столицы. Он ушел из цирка по собственной инициативе, чем очень удивил сотрудников Бюро. Ведь его «сеансы гипноза» нравились публике и приносили Гуру немалый доход и популярность. Сменить собственную большую программу на два-три номера в жующем зале — это ли не глупость!

Мы с Уиго не без труда разыскали этот ресторанчик и видели номера Гура. «Мраморная женщина», еще несколько трюков, включая второразрядные карточные фокусы, и ничего похожего на

прежние сенсационные «опыты». Но я не была склонна квалифицировать поступок Гура как глупость — у меня было свое мнение на этот счет.

Я отдыхала и обдумывала предстоящий разговор с Гуром. Был лишь один способ вызвать его на откровенность — правда. Разумеется, не правда про Ингрид Кейн, а правда про Риту, агента ВП номер 423, которая вела за ним наблюдение и в результате сама стала «объектом наблюдения» благодаря странной жидкости с запахом хвои. Предложить ему сотрудничество. Информацию в обмен на информацию. Ведь фактически мы стали соучастниками с того момента, как я убедила ВП в своем полном «выздоровлении», дезинформировав ее относительно симптомов «болезни Гура».

Вполне вероятно, что Гур мне не поверит, сочтет мое предложение провокацией. Но в любом случае он будет вынужден вступить со мной в какой-то контакт — вряд ли он так уж легко оставит меня в распоряжении ВП, чтобы она беспрепятственно изучала развитие пресловутых «симптомов»! Разумеется, я отдавала себе полный отчет в том, насколько рискован мой будущий визит. Но в конце концов что могла потерять в этом мире Ингрид Кейн, удачно завершившая — в чем я уже убедилась — свой последний эксперимент? Разве что возможность удовлетворить в последний раз свое любопытство!

Главное было решено, теперь оставалось лишь продумать детали. Первое: встретиться с Гуром лучше всего на его вилле — в любом другом месте он сможет легко увильнуть от разговора. Причем надо застать его врасплох, взять штурмом — Рита своей несносной навязчивостью порядком осложнила мне задачу.

Второе: никто не должен знать о моем визите, а поскольку мне придется опять лезть через ограду, то лучше всего это проделать, когда на улице темно и безлюдно. Роботы в ночное время тоже обычно выключены, и у меня больше шансов беспрепятственно проникнуть на виллу. Поэтому я выбрала ночь.

Уже накануне назначенного дня тело Риты совсем вышло из повиновения — я буквально не находила себе места и ни о чем, кроме Гура, думать не могла. Мысли мешались, наскакивали одна на другую, перехватывало дыхание, вдобавок еще бессонница. Короче говоря, чувствовала себя прескверно, и это обострение болезни было очень некстати. Странная история — желание видеть Гура было чрезвычайно сильным, а тело будто отказывалось подчиниться этому желанию. Парадокс. Противоречие тела и духа.

Я уже убедилась на практике, что от такого рода приступов в какой-то мере помогает спиртное, но не хватало, чтобы я заявилась к Гуру навеселе! Нашла еще одно лекарство — движение,

Дать телу максимальную физическую нагрузку. И весь день я таскала Унго по бассейнам и кортам, а вечером так отплясывала в ресторане, что он бросил меня и бежал с инфантильной блондинкой из секции фигурного плавания. Но я добилась своего — у тела больше не было сил. Хотелось лишь одного — лечь или по крайней мере сесть. Я представила себе, как, придя к Гуру, развалюсь в мягком удобном кресле, и тело послушно поддалось обману, нетерпеливо заныло в предвкушении блаженного покоя.

И я отправилась к Гуру.

Мне везло. Пошел дождь, и на улице не было ни души. Кроме того, окно на первом этаже виллы оказалось открытым, и не пришлось «расшифровывать» замки, чему я, кстати, так толком и не научилась «наверху». Через окно я попала в оранжерею, оттуда в холл, одну за другой обошла все комнаты, включая спальню,— Гура нигде не было. И снова меня удивило, насколько легко я ориентируюсь в этом незнакомом доме. Одна, в полной темноте.

Я знала, что стою перед дверью кабинета. Гур, видимо, не изменил своей привычке работать в ночные часы и должен быть здесь. Что же делать? Постучать? Тело Риты опять забарахлило. Я постучала, прислушалась. Тишина. Постучала громче — тот же результат. Я с силой толкнула дверь и вдруг... Невероятно, но факт — дверь отворилась.

Она оказалась незапертой!

Яркий свет из кабинета ослепил меня, и я застыла на пороге, не в силах даже шевельнуться, настолько была ошеломлена. И не меньшим сюрпризом оказалось отсутствие здесь Гура. Может, я попала не в ту комнату? Но нет, все совпадало с описанием Риты — стены без окон, массивный полированный стол, рядом — сейф, куда прятал Гур свою колбу.

А свет в кабинете? Что, если иллюзионист только что был здесь и сбежал? Над таким предположением можно было посмеяться, но мне не хотелось смеяться. Где же Гур?

Я обследовала комнату. На первый взгляд в ней не было ничего необычного — стандартная кабинетная обстановка, и все же при более внимательном изучении она начинала казаться странной. Кабинет производил впечатление необитаемого. В нем не было «обжитости», которая неизбежно накладывает отпечаток на помещение, где человек работает регулярно. Тем более ежедневно.

Вдруг за спиной послышался какой-то звук. Я обернулась — по-прежнему никого. Но звук повторился. Еще, еще. Приглушенные равномерные хлопки слышались откуда-то из-под пола, из-под небольшого пушистого коврика, в котором, однако, все отражалось, как в зеркале. Подобный ковер, только гораздо больший, я видела на представлении Гура.

Я подошла ближе. Звуки прекратились, но неожиданно что-то снова глухо хлопнуло в самом центре ковра. На ощупь он был мягким, как мох. Я опустилась на колени, прижавшись ухом к тому месту, откуда доносился звук. И в ту же секунду ковер рванулся из-под меня, я провалилась куда-то в темноту. Что-то подхватило меня, прижало к земле, в нос ударил тошнотворный лекарственный запах, и я потеряла сознание.

* * *

Где я? Похоже, что на дне колодца. Хотя нет, вон потолок, только очень высокий и сделанный, как и стены, из какого-то серебристого материала с холодным блеском.

Я была привязана к креслу. Напротив сидел Гур. Он молча смотрел на меня и курил. На разделяющем нас шахматном столике лежал поясок от моего платья, в пряжку которого был вмонтирован замковый шифроопределитель. Вещественное доказательство, как бы символизирующее проигранную мною партию. И не менее символичным было кресло, о котором я так мечтала днем и где так прочно «отдыхала» сейчас. Вместо явки с повинной— арест на месте преступления, полный провал в буквальном и переносном смысле. Необходимо что-то срочно придумать, а я совсем отупела. Голова еще кружилась, мутило от лекарственного запаха во рту.

— Как ты попала в кабинет?

Впервые я видела Гура так близко. Сейчас, без грима и нелепого факирского парика, он выглядел гораздо моложе, чем со сцены. Худощавое бледно-матовое лицо с резко обозначенными скулами, жесткая щетка волос — удачное сочетание природного русого цвета и седины, очень красивые руки. И эта птичья манера сбоку, не мигая, смотреть на собеседника. Будто петух, собирающийся клюнуть.

Так уже было однажды. Он так же сидел в кресле напротив, с сигаретой в длинных подвижных пальцах, так же щелчком стряхивал пепел, по-птичьи скосив темные немигающие глаза. Я знала этого человека! Моя уверенность не имела ничего общего со смутным подсознательным узнаванием всего, связанного с Гуром,— наследство Риты—Николь. Сейчас его узнала я, Ингрид Кейн, несомненно, встречавшаяся с Гуром в своей прошлой жизни.

Где же это было? Когда?

— Как ты попала в кабинет? Только не ври, что при помощи этого.— Гур швырнул мне на колени «вещественное доказательство».

Я медлила. Слишком уж неправдоподобной была правда!

Гур совсем склонил голову на плечо, глаза еще больше округлились и потемнели.

— Послушай, Николь, ты не глупа. Ты довольно ловко меня дурачила, пора бы перестать, а? Или я тебя спалю вместе с креслом. Ты ведь этого не хочешь, верно? Ну!

Вид его весьма красноречиво подтверждал, что свою угрозу он выполнит. Наша встреча в прошлом была, кажется, гораздо приятнее. Но мне уже не до воспоминаний. Огонь, дым — б-р-р... Я терпеть не могла боли и поспешно принялась убеждать Гура в своих благих намерениях. Не могла его нигде найти, попала в кабинет...

— Как попала? — перебил он.— Через дверь?

Далась ему эта дверь!

— Она была незапертой.

— Что? Незапертой?

Я не зря, кажется, опасалась правды. Гур взвился пружиной, шагнул ко мне. В его руке блеснуло что-то острое. Я зажмурилась. И почувствовала, как путы ослабли.

— Встань. Та дверь тоже незаперта. Открой ее.

На первый взгляд ничего, кроме стены. Но потом на ее фоне я разглядела более темный, намертво впаянный прямоугольник.

— Она тоже незаперта. Ну!

Делать было нечего. Набрав в грудь побольше воздуха, я всем корпусом врезалась в прямоугольник, пальцы скользнули по холодному металлу и, потеряв опору, ткнулись в пустоту. Я будто проскочила сквозь стену, едва не упав.

За спиной щелкнуло — и полная темнота.

Постояла, прислушалась. Гур не подавал никаких признаков жизни. Ловушка? Что если он решил спалить меня здесь, сохранив кресло?

Я рванулась обратно, вновь проскочила стену, но на этот раз не удержалась на ногах и, сидя на полу, ждала, когда Гур начнет смеяться. Вот уж поистине ломиться в открытую дверь!

Но Гур не смеялся, он был очень бледен. За шиворот, как котенка, рывком поднял меня и, не отпуская, хрипло выдавил:

— Как ты это делаешь?

Мне стало не по себе. У Гура и пальцы были птичьи — так и впились мне в плечо.

— Не знаю.— Я тщетно пыталась освободиться.— Я правда не знала. Иначе к чему была волынка с кондиционером?

— С кондиционером?

Вот оно. Шанс направить разговор в нужное русло.

— Если ты согласен выслушать...

— Да,— сказал он, наконец отпуская меня.— Да. Говори.

Мы опять сидели в креслах напротив друг друга, и я пересказывала ему отчет Риты о наблюдении над объектом 17-Д. Все мое внимание уходило на то, чтобы говорить о Рите в первом лице. Гур молча слушал, нацелив на меня неподвижный птичий взгляд из прошлого Ингрид Кейн. Я рассказала про кондиционер, про жидкость с запахом хвои, про то, как качнулась комната.

— Если б знать, что дверь можно было открыть просто так...

— Это мог только ЧЕЛОВЕК.

Я сочла нужным переспросить.

— Че-ло-век,— повторил он.— Я был единственным на Землебета. Адамом. А теперь вот ты... Ева из ВП.

Он хрипло рассмеялся.

Что он такое говорит?

— У нас это назвали «болезнью Гура». Дэвид, что со мной?

— Охотники не смогли найти барсучью нору и решили справиться о ней у самого барсука.

— Если ты думаешь, что меня подослала ВП... Давай рассуждать логически. Я больна и не совсем нормальна, значит, во-первых, не являюсь полноценным агентом. Во-вторых, я же для них ценнейший экспонат, единственный в своем роде объект для изучения «болезни Гура». Зачем им было отправлять меня одну прямо тебе в руки?

— И все же тебя отпустили...

— Просто я их убедила, что здорова. Обманула ВП, чтобы встретиться с тобой и...

— Но если ты их убедила, что здорова, то тебя снова можно использовать как агента. Не так ли? Твоя логика трещит по швам.

Пришлось предъявить последний козырь.

— В конце концов... Я в твоих руках. У тебя всегда есть возможность меня убрать. И если мы перед этим обменяемся информацией, ничего не изменится, правда? Только, пожалуйста, не надо огня. Что-нибудь другое, а, Дэвид...

Гур потерся щекой о плечо, скосив на меня глаза.

Где же? Когда?

Он опять выпрямился неожиданно, как пружина, и прошел в соседнее помещение (на этот раз через обычную дверь). Я услыхала шум льющейся из крана воды. Гур вернулся с наполненным стаканом, что-то бросил, отчего вода приобрела голубоватый оттенок, и протянул стакан мне.

— Это «что-нибудь другое». Ты умрешь через два часа после того, как это выпьешь. Мгновенный паралич сердца, абсолютно безболезненно. А я за это время успею удовлетворить твое любопытство. Идет?

Вот и все. Я отлично понимала, что Гур никогда меня отсюда не выпустит и его предложение в данной ситуации, пожалуй, лучший для меня выход. То, ради чего я сюда пришла, ради чего жила эти два месяца, сейчас исполнится. Барсук покажет охотнику свою норку и убьет охотника. Забавно. Я хочу знать, где нора.

Я взяла стакан. Жидкость оказалась безвкусной, и я выпила с удовольствием, так как хотелось пить.

Гур усмехнулся.

— А ты вправду изменилась. Прежде ты ценила жизнь и интересовалась лишь тем, чем тебе приказывали интересоваться. Ты была на редкость нелюбознательна, Николь.

Я взглянула на часы. Без восемнадцати четыре.

— У нас не так уж много времени.

Он с интересом разглядывал меня, почти положив голову на плечо.

А напоследок я задам ему вопрос: «Ты когда-либо встречался с Ингрид Кейн?»

— Хорошо,— сказал он.— Пойдем.

Я убедилась, что дверь в стене он умеет «открывать» не хуже меня. Вспыхнул свет, и мы оказались в помещении с таким же высоким потолком, только гораздо просторнее. Огромный куб из серебристого материала с холодным блеском. Вдоль стен громоздились полки, сплошь заставленные картонными прямоугольниками, напоминающими старые коробки из-под конфет. И вообще все вокруг было до отказа забито странными предметами, о назначении которых я понятия не имела. Одни из них походили на мебель, другие — на приборы, третьи — вообще ни на что. Они были очень ветхие — выцветшие, потрескавшиеся краски, ржавчина Даже в воздухе, несмотря на мощные кондиционеры, ощущался музейный запах старья.

Уж не хранит ли Гур ту самую загадочную «аппаратуру», в существовании которой я прежде сомневалась? Я взяла с полки одну из «коробок». Внутри оказалась стопка пожелтевших бумажных листков со старинным шрифтом. Древний способ фиксации мыслей...

— Это книги с Земли-альфа.

— С Земли-альфа?!

— Да Здесь все с Земли-альфа.

Невероятно! Более трехсот лет существует закон, по которому любой предмет, несущий в себе информацию о родине человека, подлежит немедленному уничтожению. За нарушение этого закона — смерть. Земля-альфа — проклятая богом планета, куда господь изгнал человека из рая в наказание за грехи, вот и все. Чтобы

через несколько тысячелетий люди вновь обрели утраченный рай здесь, на Земле-бета.

— Здесь редчайший архив. И, видимо, единственный. Я обнаружил его случайно, когда в моей лаборатории на первом этаже разворотило взрывом пол. До сих пор не знаю, кто и зачем это оставил. Я тогда занимался химией. Земля-альфа интересовала меня не больше этого окурка.

Химией. Он щелчком сбил с сигареты пепел. И тут я все вспомнила. Эрл Стоун! Лет двадцать назад Дэвид Гур был Эрлом Стоуном, лучшим учеником Бернарда. Талантливый химик, восходящая в науке звезда, впоследствии внезапно исчезнувшая с горизонта. Я узнала его, когда-то худого долговязого мальчишку, которого Бернард привел однажды к нам на обед. У мальчишки был волчий аппетит, он смеялся над нами, что мы живем по старинке, семьей, а Бернард доказывал, что в старости это удобно — есть с кем поболтать о своих болячках и посидеть за картами.

Потом Бернард пошел в спальню отдохнуть, а мы за чашкой кофе проговорили на веранде до вечера. Эрл был отлично осведомлен о моих исследованиях, хотя Ингрид Кейн в то время уже давно забыли и вообще мои работы не имели никакого отношения к тому, чем занимался он сам. Он привлек меня совершенно необузданным любопытством — в этом мы были схожи. И вместе с тем я же тогда была развалиной, беседа меня утомила, отвечала я не сразу и еле слышно. А Эрл, по-птичьи скосив на меня круглые, любопытные глаза, нетерпеливо щелкал длинными пальцами по сигарете, а потом вдруг выпрямлялся пружиной со своим «Ну же! Ну!» — ему, видимо, очень хотелось стукнуть меня, встряхнуть, как старый забарахливший прибор.

— Надеюсь, мы когда-либо продолжим нашу беседу, мадам Кейн...

Он сказал это, с сомнением оглядывая меня, будто прикидывая, сколько я еще смогу протянуть. Я наблюдала, как он уходит по ярко освещенной аллее парка, двигаясь с бесшумной грацией зверя из семейства кошачьих, и впервые за много лет пожалела, что мне не двадцать.

Эрл Стоун... Я чуть было не отступила в тень, однако тут же сообразила, что он-то никак не сможет меня узнать. Я была Николь Брандо, которой двадцати еще не исполнилось. И не исполнится никогда. Забавно.

— Когда догадался, что к чему, первой мыслью, естественно, было сообщить куда следует.— Я заставила себя слушать Гура.— Но кое-что в этом хламе меня заинтересовало. Решил подождать. Потом все откладывал. Любопытно. Мне никак не удавалось их понять, существовала некая преграда... Я сам должен был изме-

читься, стать человеком с Земли-альфа. И я им стал. Я назвал эту жидкость «альфазин». Достаточно ввести два кубика...

— Но откуда она взялась?

— С Земли-альфа. Колба была упакована в одном из ящиков.

— Как же ты смог догадаться о ее назначении?

— Случайно. Просто экспериментировал. Что это такое, понял потом, когда стал сопоставлять симптомы своей болезни с этим.— Гур указал на полки.

Он явно что-то недоговаривал.

— Но ее состав, формула? Природа действия? Альфазин исчезает из обычного сосуда и моментально всасывается в кровь...

— Какое-то неизвестное нам вещество.

— Однако его должны были знать на Земле-альфа.

— Возможно. Никаких сведений на этот счет.

Гур наверняка хитрил. Он был химиком и слишком любопытным, чтобы не докопаться до сути. Чего он боится? Я почти покойница.

— Эта колба здесь?

— Альфазин кончился,— сказал Гур,— ты слишком много хлебнула. Я даже не смог продержаться в цирке до конца сезона. Там отлично платят, но их интересовали лишь сеансы гипноза. И не только их.— Гур насмешливо скосил на меня глаза.— Что ты еще хочешь знать?

— Чем они отличались от нас?

— Способностью чувствовать.

— Что ты имеешь в виду?

— Во всяком случае, не те пять чувств и инстинкты, вроде самосохранения, которыми обладают и животные. Я говорю о чувствах друг к другу. Можно назвать это совестью, общественным самосознанием — как угодно... Наш рай убил человека, позволил ему убежать в себя.

— Не понимаю...

— Они умели мечтать и жалеть, любить и ненавидеть. Непонятные слова, да? Они совсем иначе воспринимали мир и себя в мире. Гораздо обостреннее, глубже, полнее. Тот человек знал и страдания — пусть! Но это заставляло искать выход, бороться, переделывать мир. У них было искусство.

— А разве у нас...

— У нас искусность. Искусные маляры, танцоры и джазисты, которые хотят выразить только то, что умеют раскрашивать холст и стены, отплясывать лучше всех «чангу» и барабанить по клавишам. Они развлекают толпу и получают за это чеки. У равнодушных не может быть искусства. Человечество остановилось в развитии. Оно ничего не хочет и никуда не стремится. В науке оста-

лась лишь горстка любознательных, которые удовлетворяют свое личное любопытство и плюют на человечество. Любопытство кошки, гоняющейся за собственным хвостом. Земля спокойных, земля живых мертвецов.

Впервые в жизни я ощущала себя безнадежной тупицей. Предположить, что Гур попросту помешался на Земле-альфа и его странные утверждения не стоит воспринимать всерьез, было бы легче легкого. И все-таки и «болезнь Гура», и его власть над Ритой, и загадочное решение Риты умереть, и двери, которые открывались непонятно как, и тайник — все это было реальностью и требовало объяснений.

Но мое время кончилось.

Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Поспать бы! То ли дала себя знать усталость, то ли начало действовать средство Гура, но я совсем отключилась и даже не сообразила, где я, когда в мое плечо впились пальцы Гура.

— Не поняла? Не веришь? Николь...

Судя по часам, я уже давно находилась на том свете. Но Гур с его птичьими когтями никак не походил на ангела.

— Не поняла? Хочешь понять?

Я хотела только спать. Я будто скользила по наклонной плоскости куда-то в небытие, и если это была смерть, то я желала ее. Но меня удерживали пальцы Гура.

— Хочешь понять? Ты останешься здесь. Тайник в твоем распоряжении. Если хочешь понять... Я дал тебе подкрашенную воду... Я сам... я сам этого хочу. Чтобы ты поняла. Чтобы был кто-то еще. Я больше не могу...

Его пальцы разжались, и я тут же полетела в бездну. Моя последняя мысль все-таки была о смерти — я уже забыла, как засыпают в двадцать лет после сильной усталости.

Примыкающая к тайнику комнатушка, похожая на дно колодца, теперь была домом. Только самое необходимое — крошечная ванная, допотопный немой робот, кое-что из гардероба и косметики, доставленное Гуром из города по моему заказу, столик, кресло и тахта. С утра до вечера я валялась на ней, обложенная книгами и словарями, и пыталась разобраться в странных историях, где люди говорили друг другу таинственные слова, похожие на молитву, убивали себя и других, сражались с ветряными мельницами, разыгрывали длинные нелепые спектакли вокруг самых элементарных желаний. Особенно связанных с женщиной.

Я воспринимала только их музыку. Ее можно было просто слушать, не докапываясь до логики и здравого смысла. Беспокойство, которое она вызывала, не навязывалось извне, а было внутри меня, пока еще не понятное, но крайне занятное. Я слушала себя.

Мне никто не мешал. Лишь иногда за дверью слышался раздирающий душу скрип (это вычитанное «раздирающий душу» мне понравилось), и появлялся мой робот, чтобы накормить меня, подобрать с пола книги и, унося полную пепельницу окурков, удалиться с «раздирающим душу» скрипом.

Среди ночи я сквозь сон слышала шаги Гура. Вниз по лестнице и дальше по подземному коридору. Куда и зачем он ходил, я не знала. Выходить в коридор мне было строжайше запрещено, и Раздирающий Душу бдительно следил, чтобы я не нарушила этого запрета. Шаги Гура звучали чуть слышно, но почему-то каждый раз будили меня. Лишь потом я сообразила, что бессознательно ждала их в полусне.

Под утро он возвращался. Попасть в тайник можно было только через мою комнату.

Делая вид, что сплю, я наблюдала, как он крадется во тьме мимо моей тахты. Он прекрасно ориентировался в темноте, скользил меж стульев, которые я нарочно расставляла на его пути, с бесшумной грацией кошки. Как и в тот вечер, когда был Эрлом Стоуном. Почему он переменил имя и профессию? Что сейчас составляло его жизнь, помимо легальной внешней стороны? Эти вопросы занимали меня ничуть не меньше Земли-альфа. Меня интересовал Гур, а еще больше — мой интерес к Гуру.

Я знала, что Рита была его девушкой, но ко мне он ни разу не приблизился. Я тоже не делала никаких попыток к сближению, а, напротив, каждый раз, когда он пробирался к тайнику мимо моей постели, инстинктивно настораживалась, словно мне грозила опасность.

Тем более непонятно, потому что меня к нему тянуло. И не только как к источнику информации. Когда Гур был в библиотеке, я уже не могла спать, иногда не выдерживала и, наскоро одевшись, шла туда. Гур сидел на старом диване с книгой или в наушниках, закрыв глаза. Лицо его казалось пепельно-серым, а тени у глаз — голубоватыми, то ли следы грима, то ли усталости. Углы рта, руки находились в блаженно-расслабленном состоянии покоя, только сомкнутые веки, обычно неподвижные, мелко дрожали, будто ветер гнал рябь по воде.

Я осторожно садилась рядом и тоже надевала наушники. Пленка была старая, с дефектами, музыка то гремела, то совсем удалялась, и я слушала то ли Ингрид Кейн, то ли Риту, то ли Николь, которая сидела сейчас рядом с Гуром.

Я сделала очень важное открытие насчет Риты и Гура.

«Все время хотела его видеть, думала о нем, караулила...» ЛЮБОВЬ. Как на Земле-альфа. Рита была ВЛЮБЛЕНА в Гура. Это «их» слово, которое прежде было для меня лишь словесным

обозиаченнем чего-то непонятного, абсурдного, вдруг обернулось реальиостью. Даже слнщком реальностью. Мною.

Рита. Бетяика до мозга костей. Ей было поручено следить за Гуром, стать его подружкой, и она выполияла этот приказ охотно, потому что Гур не был ей неприятеи и оиа, навериое, согласилась бы на связь с ним и без инструкции. А потом альфазин, после чего ее отношение к Гуру стало похоже на болезнь. Любовь.

Гур считал, что природа любвн заключалась в стремлеиии «того» человека вырваться нз оболочкн своего замкнутого «я», ощутить едииство с другим «я».

Стремлеиие к иевозможиому. Иллюзня, самообмаи. Глупо.

Рита вряд ли созиавала, что с ней происходит, и еще меньше умела бороться со своими змоциями. Оиа иадоела Гуру, раскрыла слежку и была нсключена нз игры обеими сторонами.

Пока оиа видела его ежедневно, ей еще как-то удавалось держаться, ио вот она ие видит Гура три недели. Последиий отчет. Настроеиие отлнчное, болезнь проходит, никаких нелепых желаний, никаких мыслей о Гуре.

Через два дня она пришла ко мне проснть о смерти.

Ее лицо в то утро. Я подошла к зеркалу. Теперешияя Рита выглядела старше — то ли сказывалось подземное существование, то ли...

Мне показалось, что лицо Риты—Николь стало приобретать черты Иигрид Кейн. Вокруг глаз по-прежиему нн едннной морщники, но взгляд... И несвойствениая Рите линия губ, слнщком напряженная,— я всегда, когда размышляла, стискивала губы так, что в углах образовывались ямки. И прическа. Видимо, я механически закалывала волосы, как когда-то в молодости.

Рита была ВЛЮБЛЕНА в Гура и, оказавшнсь нзолированной от него, почувствовала, что не хочет больше жить. Ситуация, аиалогичная историям в их кингах. Но Рнта была бетянкой. Почему оиа не сообщила отцу, ие обратнлась к врачам, когда приступы стали невыносимыми? Почему оиа, более того, скрыла нх, стерла последний отчет, чтобы ей ие помешалн умереть? И с зтой же целью сама состряпала необходимые для смерти документы, когда шла ко мне?

Оиа не хотела избавиться от «болезии Гура» и связаиных с ней страдаиий, предпочла умереть, страдая. Будто видела в них какой-то смысл, удовлетворенне.

Удовольствие в страданиях? Нелепость.

Или же зто так называемая «жертва собой», с чем я тоже часто встречалась в нх книгах? Рита не могла долго обмаиывать ВП, давая неверные показания о ходе «болезни Гура», так же как

пчела одного улья не может таскать мед в другой. Но, продолжая выполнять свой долг, она играла бы против Гура, и предпочла смерть, как поступали в подобных случаях на Земле-альфа.

Я поймала себя на том, что испытываю от своего открытия гораздо большую радость, чем от всех открытий Ингрид Кейн, вместе взятых. Я впервые самостоятельно проанализировала факты и сделала выводы, пользуясь понятиями Земли-альфа, ранее мне недоступными.

Жаль только, что я не могла поделиться своим открытием с Гуром. Рита была в него влюблена и из-за этого умерла. Но Рита была мною, Ингрид Кейн, которая двадцать лет назад болтала с Эрлом Стоуном на веранде и которая тоже умерла. Обе мы теперь стали Николь, которая была жива, но вместе с тем уже не была той Николь, которую знал Гур.

Слишком много объяснений, которые отнюдь не входили в мои планы. Даже вариант: «Я преследовала тебя, потому что была влюблена» — не годился, так как не соответствовал действительности. Мой повышенный интерес к Гуру был в основном познавательным, хотя память Риты продолжала жить во мне. И память Ингрид Кейн, которая когда-то пожалела, что ей не двадцать.

Но никаких безумств. Гур приходил теперь менее усталым, и мы вместе познавали Землю-альфа. Вначале он был учителем, но постепенно я нагнала его. Мы тогда были слишком поглощены Землей-альфа, чтобы заняться друг другом. Гур сказал, что со мной как бы открывает ее заново. Ее и того человека.

Мы будто карабкались вдвоем на какую-то недоступную гору, связанные одной веревкой, тащили друг друга выше, выше, казалось, еще шаг — и вершина. Но она опять оставалась лишь ступенью, откуда начинается новая скала, еще круче. И мы снова лезли вверх, ощупью исследуя каждую впадину, каждый выступ. Нас гнало любопытство — что там, дальше?

История человечества. Тысячелетия, века... У каждого века свои проблемы. У каждой страны, у каждого поколения. У каждого человека. Они были такими разными в своем сходстве. Каждый — целый мир, загадка.

Мы поняли: чтобы до конца постичь все это, не хватит и тысячи жизней. И все-таки карабкались.

Нищета, неравенство, физические страдания. У кого беспощадней и острей клыки, тот победитель. Душат друг друга, идут войной. Брат на брата, народ на народ...

XX век. Здесь какой-то провал, заговор молчания. Будто не было в их истории этого таинственного века. Оставалось лишь догадываться о каких-то бурях и катаклизмах, в результате чего большая часть планеты, десятки стран и народов то ли вообще перестали суще-

ствовать, то ли стали для «Свободного мира» таким же табу, как у нас Земля-альфа.

«Свободный мир» — так они называют себя. Найдены новые дешевые способы получения энергии, всю неприятную и тяжелую работу отныне поручают машинам. Но человеку все хуже. Учащаются самоубийства, клиники переполнены душевнобольными, искусство все мрачнее и безнадежнее. Духовные страдания оказываются страшнее физических. Языки сливаются в один, но говорящие на нем не понимают друг друга и даже не пытаются понять. СТРАСТЬ, НЕНАВИСТЬ, ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ, СОСТРАДАНИЕ — эти слова, прежде определяющие человеческие взаимоотношения, постепенно исчезают. В моде спокойствие и безразличие, культ отчуждения. Люди Земли-альфа словно подражают бетянам, а те, кому это не удается, прибегают к алкоголю и наркотикам, чтобы духовно и эмоционально отупеть, забыться в своем отчуждении. Бегство в себя от себя. Замкнутый круг. Тупик.

Они мечтают об одиночестве и страдают от него. Потому что они другие, потому что им слишком многое дано. Но они не хотят этого многого. Они находят во Вселенной рай, где можно быть одиноким и самому по себе, не страдая. И бегут туда.

На Землю-бета. На планету Спокойных.

Все это представлялось нам величайшей нелепостью, какой-то ошибкой в конструкции нашего предка. Мы часто спорили, и я, увлекшись, начинала приводить аргументы, которые в устах Николь звучали совсем уж невероятно. Ловила на себе удивленно-пристальный взгляд Гура и спешила перевести разговор на другую тему, потому что разбираться в проблемах Земли-альфа на уровне девочки из ВП все равно не имело смысла.

Эти паузы не нравились нам обоим, и вскоре Гур принял правила игры. Лицо его не менялось, даже если я цитировала изречения профессора Мичи, умершего восемьдесят лет назад. Моя личность занимала его гораздо меньше, чем наши регулярные беседы. Думаю, что если бы в тот период я даже призналась ему, что я Ингрид Кейн, ему было бы все равно.

Но все же он первым взглянул на меня. Я что-то доказывала и вдруг заметила, что он на меня смотрит. Не как обычно, не видя, ожидая лишь завершения моей мысли, чтобы бросить ответную реплику, а, наоборот, не слыша.

— Ты не слушаешь?

— Тебе надо отдохнуть, Николь. Неважно выглядишь.

— Чепуха, послушай...

— Завтра я свободен. Как насчет морской прогулки? Тебе нужен свежий воздух. И хватит курить.

Гур отнял у меня сигарету. Мой окурок чем-то заинтересовал

его, он нацелил взгляд на пепельницу, полную таких же окурков.

— Ты что?

Гур поспешно поставил пепельницу на место.

— До завтра.

Когда затихли его шаги, пепельницей занялась я. Скорее всего я иначе, чем Рита, втыкала в нее окурки... Да мало ли что! Он обратил на меня внимание. Это было скорее плохо, чем хорошо.

* * *

Гур зашел за мной очень рано, и, пока я плелась за ним по загадочному коридору (успев заметить, что он продолжается без конца), пока мы поднимались по лестнице к люку, ведущему в кабинет (откуда я свалилась), а затем на лифте на крышу, я неудержимо зевала, хотя впервые за много дней меня вывели на волю развлекаться. Правда, под конвоем, но все же... Меня покачивало, будто после болезни, колени дрожали.

В Столице уже наступила осень. Небо походило на мокрую простыню, через которую ветер сеял капли дождя. На черном лакированном корпусе гуровского аэрокара рыжими мазками прилипли кое-где мертвые листья. Я с наслаждением глотнула пряный сырой воздух, голова закружилась, но через секунду все встало на свои места. Крыши соседних домов, прилипшие к аэрокару листья и капли на стекле показались обостренно четкими, как на фотографии.

Будто я снова глотнула альфазина.

Преимущество молодости — способность организма мгновенно восстанавливать силы.

Окна аэрокара были зашторены — для конспирации, и я не видела, куда мы летим. Но можно было догадаться, что к одному из рекомендованных в утренней сводке погоды пляжей, где «день обещает быть солнечным и теплым». Гур всю дорогу молчал, я дремала.

Стоп. Дверца распахнулась, и я почти вывалилась из аэрокара на горячий песок. Трудно было поверить, что где-то осень и дождь, что еще час назад по корпусу аэрокара скатывались капли. Сейчас он был раскаленный, сухой, и в нем отражались дюны и море.

Море плескалось в нескольких шагах, на его фоне подернутое утренней дымкой небо казалось тусклым, белесым. Солнце грело, но не жгло — то самое «бархатное» тепло, в которое погружаешься, как в ванну, которое размагничивает, усыпляет, ласково укачивая, подобно газу «вечного успокоения». Песок набился в туфли, под одежду, но вставать не хотелось.

— Может, хотя бы переоденешься?

Гур направлялся ко мне с купальником, наверное, с тем самым, в котором когда-то соблазняла его Рита. Он был уже босиком и в шортах, сутулый, угловатый и нескладный, как подросток, но в движении его тело становилось красивым, гибким и сильным, как у зверя из семейства кошачьих. Эрл Стоун...

Он помог мне подняться, подал купальник и продолжал что-то говорить, спокойно глядя на меня. Я ждала, когда он отвернется, и уже собиралась попросить его об этом, как вдруг сообразила, что Николь была его подружкой и ему вовсе не обязательно отворачиваться в подобной ситуации. Я почувствовала, что краснею, и с досадой рванула молнию на платье, но Гур уже все понял.

Его взгляд на мгновение вцепился в мое лицо, но он тут же отвернулся и, бросив мне купальник, ушел разбирать багажник. Фу, как глупо!

Гур возился с разборной лодкой. Я подошла, уже в купальнике,— он не смотрел на меня. Я положила ему руку на голову — волосы были жесткими, горячими от солнца. По его взгляду тут же поняла, что лишь усугубила предыдущую ошибку. Во всяком случае, он знал, что я сделала это, чтобы ее исправить. Я убрала руку.

Но когда лодка, наконец, была собрана, когда затрещал мотор и мы помчались к горизонту, чуть касаясь кормой воды, когда соленые брызги ударили в лицо, от ветра перехватило дыхание и нас швырнуло друг к другу — Гур уже не мог не обнять меня. Это было законом, ритуалом Земли-бета — он и она, обнявшись, мчатся по волнам в двухместной лодке. Сотни раз я каталась так в молодости, и Гур наверняка тоже, когда еще был Эрлом Стоуном. Обняться здесь было так же естественно, как в танце. Все же мы оба родились на Земле-бета.

Его ладонь легла мне на плечо, утвердилась там, потом я ощутила спиной всю его руку и почувствовала, как горячая волна кувыркнулась где-то во мне, ударила в голову и, опалив щеки, ушла. Знакомое ощущение, только, пожалуй, сильнее, чем прежде. Мне было не до анализа — меня обнимал Эрл Стоун. Я знала это и только это и опасалась одного — как бы он не убрал руку. И еще мне нужно было делать вид, что мне плевать на его руку, потому что она уже обнимала Николь тысячу раз. А ему нужно было делать вид, что он верит, что мне наплевать. Забавно. Мы оба играли и оба знали, что играем.

Мы сидели так очень долго, не шевелясь, пока Гур, наконец, не выключил мотор. Лодка остановилась, и он убрал руку. Стало вдруг очень тихо. Пляжи с соснами и дюнами, люди и коттеджи остались за горизонтом. Мы были одни в море. Вокруг перекаты-

вались белые барашки волн, лодку покачивало. Я вспомнила Унго, отель «Синее море». Тогда все было просто. И спокойно.

Я подумала, что море совсем не синее. «Голубое небо», «Зеленый лес», «Красный закат» — так тоже просто и удобно. Все прощать. Но закат на Земле-бета совсем не красный, а море не синее. Какое?

Чтобы его описать, нужно чувство. Сам для себя ты все понимаешь, но если тебе нужно кому-то рассказать... Требуются особые слова, рожденные чувством. Чувством к другому.

Бетяне этого лишены.

Синее море.

Я смотрела, как Гур плавает, плавно и ритмично закидывая руку, неслышно вспенивая воду ступнями. В воде он был естествен, как рыба, даже лицо становилось каким-то рыбьим.

А я решила установить вышку, нажала на пять метров, и, стоя на площадке, которая медленно поднималась, видела обращенное ко мне лицо Гура — теперь он лежал на спине, раскинув руки.

Он открыл глаза, и я постаралась не ударить в грязь лицом — когда-то Ингрид Кейн прыгала классно. Я выбрала один из самых сложных и эффектных прыжков, бесшумно вонзилась в воду и, не размыкая ладоней над головой, продолжала полет вниз, в темнеющую бездну. Глубже, глубже. Сейчас дыхание кончится. Предел. Рука Гура на моем плече. Нет. Вверх, быстрее!

Еще одно открытие — я хотела жить. И на этот раз меня удерживало не только любопытство. Рука на плече? Было тысячу раз. Что же?

Гур уже сидел на корме, склонив голову — точь-в-точь петух на насесте,— и по его взгляду я поняла: опять сделала что-то не то. Наверное, Рита не умела прыгать с вышки. Или боялась высоты? Все предусмотреть невозможно. Какого черта я с ним поехала?

Но тем не менее позавтракали мы с аппетитом, я сама готовила сандвичи, уже не думая о том, так ли их делала Николь, потом снова до одури плавали и, наконец, в изнеможении распластались на корме, подставив животы солнцу. Я видела краем глаза его профиль, сомкнутые под темными очками веки и инстинктивно чувствовала, что он все время наблюдает за мной, ни на секунду не выпускает из виду, несмотря на закрытые глаза.

Николь была его подружкой, и мы оба знали, что если не поцелуемся, это будет неестественно. Мы оба родились на Земле-бета, где в подобной ситуации так было всегда и, наверное, было прежде у Гура с Николь, когда они отправлялись до меня в морской вояж. До меня. Забавно.

Мы оба ждали. И оба знали, что ждем. Наконец я не выдержала и, приподнявшись на локте, приложилась к его губам. Лучше

бы я этого не делала. Правда, на поцелуй он ответил, чтобы соблюсти ритуал, но мы оба лишь играли в Гура и Николь. И знали, что играем.

В общем, в этот день все было не так и не то. Но когда мы возвращались и рука Гура снова лежала у меня на плече (правда, я ее уже не чувствовала — плечо и спина затекли, так как я боялась шевельнуться), я жалела, что этот «день здоровья» уже кончился.

* * *

Гур снова пропал и не показывался более недели. С ним ничего не случилось — каждую ночь я по-прежнему слышала его мягкие кошачьи шаги по коридору мимо моей двери. Под утро он возвращался к себе и, похоже, забыл о моем существовании.

Поначалу его отсутствие меня даже радовало — я была слишком занята собой в связи с очередным открытием. По всей вероятности, я не избежала участи Риты и тоже влюбилась в Гура. Или Рита была ни при чем и это случилось с Ингрид Кейн, которая когда-то пожалела, что ей не двадцать? Или в Гура влюбилась новая Николь, которая вместе с ним открывала Землю-альфа, чтобы, постигая того человека, постичь себя?

Я думала о нем все время. Даже когда не думала о нем. Когда сидела в тайнике одна перед экраном, в наушниках или с книгой. Представляла себе, что бы он сказал в том или ином месте, соглашалась, спорила. А потом откладывала книгу и просто думала о нем. Хаос из его реплик, жестов, мимики. Гур, Гур, Гур...

Открывать в одиночку Землю-альфа не хотелось — мне не хватало Гура, его души, мыслей. Впервые в жизни я заскучала наедине с собой.

Мне нужно было его видеть.

«Мне все время хотелось его видеть...»

Можно было позвать его, но мне нужна была иллюзия. Что я по-прежнему спокойна. Инстинкт самосохранения. Если бы Гур не откликнулся, я оказалась бы безоружной.

Я боялась его власти над собой. Теперь я знала, откуда она.

И когда Гур, наконец, пришел как ни в чем не бывало, будто мы лишь вчера расстались, я приняла правила игры.

Гур был подчеркнуто равнодушен — это его выдавало. Я знала, что он играет. И он знал, что играю я.

Мы оба, перестав быть бетянами, играли в бетян. Как те, с Зем-

ти-альфа. Никаких чувств, никакой зависимости друг от друга. Каждый в своей скорлупе, каждый сам по себе.

Гур опять приходил ежедневно, но больше я не думала о нем. Мне было легко, спокойно и пусто. Мы снова занимались лишь Землей-альфа.

Это произошло неожиданно. Я поймала взгляд Гура в зеркальной грани какого-то прибора. Он смотрел на меня и не знал, что я его вижу. В нем будто что-то распахнулось, прежде наглухо запертое, а теперь открытое, обращенное ко мне. Он перестал для меня быть бетянином. И хотя я понимала, что это происходит в нереальности, по ту сторону зеркала, что Гур воображает, будто наедине с собой, я не могла оторваться и, как завороженная, увязалась за ним в эту нереальность и тоже ответила ему взглядом, каким посмотрела бы на него наедине с собой.

Наши взгляды встретились в зеркале. Но ни он, ни я не отвели глаз — нереальность была слишком хороша.

Мы смотрели друг на друга, было очень страшно. Бетянка во мне бешено сопротивлялась, но я ее скрутила. Преодолеть себя, рискнуть. Преодолеть спокойствие. Еще хотя бы несколько мгновений...

Гур улыбнулся. Не так, будто он наедине с собой, а улыбнулся мне, как бы переводя в реальность то, что произошло между нами. Выдержать, рискнуть. И вот уже зеркала нет, его руки у меня на плечах. Лицо в лицо, глаза в глаза. Я — ТЫ. ТЫ. ТЫ.

«Не может быть»,— подумала я, закрывая глаза.

И все-таки это было — иллюзия, что я не одна. Всего несколько секунд, но ради них... Страдания ради иллюзии? Пусть.

Что с нами теперь будет, Эрл Стоун? Мы больше не бетяне, мы вроде сиамских близнецов, связанных одним кровообращением. Каждое неосторожное движение будет причинять боль другому. Все, как у них.

— Эрл...

Я назвала его настоящим именем, и он даже не удивился, ничего не спросил. Как я бы не удивилась, если бы он назвал меня Ингрид. Все предыдущее было чудом. Всего лишь пара небольших чудес в придачу.

* * *

Ночью я ждала его в своей комнате, уверенная, что он придет. И Эрл действительно пришел и молча сел на край тахты, не решаясь ко мне прикоснуться. Я подумала, что этого, в сущности, могло бы и не быть. Визит Риты, мой последний эксперимент, все, что

произошло потом... Цепь случайностей. Я ушла бы из жизни, и ничего бы не было. Ни этой сырой, похожей на дно колодца комнаты, ни жужжания кондиционера, ни Эрла Стоуна, не решающегося ко мне прикоснуться, ни нашего молчания.

И все же чудо происходило. Мне было двадцать, и я была гораздо красивее, чем Ингрид Кейн в те годы, и Эрл Стоун пришел ко мне и сидел рядом, не решаясь ко мне прикоснуться...

Спасибо тебе, Рита! «Спасибо» — их слово. Оно слишком мало, а другого нет. Почему их слова значат так мало?

Спасибо за чашку кофе. Спасибо за́ жизнь.

И еще я подумала, что ему проще — ведь Николь уже была прежде его подружкой. Но когда ею стала Ингрид Кейн и умирала в его руках, когда это произошло и его лицо в моих ладонях снова стало реальностью, лицом Эрла Стоуна, я услышала:

— Ты не Николь. Может, я сошел с ума, но ты не Николь. Кто же ты? Кто ты?

Я знала, что никогда не отвечу ему. Как бы близки мы ни были.

Он мог бы быть моим внуком.

Нет, я слишком женщина. А он — мужчина. Это нас сблизило, и это нас разделяет. Я остаюсь Ингрид Кейн, вещью в себе, я не могу открыться ему полностью. В чем-то я боюсь его.

Потому что я женщина, а он мужчина.

В чем-то мы всегда останемся тайной друг для друга.

И на Земле-альфа тоже было так.

* * *

Они сравнивали любовь с огнем — наивно, но точно. Я «горела». И все тепло, все лучшее во мне — ему.

Мое тепло как бы материализовалось в нем, каждый раз Эрл уносил с собой часть меня. И чем больше я в него вкладывала, тем сильнее привязывалась к нему. Тем больше любила.

Теперь я понимала Риту — она отдала ему слишком много, чтобы продолжать жить без него. Для себя ничего не осталось. Она сгорела совсем, ей было двадцать. А может, это действительно прекрасно — сгореть дотла?

Иногда я жалела, что не способна на это. Всегда останется несгораемый сейф, надежно запертый изнутри, куда никому нет доступа. Даже Эрлу Стоуну.

Мои сто двадцать семь. Последний эксперимент. Наверное, поэтому мне не по силам было то, что они называли СЧАСТЬЕМ.

Это когда думаешь «не может быть», когда ты до предела

натянутая поющая струна, которая вот-вот оборвется. Оно абсолют, оно «слишком», чтобы его можно было вынести долгое время.

«Вечное счастье» — бессмыслица. Все равно что «вечная молния». Разве что в настоящем раю.

Я «горела». Даже не знаю, хорошо мне было или плохо. По-всякому. Но все мое прошлое я бы отдала за полчаса с Эрлом. Даже когда мы играли в бетян, даже когда было плохо. Когда его взгляд вдруг останавливался на мне в мучительном недоумении:

— Ты не Николь. Может, я сошел с ума... Кто ты?

Он осмелился спросить это вслух лишь однажды. Он знал, что я не Николь. Он сомневался в очевидном, сомневался в самом себе. Вопрос был слишком интимен, все равно что признаться в потере рассудка.

Только я могла бы ему помочь. Но не могла. Оставляла одного и сама оставалась одна. Нам обоим было плохо в такие минуты. Но уже эта схожесть состояний вновь сближала нас, уже это казалось чудом.

Я по-прежнему не знала, куда и зачем он уходит по ночам, и не стремилась узнать. Эта его тайна как бы компенсировала мою. Так было легче удирать от его мучительного: «Кто ты, Николь?»

Будто причиняя боль себе, я частично избавляю его от боли. Иллюзия? Возможно. Спасительная жертва. У них тоже так было.

Но я знала — рано или поздно Эрл мне все расскажет. Моя неосведомленность тяготила его самого едва ли не больше, чем меня. Он был человеком абсолюта. Отдать все. Дотла. В этом отношении он походил на Риту. Или просто они оба были молоды?

Почему Эрл не полюбил ее?..

Гаснет свет, мы на дне колодца. Жужжит кондиционер. Тело Риты, душа Ингрид. Кто из нас умирает в твоих руках?

Ингрид была совсем другой. Любопытно, понравилась бы она тебе? Или все-таки я с тобой остаюсь Ингрид? Ты разжимаешь руки. Опять тот взгляд: «Кто ты, Николь?»

Притворяюсь, что сплю. Мы играем в бетян. Ты одеваешься и крадешься к двери с бесшумной грацией зверя из семейства кошачьих. Стараешься не разбудить меня, хотя знаешь, что я не сплю.

Твои шаги по коридору — куда и зачем, не знаю. Мы встретимся через сутки, а я уже жду.

Всю ту жизнь за полчаса с тобой. Даже когда нам плохо. Ты не должен знать, что я ненастоящая. Я не могу, Эрл!

* * *

Прошла осень, кончалась зима. За все это время произошло лишь одно пустяковое событие — у меня выпала пломба. Возможно, об этом и упоминать бы не стоило, если бы...

У Риты не было запломбированных зубов!

Я твердо это знала, так как в свое время обследовала на приборах каждую клетку ее тела — от пальцев ног до пепельных, с зеленоватым отливом волос.

И впоследствии я ни разу не обращалась к дантисту. Но вот, чистя зубы, обнаружила справа вверху маленькое аккуратное углубление, несомненно, искусственного происхождения, и вспомнила, что, когда накануне грызла орехи, мне действительно показалось, будто выскочила пломба.

Может, приборы ошиблись?

Или Рита, готовясь к смерти, за те два отпущенных ей дня решила запломбировать вполне здоровый зуб? Сомнительно.

Или... Или я не Рита? Забавно.

Или...

Ореховую скорлупу мой Раздирающий Душу успел выбросить, и я тоже постаралась выбросить из головы это происшествие. Кто я? — не все ли равно. Я замечала, что даже для Эрла Стоуна этот вопрос постепенно теряет былую остроту.

Мы были слишком поглощены друг другом: тем чудом, которое они называли ЛЮБОВЬЮ.

Земля-альфа, лучшее, что когда-либо было создано тем человеком, принадлежало нам. Шекспир, Гёте, Достоевский, Толстой, Бетховен, Чайковский, Моцарт... Все, что они называли КРАСОТОЙ, ПРЕКРАСНЫМ.

Теперь мы почти не разлучались — его ночные прогулки прекратились. Я и радовалась этому и чего-то боялась. Я знала, что он принял решение один, без меня, но ему необходимо, чтобы я его одобрила. Он ждал моих расспросов, но я молчала, опасаясь его откровений.

Он и так уже слишком был мной, а я не могла ответить ему тем же.

* * *

Приближался день Большого весеннего карнавала, и мне захотелось наверх. Непонятно откуда возникшее желание, от которого я никак не могла отвязаться,— ощутить себя в толпе, слиться с нею.

Единственный день в году, когда это было для нас возможно.

В костюмах и масках нас никто не узнает. Общепринятый стандарт — животное, птица, растение, насекомое. Флора и фауна Земли-бета, десятки тысяч родов и видов. Каждый постарался выбрать что-либо неизвестное — не узнанному никем виду полагался в конце праздника специальный приз. И призы тем, кто отгадает больше всех костюмов.

Мы не хотели призов. Эрл был барсом — это, разумеется, моя идея, а я — просто травой. Эрлу нравилось, когда я в зеленом. Подобие юбки из зеленых шелковистых стеблей, как у папуасок с Земли-альфа, в волосы, с которыми пришлось изрядно повозиться, вплетены зеленые нити, зеленая с золотом полумаска. Обнаженные плечи, шея и руки сверкают от золотистой пудры. Какая ты красивая, Рита! Длинные, стройные ноги чуть прикрыты колышущейся дикарской юбочкой — мои были куда хуже. И волосы...

Неуклюжая толстушка Ингрид с темными, вечно торчащими патлами — если бы можно было тебя вернуть! Мне захотелось поплакать. Сентиментальность, глупо. Закусив губу, я принялась пудрить ноги.

Эрл, оглядев меня, одобрительно свистнул. Сам он испытывал крайнюю неловкость из-за болтающегося сзади хвоста, хотел его оборвать, но я не позволила. Барс так барс.

Эрл в душе не одобрял моей затеи, считая ее рискованной и легкомысленной, но подчинился, чтобы доставить мне удовольствие.

Он не понимал, почему меня тянуло в толпу. Я сама себя не понимала.

Но когда мы проскользнули через заднюю калитку на улицу и горластый пестрый поток, представляющий флору и фауну планеты, подхватил нас и понес, когда мы будто растворились в нем, тоже пели, приплясывали, выкрикивали гортанное «ай-я-яй!», мы почувствовали, что нам обоим этого не хватало.

Общества? Но бетяне — всего лишь стадо разумных животных. Что же их заставляет держаться вместе? Привычка, расчет, инстинкт?

А мы с Эрлом? Что у нас с ними общего? Сифоны с шампанским гуляют по рукам. Пожилая дама, сделав несколько глотков, сунула сифон Эрлу и хрипло рассмеялась. По ее прыгающему подбородку, по шее стекали липкие капли. Эрл хлебнул, смотрит на меня вопросительно. Я забираю у него сифон, пью. Мне весело. Вокруг что-то трещит, свистит, хлопает. Разноцветный серпантин, конфети, шарики, ракеты. Над головой проносятся аэрокары.

Пустеет Столица, закрыты оффисы, магазины, рестораны. В зонах отдыха уже накрыты столы, белеют бочки с пивом. Будто в ка-

лейдоскопе, меняется реклама аттракционов, ждут гостей уютные дома свиданий.

«Зеленый лес», «Красный закат», «Синее море».

Молодежь на лужайке отплясывает «чангу». Мы присоединяемся. С упоением дергаемся вместе со всеми в бешеном ритме, пока не падаем в изнеможении на ковер под прохладный поток воздушного душа. Эрл обнимает меня, круглые птичьи глаза весело косят из-под маски. Мы целуемся. Очень долго, будто забыв о толпе и вместе с тем чувствуя ее присутствие.

Откуда это желание — чтобы другие увидели нас вместе? Смотрите, знайте — нам хорошо только вдвоем. Не все ли равно, знают они или нет! Стадность?

Эрл явно целовал меня для публики — смотрите, знайте! — Глаза его блестели.

— Ты молодчина! — шепнул он, имея в виду нашу вылазку.

На реке была сооружена временная плотина, на дне котлована оборудована площадка для выступлений, вокруг амфитеатром — зрительные ряды. Все места были заняты, мы с Эрлом с трудом протиснулись к барьеру у края котлована. Здесь происходили спортивные соревнования — бокс и борьба, гимнастика и акробатика, фехтование и высшая школа верховой езды. Культ красоты и здоровья. Безупречно сложенные бронзовые тела, чуть прикрытые яркими воздушными тканями, отточенные грациозные движения, гармония и пластика тела, доведенная до совершенства,— это было очень красиво, и голубое небо — действительно голубое, и безмятежно улыбающиеся лица вокруг — все наводило на мысль о золотом веке человечества.

Стройные, длинноногие девушки плавно двигались под музыку, свежий весенний ветерок обвевал разгоряченные шампанским щеки, рядом был Эрл Стоун,— я чувствовала тепло его руки, как всегда, неловко лежащей на моем плече, и пребывала в блаженном состоянии, которое они тоже называли «счастьем», но не слишком эмоциональной его разновидностью, не тем, что я про себя называла «не может быть», а чем-то спокойным, удовлетворенным. Равновесие тела и духа. Не слишком хорошо, а просто хорошо.

Вдруг пальцы Эрла больно впились мне в плечо.

— Вода!.. Там... Да нет, ты не туда... О боже!

Дальнейшее напоминало дурной сон, где самые невероятные события происходят в каком-то нереально-замедленном ритме. Гигантская плотина расползалась, будто намокшая бумага, из щелей сочилась вода, образовывая сотни водопадов, которые устремились вниз, дробясь и сверкая в солнечных лучах.

Какое-то мгновение зрелище выглядело даже красиво — раз-

ноцветные грациозные фигурки, застывшие внизу, мозаика зрительных рядов — все в туманном радужном ореоле водяной пыли.

Потом вопль одновременно из тысячи ртов:

— А-а-а-а!..

Человеческая мозаика внизу ожила, задвигалась, будто в калейдоскопе, и ринулась вверх, к проходам. Давка, стоны, визг. Те, кому удавалось перебраться за спасительный барьер, с любопытством толкались в проходе, образуя еще большую пробку. А внизу вода, казалось, кипела, заливая котлован, в бурлящей белой пене один за другим исчезали зрительные ряды, шум воды заглушал крики тонущих, ржанье обезумевших лошадей.

Вода прибывала. Добравшиеся до верхнего ряда, не в силах выбраться через проход, пытались дотянуться до барьера — всего три метра отвесной стены. Если стать друг другу на плечи... Но это никому не приходило в голову, равно как и у стоящих по ту сторону барьера — намерения помочь. Каждый спасал себя, каждый, оказавшись в безопасности, превращался в любопытствующего зрителя.

Два-три раза в жизни мне приходилось наблюдать подобные сцены, когда невозмутимость зрителей и моя собственная невозмутимость представлялась вполне естественной. Спасать — обязанность спасательных служб, они несут за это ответственность и наказываются за человеческие жертвы.

Но сейчас... Эти искаженные ужасом, запрокинутые ко мне лица, почти все в масках,— будто сцены из какой-то жуткой оперетты! Бетяне страдающие, бетяне, не похожие на бетян! Желание броситься туда, к ним, навстречу умоляющим лицам и протянутым ко мне рукам. Я не задумывалась, чем конкретно могу им помочь, но я рванулась из рук Эрла. Я кричала, била кулаками в чьи-то спины. На какое-то мгновение мне удалось овладеть вниманием толпы. Однако происходящее внизу представляло для них несравненно больший интерес, чем истерика какой-то особы. Не помню, как я очутилась в объятиях Эрла, меня трясло, будто от холода, а он твердил:

— Прекрати! Они же не люди. Слышишь, Николь, они не люди. Не люди!

Плотина рухнула, и река с победным ревом устремилась в отвоеванный котлован. Прибыли аэрокары спасательной службы, из них посыпались в воду водолазы. Толпа расходилась. У барьера, кроме нас, осталась лишь группа детей, обступивших инженера-спасателя.

— Шеф, вытащите мисс Берту. Мы из двести пятого интерната, это наша воспитательница. Блондинка, в красном платье. Вытащите, шеф...

Нет, я не одинока в своей реакции, кому-то тоже не по себе. Дети. Им хочется, чтобы ее спасли. Мне даже показалось, что я ее помню — светловолосую девушку в красном платье, помню ее запрокинутое ко мне лицо, сползшую на затылок форменную шапочку интерната номер 205.

Я прижалась к толстой стриженой девчонке, похожей на маленькую Ингрид, гладила ее теплый колючий затылок.

— Вытащите ее. Она должна показать нам дрессированных слонов. У нее билеты. Наши билеты...

— Я позвоню, вас пустят так,— сказал спасатель,— двести пятый?

— Ага. Спасибо, шеф. Бежим.

Девочка оттолкнула меня, полумаска соскользнула на шею. Ее спокойные глаза. В них ничего не было.

Мы были одни. Среди живых мертвецов с обращенными внутрь глазами. Наше единение с ними оказалось иллюзией.

Земля-бета окончательно перестала быть нам родиной. Мы стали здесь чужаками, инопланетянами.

Двое с Земли-альфа, два человека. Адам и Ева.

Я вдруг впервые по-настоящему осознала разделяющую нас и их пропасть. Это была пропасть между прежней и нынешней Ингрид Кейн.

Планета невозмутимых и спокойных. И мы, навсегда обреченные среди них на одиночество.

Их преимущество перед нами — преимущество роботов перед живыми. Роботам не бывает больно: они в броне своей бесчувственности.

Мы можем говорить им какие угодно слова, кричать, плакать, биться головой о стену.

В лучшем случае они глянут на нас с любопытством. И пройдут мимо.

Но мы никогда не перестанем страдать от их равнодушия и непонимания. Потому что мы — другие.

Мне стало страшно. И Эрл, будто почувствовав это, стиснул мою руку. Мы по-прежнему ничем внешне не отличались от снующих вокруг парочек, но теперь мой взгляд с болезненной остротой выискивал все новые доказательства нашей обособленности, нашего несходства с ними.

Сидящие в одиночку на скамейках, прямо на земле. Иногда группами, но все равно в одиночку. Глаза, обращенные внутрь себя. О чем они думают? Этого никто не знает, и это никому не интересно, кроме них самих!

На дороге сидит девушка, видимо, ушибла или вывихнула ногу. Толпа обтекает ее, как река подводную корягу, спутник ее, видимо,

ушел с другой, а она сама терпеливо ждет, когда ее подберет дежурный медицинский аэрокар. Когда-то это тоже показалось бы мне вполне естественным. А теперь я сразу же представила себя на ее месте.

Очень болит нога, Эрл ушел, безучастная толпа обтекает меня, как корягу...

Я невольно замедлила шаг. Эрл понял, почему, поморщился, но все же попытался перенести ее на траву, в сторону от толчеи.

Девушка отталкивала его, скулила, он пытался ей что-то втолковать, а я ждала, и толпа обтекала меня — оценивающие мужские взгляды, прикосновения чьих-то горячих липких рук, все эти слоны, бегемоты, медведи, волки. Здоровые, сытые, мускулистые и... мертвые.

Синее море.

Розовый закат.

Я вспомнила, как Эрл однажды развел в лесу костер, как мы смотрели на изменчивое трепетное пламя, которое казалось живым именно из-за своей неопределенности, полутонов, многоликости, трепетности.

Костер излучал тепло.

После этого свет искусственных ламп показался мне удручающе безжизненным и холодным. Они и мы...

Наконец Эрл вернулся.

— Пустая затея. Она даже не понимает, чего я от нее хочу. Пусть валяется. Они не люди.

— Вспомни, мы были такими же.

— Ничего не хочу вспоминать.— Он поднял меня и понес куда-то прочь от дороги. Эрл хотел, чтобы я тоже забыла, прижимая меня к себе исступленно и ревниво. Трава становилась все выше, расступалась с мягким шуршанием, гогот и крики постепенно стихли, потерявшись в сонном стрекоте кузнечиков.

Он бережно опустил меня на траву и с видимым облегчением содрал маску. Шепотом попросил:

— Хочу тебя видеть.

И хотя это было неосторожно, я тоже сняла маску. Его голодный взгляд набросился на мое лицо, в котором все больше проступали черты Ингрид Кейн.

Глаза в глаза. Эрл! Взлет вместе. Не может быть... Потом я падаю. Одна.

Мы стосковались по лицам друг друга.

Эрл вытянулся на спине, разбросав руки, особенно худой и нескладный в своем маскарадном трико. Его голова у меня на коленях, глаза закрыты, он еще где-то там, со мной, сейчас для него весь мир — в прикосновении моих пальцев.

Как всегда, удивляюсь и завидую его цельности. Я думаю о нем и не о нем. О погибших в котловане, о девушке с вывихнутой ногой, об одиноких на обочине дороги — слепцах с обращенными внутрь глазами.

Эрл познал одиночество.

Он прожил среди них четырнадцать лет и все эти годы, видимо, пытался с ними сблизиться. Потому что, став Человеком, уже не мог иначе.

Постойте. Взгляните. Поймите. Выслушайте.

Взгляните хотя бы друг на друга...

Они не умели и не хотели никого видеть, кроме себя.

Живой среди мертвых, один.

На Земле-альфа это называли НЕНАВИСТЬЮ. Он должен испытывать к бетянам именно это чувство.

— Они не люди, Николь...

Но я всего год назад была одной из них. Я прожила жизнь одной из них.

И, изменившись, никогда не страдала от одиночества, потому что рядом был Эрл.

— Ты ненавидишь их?

Сама не знаю, спрашивала я или утверждала.

Он глянул на меня будто откуда-то издалека, не понимая, потом покачал головой.

— Теперь нет. Теперь все равно...

«Теперь — ты»,— хотел он сказать, но не сказал, потому что я и так знала.

Я держу твое лицо в ладонях. И это они тоже называли счастьем. В груди что-то нагревается, и я вся размякаю в этом тепле. С тобой я мягкая и слабая, но одновременно твердая и сильная. И то и другое — я.

— Ты должна знать,— вдруг тихо сказал Эрл, покусывая травинку.— Альфазин не кончился.

Я сразу даже не сообразила, о чем речь.

— Альфазин?

— Я его сам создал.

— Ты?!

Мои пальцы замерли на его лице. Он вздохнул и сел.

— Ты должна знать. Все дело в троде. Видишь ли, в их атмосфере нет трода.

Он говорил быстро, глотая слова, будто опасаясь, что я ему помешаю наконец-то высказаться.

— Я все время искал причину. Почему они не похожи на нас? Почему я не могу понять их, как бы ни старался? Судя по всему, ключ к разгадке заключался в различии между двумя планетами,

которое я должен был раскопать. Принялся за географию, геологию, изучил почву Земли-альфа, растительность, климат — все, как у нас. Кроме одного: в ее атмосфере не оказалось трода.

— Но это еще ничего не доказывает...

— Я тоже так считал, но все же попытался получить в лабораторных условиях воздух Земли-альфа. Это было непросто: чтобы искусственным путем удалить трод, получить для него реагент, пришлось потратить два года. И вот — альфазин.

Однако его было слишком мало, и производство обходилось мне слишком дорого, чтобы в ближайшем будущем... В общем, я выбрал другой путь. Предположим, что причина в троде. Предположим также, что в соединении с альфазином трод теряет свои свойства. Тогда стоит сделать себе инъекцию альфазина...

Любопытно. Опыты на животных разочаровали — никаких изменений в поведении. Я ввел себе дозу, достаточную, чтобы выработать в организме полный иммунитет к троду и его влиянию на психику, если он таковым обладает. Мне так не терпелось хоть на мгновение ощутить себя ТЕМ человеком, что я совсем не подумал о перспективе остаться им навсегда.

Нет, не думай, я никогда не жалел. Даже когда готов был к самоубийству. Опять стать одним из этих? Ни за что. Ты права: как я их ненавидел! Их непробиваемое спокойствие. Хорошо налаженные механизмы с двойной изоляцией. А если бы кому-то понадобилось... Их можно поодиночке уничтожить, превратить в рабов, заставить убивать друг друга. Я мог бы стать их господином, диктатором. Но я мечтал о другом. Заставить их страдать. Так же, как я. Как здорово было хоть ненадолго расшевеливать их альфазином!

— Поэтому цирк?

— Отчасти. «Сеансы гипноза» приносили к тому же немалый доход, а мне нужны были средства, чтобы осуществить задуманное.

Трод жадно соединяется с альфазином, теряя при этом свои свойства. Я бы назвал трод великим природным наркотиком, парализующим в человеке чувства друг к другу. Именно не убивающим, а парализующим. Помнишь, на Земле-альфа тоже искали забвения в наркотиках...

Отобрать у бетян трод, взорвать их рай — вот о чем я мечтал. Чтобы вызвать в атмосфере цепную реакцию, нужно всего лишь 12 тонн альфазина. В сутки мне удавалось получить максимум три килограмма. Одиннадцать лет непрерывной работы. Когда обнаружил слежку, не хватало четырех с половиной тонн. Из цирка пришлось уйти — иллюзионист я весьма посредственный, программа держалась только на номерах с альфазином. Доходы резко сокра-

тились, последнее время удавалось получить не более килограмма.

И я решил уничтожить лабораторию. У меня есть ты, и плевать на них. Ненависть? Смешно. Зачем мне их страдания теперь, когда я счастлив!

— А их счастье?

Удивленный взгляд. Видимо, ему это в голову не приходило.

— Их счастье, Эрл. Так же, как у нас... Как было на Землеальфа.

— Зачем? — Эрл обнял меня.— Сколько времени, усилий. Наши часы, наша жизнь. И потом риск. Зачем?

Он целует меня. Конечно, он прав.

— Как ты собираешься уничтожить лабораторию? Она в подземном коридоре?

Эрл подмигнул, как нашкодивший мальчишка.

— Как бы не так! Коридор ведет к старой шахте, там спрятан почтовый аэрокар. Это в горах, сорок минут полета. Я сам нахожу ее только по автопилоту, кругом скалы — ни кустика, ни травинки. Пейзаж мрачный, зато надежно. Сколько раз я мысленно рисовал себе. Фиолетовое облако, которое я выпускаю на волю, оно поднимается, тает над скалами. Небо становится черным, над Землейбета проносится вихрь... Всего несколько минут, но тогда бы они... А, плевать на них!

— Поедем туда...

— Зачем?

Его взгляд тревожно метнулся по моему лицу. Опасность? Зря я поспешила. Встал, протянул руку.

— Пошли.

Я удержала его, заставила сесть снова. Я чувствовала себя виноватой перед ним. Он великодушно терпел мои нежности ровно столько, сколько было нужно для успокоения моей совести. Потом мягко, но настойчиво высвободился.

— Пошли, уже поздно.

И снова нас увлекает горланящая, веселящаяся толпа ряженых, снова вокруг что-то свистит, трещит, хлопает, проносятся над головой размалеванные яркими светящимися красками аэрокары.

Почти все уже разбились на пары, их ждут ночные отели. «Синее море», «Красный закат», «Зеленый лес».

Для пожилых и некрасивых — клубы, зрелищные балаганы. Или профессиональные ласки за умеренную плату.

И одинокие. На лавочках, прямо на траве. Глаза, обращенные внутрь себя. О чем они думают? О чем думала я, когда была бетянкой, вещью в себе? О многом. 127 лет!

Несостоявшиеся мыслители, художники, музыканты, поэты. Толь-

ко для себя. Их мысли, их души умрут с их смертью. И я не в силах заставить их заговорить.

Эрл мог бы...

Я подумала, что история повторяется. Снова Ева ведет Адама к древу познания. Лишить их рая.

Только та Ева была юной. И не самозванкой. А Адам...

— Пожалуй, сегодня и покончу, верно? Удобный момент — все на карнавале. Мы успеем.

— Да, Эрл.

* * *

Я еще продолжала по инерции идти, еще где-то в подсознании предстоял путь через кабинет вниз, по коридору к старой шахте, на аэрокаре к серым скалам, где Эрл Стоун прятал свою лабораторию. Но я уже остановилась. Так лопнувший стакан еще какое-то мгновение сохраняет видимость формы, но он уже перестал быть стаканом — это груда осколков, цепляющихся друг за друга.

В кресле у дверей кабинета сидел человек. Заходящее солнце золотило его голое, точно полированное, темя.

Почему-то Шеф ВП не носил парика.

Он обернулся и встал нам навстречу.

Не может быть. Та же мысль, что в лучшие минуты с Эрлом. Вернее, антимысль той. Слишком плохо, чтобы быть на самом деле. Я успела заметить повисший за окном полицейский аэрокар. Неужели конец? Я все еще чувствовала на плече руку Эрла, но уже летела куда-то вниз, в бездну, вместе с кувыркающимся сердцем. Темно, душно, шум в ушах. И будто в тумане приближающееся лицо Эрла.

— Николь, что с тобой? Николь!

Но физически я уже в порядке — мне ведь только девятнадцать.

Удается, наконец, восстановить дыхание, предметы вокруг приобретают нормальные очертания. С этой минуты я буквально мечтаю о физической дурноте, о небытие. Но я в порядке. Я даже машинально пожимаю протянутую руку отца.

— Вот и я, Рита. Неважно себя чувствуешь? Тогда можешь идти. Поль проводит тебя домой. Ты свою миссию выполнила.

Эрл! Я молчу. Я смотрю на Эрла, который отвечает на вопросы.

— Эрл Стоун, гражданский номер такой-то, год рождения такой-то, бывший химик, ныне иллюзионист, выступающий под псев-

донимом Дэвида Гура, вы обвиняетесь в величайшем антигосударственном преступлении — сокрытии и хранении предметов, несущих информацию о Земле-альфа...

Мы знали, что это может когда-либо случиться, но гнали прочь подобные мысли, как мысли о смерти. Так же вероятно и так же невероятно, как смерть в любую минуту. И не были готовы к этому, как люди всегда не готовы к смерти.

Эрл наивно попробовал отпираться:

— Ничего не понимаю, Шеф. Какие у вас основания?

— Основания? — У этого человека была моя улыбка! Я знала, что Эрл сейчас подумал об этом. Отец извлек из кармана уже знакомое мне яйцо, о существовании которого Эрл знал.

— Как дела, Рита? Как дела, Рита? Как дела, Рита?

Меня не оставляло ощущение, что я всего лишь марионетка в жутком хаосе. Яйцо открылось. Я ожидала услышать какой-либо из монологов Риты, а вместо этого:

— Если ты думаешь, что меня подослала ВП... Давай рассуждать логически. Я больна и не совсем нормальна, значит, во-первых, не являюсь полноценным агентом... Зачем было им отправлять меня одну прямо тебе в руки?

— Как мы и полагали, это прозвучало достаточно убедительно,— прокомментировал Шеф.

Мой голос! Эрл отвечает. Опять я.

— Просто я их убедила, что здорова. Обманула ВП, чтобы встретиться с тобой и выяснить...

— Когда я понял, что к чему, первой мыслью, естественно, было сообщить куда следует. Но кое-что в этом хламе меня заинтересовало...

Наш тогдашний разговор. Каким образом? Откуда? Что-то должно произойти, сейчас же, немедленно. Со мной, с Эрлом, с этой комнатой, с миром. Но ничего не происходит. Мы стоим и слушаем самих себя, то, что говорилось только друг для друга, самое сокровенное, самое интимное. В тайнике, в моей комнате, похожей на дно колодца, во время наших конспиративных прогулок. Нет, не может быть, мы же тогда были совсем одни! И «только человек» мог проникнуть... Как ни странно, техническая невероятность, неосуществимость этого спектакля помогла мне выдержать, убедить себя в нереальности происходящего. Абсурд, это не имеет ко мне никакого отношения. Нелепый сон.

— Прекратите!

Кажется, это крикнул Эрл, но я не узнала его голоса. А лицо! И напряженное тело, будто спрессованное, скрученное, готовое к прыжку. «Он его убьет»,— вяло подумала я. Не как участница, а как зрительница.

Шеф отключает магнитофон, «яйца» в его руках как не бывало, на губах по-прежнему отштампована улыбка Риты.

— Я так и полагал, что этого окажется достаточно. Вы арестованы, Эрл Стоун. Мы бы хотели обыскать помещение.

— Вам нужно мое разрешение?

— Нет, помощь. Ведь мы не люди.

Ирония? Вряд ли. Просто констатация факта. Эрл тоже спокойно, как настоящий бетянин, распахивает дверь кабинета.

— Прошу.

Отец проходит, за ним «мальчики», неизвестно откуда взявшиеся. Эрл пропускает их, входит сам, не глядя на меня. Дверь захлопывается.

Я по-прежнему зрительница. Оба они вывели меня из игры. С кем я, кто я? Я лишена индивидуальности. Безвольное, одеревеневшее тело без чувств и без мыслей. Шок. Инстинкт самосохранения.

Рука на моем плече, там, где только что была рука Эрла. Красивый блондин с моим лицом. Поль, брат Риты, мой брат. Он что-то спросил, я ответила. Мягкое сиденье аэрокара. Телевизор, футбольный матч. Поль оставляет меня в покое. Я зрительница, я смотрю футбол.

* * *

Прячусь, бегу от самой себя куда угодно — в небытие, в безумие. Я облако, трава на лугу. Что-нибудь поэтичное. Легко и просто. Или я Рита? Настоящая Рита, бетянка, дочь Шефа ВП.

Нельзя, не смей. Надо вернуться в реальность, потому что там Эрл. Ты Ингрид Кейн. Все кончено, они увели Эрла. Слышишь, ты Ингрид Кейн? Ты в здании ВП, куда тебя привез Поль. В комнате Риты, на ее тахте. Я Ингрид Кейн. Я, я...

Все во мне сопротивляется, потому что Ингрид Кейн — это боль. Неслыханная, нечеловеческая, гораздо страшнее физической. Эрл — они убьют его, может быть, уже... Я никогда его не увижу. Эрл!

Я молча кричу от этой боли. Отчаянно, исступленно...

Я катаюсь по тахте, но я... неподвижна.

Со стороны похоже, что я сплю.

Тысячи глаз, тысячи ушей. Возможно, они следят за каждым моим жестом. В спальне темно и тихо, но мне кажется, что это тишина сцены, перед которой зрительный зал. Невидимые наблюдатели, от которых невозможно скрыться.

Мне плевать, что сделают со мной. Только Эрл. Эрл, который неотделим от меня.

Так вот что они называли Страданием, вот от чего бежали на Землю-бета. Зло, несправедливость, жестокость окружающего мира. И бессилие что-либо изменить. Не могли? Не умели? Не знали?

Туда, где ты сам по себе и не страдаешь от зла. На планету одиноких и спокойных.

А мне некуда бежать, разве что от себя самой. Потому что Эрл — это я.

Боль. Молча кричу, неподвижно бьюсь на тахте, плачу без слез, притворяясь спящей, притворяясь бетянкой для тысячи невидимых глаз.

Эрл считает меня шпионкой, предательницей. Объективно так и есть. Неужели ничего нельзя исправить? Неужели? Я взываю к чуду, к богу. Господи, если ты есть...

Встаю, заказываю кофе и сандвичи. Пусть смотрят. Мне нужны силы.

Что, собственно, они знают? Эрлу предъявлено обвинение в сокрытии тайника. Но ни слова об альфазине, о лаборатории, о намерении уничтожить «рай» бетян. Почему? Маневр или просто не знали? Если знали, то почему не арестовали Эрла прежде? О «критической массе» альфазина был осведомлен только сам Эрл, и тянуть было крайне рискованно. Выжидали, когда он полностью откроется? Это произошло сегодня, но ведь Эрл ничего мне толком не сказал, лишь общие слова.

Мы шли осматривать его лабораторию — наиболее ценная информация наконец-то плыла ВП прямо в руки. Казалось бы, самый подходящий момент, чтобы на месте все выяснить, захватить нас и обезвредить.

Но они непостижимым образом отказываются от добычи, которую так долго караулили. Сами себе перебегают дорогу. Зачем? Нелепо.

Не знали? Маловероятно. Нас подслушивали даже в постели.

И что они знают обо мне? Теперь, когда я наконец-то обрела способность мыслить и попыталась вспомнить сцену ареста, мне и в ней открылось нечто страшное.

Они как будто опасались чего-то, связанного со мной. Сразу же взяли под крылышко, изолировали, увели... Я чувствовала, что еще нужна им. Зачем? Почему отец лично пришел арестовывать Эрла Стоуна — ведь обычно он поручает это кому-либо из помощников? Почему никто из агентов до поры до времени не присутствовал в холле? Мы могли бы вести себя не совсем спокойно, кстати, так и было. Я вспомнила, какое было у Эрла лицо. Шеф

предпочел рискнуть, но не допустить посторонних. Он явно боялся. Чего?

Я бессильна что-либо придумать, предпринять, и это хуже всего. Остается только ждать. Я даже не знаю, жив ли Эрл. Эрл, считающий меня предательницей.

Боль, отчаяние, бессильная злоба — всю ночь я с ними наедине. Даже плакать я не имею права, и притворяюсь бетянкой, которую караулят тысячи глаз...

Утром меня вызвали к Шефу. К одиннадцати. Заставляю себя позавтракать. Причесываюсь, замечаю, что волосы надо лбом будто обсыпаны пудрой. Я поседела. Что ж, у них тоже так было. Немного косметики, и мне снова двадцать.

Теперь и у Риты крашеные волосы.

Хорошо, что Ингрид все еще сохраняет чувство юмора.

Но я знаю, что стала другой. Эта ночь изменила Ингрид Кейн едва ли не больше, чем счастливые месяцы с Эрлом.

* * *

Я вошла по форме. Шеф кивнул и указал на стул. Эрл... На секунду перехватило дыхание. Только бы знать, что он жив!

Пауза кажется бесконечной.

— Так-то, девочка. А ты думала, всех провела, да? Впрочем, их ты и вправду провела, целую комиссию. До сих пор ни о чем не догадываются. Только я знаю, что ты...

Он помедлил. Если бы он сказал, «что ты Ингрид Кейн», я вряд ли удивилась бы.

— Что твоя болезнь неизлечима. Знал, что отправишься к Гуру, как только мы тебя отпустим. Предвидел, что он клюнет. Мы опасались, что он связан с Землей-альфа, и не хотели раньше времени спугнуть. Правда, шутка с зубом тоже была рискованная, но уж очень заманчива. Моя идея.

— С зубом? — У меня пересохло во рту.

— Как, ты не знала? — Шеф усмехнулся.— А я был уверен, что вы обнаружили. Передачи вдруг прекратились, да, собственно говоря, я уже выяснил все, что хотел. Поэтому и решил — пора кончать. А то мало ли...

Меня даже замутило от отвращения к себе: примитивно, как дважды два — обычная пломба в зубе. Разоткровенничалась! Пломба, которой не было у Николь и которая вдруг выпала у Риты. А я, погрузившись во всякие мистические измышления, не сумела сообразить... Наркоз, когда я спала, крошечный передатчик в

просверленном зубе. Я даже не искала толком эту пломбу — выпала и выпала. Тьфу!

Это я виновата, Эрл. Я действительно была шпионкой.

Они поспешили нас арестовать! Счастливая случайность. Они ничего не знают о троде и лаборатории. Впрочем, какое это имеет значение, когда за одну только книгу с Земли-альфа Эрлу грозит смерть?

А может, они его спровоцировали рассказать о лаборатории? Вряд ли. Шеф бы сейчас не был здесь.

— Что вы с ним сделали? — будто кто-то другой это спросил. Я приготовилась к крику, знала, что не смогу сдержаться, что от этой боли закричу, упаду на пол, признаюсь, что я Ингрид Кейн, стану травой на лугу, умру...

— Он здесь, в четвертом блоке. Тебе нехорошо?

Мотаю головой. Пара глубоких вздохов, и я в порядке. Я даже могу говорить.

— Отец, он же не причинит никакого вреда. Уничтожьте тайник, Эрл снова займется химией, или любая профессия... Я вылечу его. Отец!

Ловлю себя на том, что пытаюсь воздействовать на его чувства. Чувства, которых нет. Я разучилась разговаривать с бетянами. Шеф слушает меня терпеливо и снисходительно, как больную.

— Дочь Шефа ВП просит отца нарушить закон — лучше молчи, Рита. Ты больна и не понимаешь, что несешь. Это будет показательный процесс — народу не мешает напомнить, к чему приводит любопытство. Кто знает, может быть, подобные тайники... Эрл Стоун должен умереть.

— Когда?

— Об этом я и хотел с тобой посоветоваться. Как тебе известно, право лишить преступника жизни принадлежит разоблачившему его агенту.

— Так вы хотите, чтобы я...

Это уж слишком. Они предоставляют мне право убить Эрла. Меня душит смех, не могу остановить. Что-то вроде истерики. Плохо, сдают нервы...

Шеф терпеливо ждет, когда я успокоюсь.

— Ты должна, девочка. Они думают, что ты здорова. Я их убедил, будто ты действовала по моей инструкции. Если бы они знали... Тебя бы поставили с преступником на одну доску.

Забота обо мне? Отцовский инстинкт? Любопытно.

— Я их убедил, но кое-кто сомневается. Ты играла слишком правдоподобно. Я опасался: ты что-либо выкинешь, когда мы будем брать этого парня, и предпочел обойтись без свидетелей. Но

ты держалась молодцом. А теперь... Если ты откажешься, они все поймут. Тебя будут судить. Или отправят в сумасшедший дом.

— Мне все равно.

— Но наша семья будет дискредитирована, мне придется подать в оставку. Наша династия...

Так вот откуда этот мягкий просящий тон, вот зачем я ему нужна. Династия. Смешно.

— Значит, ты законник только в том, что не касается тебя лично?

— Глупости. Разве ты виновна в своей болезни. Это было нужно для дела. Сразу же после смерти Эрла Стоуна ты получишь полную свободу. Можешь спуститься вниз, отдыхать, выбрать любую профессию. Единственное условие — никогда не упоминать о Земле-альфа. Если не хочешь, чтобы сами бетяне донесли на тебя. Надеюсь, ты достаточно благоразумна. Когда Эрла Стоуна не станет, твое безумие постепенно пройдет, я уверен. Ты должна выполнить свой долг для собственного же блага.

— А если нет?

— Тогда... я уберу тебя незаметно — воздушная катастрофа, несчастный случай, мало ли... У меня нет другого выхода. А Эрлу Стоуну уже не поможешь ничем.

Молчу. Все бесполезно: Шеф рассуждает вполне логично. Ничего, кроме логики. Мы говорим на разных языках, и мы в их власти.

— Когда я должна дать ответ?

— Сейчас. С Эрлом Стоуном все ясно — любая отстрочка с исполнением приговора покажется подозрительной. Завтра в полдень преступник должен быть мертв.

— Можно мне с ним увидеться?

— Нет.

Даже на боль уже нет сил, только мозг, отказываясь сдаваться, лихорадочно ищет выхода. Будто бесполезные удары в глухую, непробиваемую стену.

Эрл, Эрл, Эрл...

И вдруг свет. Даже не мысль, а внезапное озарение, еще не успевшее сформироваться в слова.

Спокойнее, Ингрид. Шеф ничего не должен заметить.

— Я согласна.

* * *

Двухместный аэрокар мчит меня в Столицу. Знаю, что за мной нет слежки,— Шеф афиширует ко мне полное доверие. Более того, я выхлопотала для Эрла право последнего желания, право

умереть не в мрачной камере 4-го блока, а на мягкой кушетке одного из придуманных мной заведений. Среди пальм, цветов, павлинов и сладкой, дурманящей музыки.

Осмотрев для виду пару домов, я повернула аэрокар в направлении 593-й авеню, туда, где жила когда-то Ингрид Кейн.

Я рада, что пережила эту ночь, рада, что изменилась. Я теперь знаю, что это за перемена.

Я вновь научилась спокойствию. Спокойствие бетян — мертвое, высохшее русло, мое — русло, внутри которого бурлит река. Витиевато, но точно. Новая владелица, почтенная пожилая вдова в сиреневом парике, не знает, к счастью, что у меня внутри. Она видит перед собой лишь хорошенькую бетянку из ВП, выбирающую сносное заведение для казни настоящего альфиста. Вертит документы в руках, а сама не сводит с меня глаз, завидуя, вероятно, моей молодости, длинным стройным ногам и зеленовато-пепельным волосам, перехваченным золотой змейкой.

Когда-то я так смотрела на Николь. Только волосы теперь крашеные.

Конечно, она охотно покажет мне дом — альфисты на дороге не валяются, такая реклама ее заведению! Иду за ней — почти ничего не изменилось. Все те же аккуратно постриженные газоны, цветы, которые я посадила прошлой весной, а вот аллея — здесь умер Бернард. Ингрид Кейн... Неужели это когда-то было? Моя жизнь, мой эксперимент. Месяцы, годы.

Даже ржавый прут, о который Николь поранила ногу, попрежнему торчит из земли.

Но мне не до воспоминаний. Украдкой выдергиваю прут — он мне понадобится.

Сердце колотится гулко и равномерно, будто шарик пинг-понга о стол. Спокойнее, Ингрид. В усыпальнице пальмы нет.

Спокойнее. Пальмы нет. Вот и все. Ничего не вышло, Эрл.

— Что-либо не так?

— Мало зелени. Вот на 146-й авеню в усыпальнице такие пальмы...

— Пальмы? Ради бога, у меня их полно. Я думала, здесь слишком тесно, и вынесла их в холл. Сколько угодно. Минуточку.

Робот таскает в усыпальницу кадки с пальмами. Вскоре помещение начинает напоминать тропический лес. Хозяйка смотрит на меня уже без прежнего благоволения.

Она! Наконец-то она. Но я требую, чтобы принесли еще одну пальму. И документы на право владения. Хозяйка исчезает. Пользуясь ее отсутствием, быстро сую прут в землю. Уперся во что-то твердое. Кажется, ДИК на месте.

Тебе всегда везло, Ингрид Кейн.

Я еще что-то делаю, что-то подписываю, отдаю последние распоряжения на завтра, но я уже не здесь. Многое надо успеть. Ведь сегодня мой последний день на Земле.

Проститься с тем, что жалко оставлять. Я вспомнила Риту, она тоже прощалась. Тогда это меня удивило.

Пустынный в этот будний день берег реки, вода холодная, чистая. Прозрачные юркие мальки вспархивают из-под ног. Какой запах у реки — в нем снег и дождь, земля и солнце, день и ночь и все четыре времени года.

Плыву на другой берег, с наслаждением ощущая упруго журчащую вдоль тела воду. У меня даже нет времени сплавать на остров, где водятся раки.

И я никогда туда не сплаваю. Никогда.

Тоскливый холодок где-то внизу живота. Нет, так нельзя. Это твой первый день на Земле, Ингрид. Здравствуй, река.

И здравствуй, небо. Погода ветреная, спортивные аэрокары выдают только профессионалам — я едва упросила, и теперь порывы ветра швыряет меня, крутит волчком.

Жаль, что не могу умереть, как птица, камнем вниз.

Тело Риты мне больше не принадлежит.

К обеду я уже у моря. Самый разгар сезона, отпускники заполонили пляжи, двухместные лодки покачиваются на волнах, носятся вдоль берега, разноцветными точками мелькают у горизонта.

Рука Эрла на моем плече... Быстрей отсюда. Я только постояла босиком в волнах и послушала, как шумит море.

Все-таки какое оно?

Оказывается, день — это очень много. Когда он первый или последний. Я даже успела слетать туда, где зима, и едва не заблудилась на лыжах, потому что вдруг повалил снег, лыжню занесло, и я осталась одна среди белых застывших елей и снега, который все падал, тихо и торжественно.

На обратном пути я скатилась с горы, поспешила к базе и уже проехала с милю, но подумала, что больше никогда не прокачусь с горы, и не могла не вернуться, и каталась снова и снова, хотя уже темнело, вместе с каким-то рыжим профессионалом лет двадцати. Мы шлепнулись в сугроб, он поцеловал меня холодными обветренными губами, а я вдруг разревелась, уткнувшись в снег.

В Столицу я вернулась к ночи. Перед виллой Эрла Стоуна пылал огромный костер — жгли наш тайник. Пленки, пластинки, книги. Вокруг собралась довольно внушительная толпа. Ребятня развлекалась, прыгая у огня, взрослые наблюдали. Одни равнодушно, другие с интересом. Смотрели, как пожирает огонь диковинные вещи, старались догадаться об их назначении.

Я протиснулась как можно ближе — туда, где оцепили костер «мальчики» из ВП. Многих из них я знала, со мной здоровались, поздравляли, согласно ритуалу, с успешным завершением операции. Мое появление здесь было воспринято как вполне естественное — агент номер 423 пришел взглянуть на дело своих рук.

Костры из книг. На Земле-альфа тоже так было.

Я смотрела, как гибнет то, чем мы с Эрлом жили все эти месяцы, и вспоминала. Наши мысли, чувства, споры — все это со мной, и это нельзя уничтожить, пока я жива.

Пока я жива, как грустно звучит!

И даже потом это останется с нами, Эрл, потому что ты и я — одно. Мы обманем их, обведем вокруг пальца. Мысль, которая меня почти развеселила.

Они бетяне. Их плечи касаются моих, чувствую их дыхание. Их лица, по которым мечутся трепетные отблески пламени, кажутся сейчас чуть ли не одухотворенными. Иллюзия. Для них-то не останется ничего, они сжигают последний мост, связывающий мертвое человечество с живым.

Ничего, кроме любопытства. Я должна бы чувствовать к ним презрение и ненависть, как Эрл, но в моей душе лишь сострадание. Может, потому, что я прожила жизнь одной из них. Мой отец и дед были бетянами, мои дети, которых у меня отняли. Мои внуки, правнуки, которых я никогда не видела.

Нити, нас связывающие, на целый век прочнее, чем у Эрла.

Впервые я по-настоящему осознала, что завтра сделаю это не только ради самого Эрла. Почтовый аэрокар, спрятанный в старой шахте, сорок минут полета, лаборатория в скалах. Только Эрл знает, где она находится, только ему известна тайна производства альфазина.

Фиолетовое облако поднимается и тает над скалами, небо становится черным, и над Землей-бета проносится вихрь. Всего несколько секунд.

Странно. Я смотрю, как горит наше прошлое, а сама вся в будущем, в котором меня уже не будет.

Слышите, я хочу взорвать ваш рай, ваше трусливое убежище! Но кто я? Какое имею право?

Я Ингрид Кейн, одна из вас. Право — это моя первая жизнь, век с четвертью. И вторая та, что сейчас горит перед вами. Всего лишь год.

И память многих поколений ваших предков с Земли-альфа, запрограммированная в этих пленках, книгах, картинах.

Я хочу разрушить ваш проклятый рай, вашу сонливость, ваше мертвое спокойствие. Ценой жизни Ингрид Кейн. Что меня застав-

ляет? Не ненависть, не презрение, не злоба. Может, сострадание? Или любовь?

Это открытие меня поразило. Любовь? Примитивные мумии, застывшие у костра, в котором жгут книги. К ним?

Да, как ни странно, я их любила. Не их настоящее, а будущее, в котором меня уже не будет. Но в котором я все-таки останусь. В их пробуждении, слезах и смехе, в их вдохновении и в творчестве, в поиске. В том, когда «не может быть», и в руке, лежащей на плече. Я верну им это.

Десятки, сотни, тысячи поколений после меня.

Я не умру, покуда живо человечество.

Так же, как те, кого сейчас жгут на костре. Кого жгли во все времена и все-таки не сумели уничтожить. Те, кто помог людям стать лучше, кто учил человека быть Человеком.

Они живы во мне. В том, что я задумала.

Ингрид Кейн, одна, перед костром, где жгут все, что ей дорого. Эрл в их руках. Он считает меня предательницей.

Но я думаю о завтрашнем дне и... счастлива. Я не одна, потому что я с ними. В их будущем и прошлом, которое они сейчас наивно пытаются сжечь.

Как все просто — ощутить себя частью, звеном великого целого, которое зовется человечеством.

Столб дыма и пламени взметнулся в черное небо — они взорвали виллу Дэвида Гура. Толпа вопила, свистела, улюлюкала, возбужденная необычным зрелищем, и никто не знал о почтовом аэрокаре, спрятанном в старой шахте. Никто не знал, что это последняя ночь Ингрид Кейн на Земле.

Что она не одна. И счастлива.

* * *

Никак не думала, что вообще смогу спать, а заснула сразу и проспала до утра — последний раз молодость Риты продемонстрировала мне свои преимущества. Поймала себя на том, что уже думаю о ее теле, как о чем-то мне не принадлежащем, что привожу его в порядок с особой тщательностью, будто на продажу. Лицо в зеркале показалось мне совсем похожим на лицо Ингрид. И закрашенная седая прядь — это Ингрид.

Гимнастика, душ, завтрак — тело Риты будет в полном порядке. Как хорошо, что я выспалась!

Последний разговор с Шефом. По моей просьбе он подготовил документы. Сразу же после того, как медицинский компьютер засвидетельствует смерть Эрла Стоуна, Рита может идти на все

четыре стороны и жить в свое удовольствие, имея довольно приличную сумму годового дохода. Документы в сумочке, тут же магнитофонная кассета размером с пуговицу. Мое последнее письмо к Эрлу. Мой голос. Я подключу письмо к ДИКу, Эрл прослушает его во сне и узнает все.

Аэрокар везет меня в Столицу, к бывшему дому Ингрид Кейн. Меня сопровождает только Поль, который, к счастью, как всегда, поглощен телевизором. Все это в последний раз: и мой полет, и облака, и солнце, и мелькающие внизу крыши, но мне не до них. Думаю лишь о том, как меня встретит Эрл, и моя увереннность постепенно улетучивается.

Что если он поверил версии Шефа? Рита — шпионка, предательница, палач... Если он не захочет со мной разговаривать, отвернется, плюнет в лицо? Как тогда осуществить задуманное?

Вилла Ингрид тоже оцеплена, вокруг все та же любопытствующая толпа, ждущая, когда ей покажут в назидание тело Эрла Стоуна. Мне сообщают что преступник уже доставлен, что он обо всем предупрежден и, кажется, ведет себя смирно. Но на всякий случай вручают лучемет.

Поверх платья меня обряжают в черную накидку с гербом — пирамидовидное здание ВП, символ государственной власти.

Рослые загорелые парни в черных рубашках с такими же нашивками оттесняют толпу от помоста, установленного на площади перед домом.

Господи, если ты есть... Спокойнее, Ингрид!

Эрла вывели, будто тигра на арену. Мягким ленивым прыжком он вскочил на помост и замер в покорно-иронической позе. Вынужденный подчиниться обстоятельствам, но оставшийся собой. Презирающий глазеющую на него толпу и тех, кто заставил его на потеху толпе проделывать все эти штуки.

Я всегда в цирке сочувствовала тиграм.

Эрл увидел меня. Его взгляд. Удивительное ощущение — площадь вдруг качнулась, расширилась, наполнилась воздухом, очертания лиц и предметов стали яркими и четкими. Будто я опять глотнула альфазина. Неужели я могла предположить, что он усомнится во мне, в чуде, соединившем нас — двоих людей в стае бетян?

Глупая, глупая Ингрид!

Он благодарен, что я нашла в себе силы стать его палачом, чтобы быть с ним в последнюю минуту. Он восхищен моим мужеством. И я верю, что так и есть. Все перепуталось: ложь и правда, взлет и падение, то, что они называли страданием, и то, что зовется счастьем. Мы видим только друг друга, мы наедине. Кто из нас жертва, кто палач? Кто умрет сегодня, а кто останется жить?

Или мы останемся оба, как продолжает жить среди нас Рнта, непостижимым образом влияя на наши поступкн и мысли? И те, жившие за много световых лет и веков до нас, оставившие после себя картины, книгн, снмфонии?.. И неизвестный, оставивший нам тайник...

Монотонно жужжит голос чиновника, читающего приговор. Спокойные невидящие глаза бетян. Если я закричу, заплачу, брошусь на землю — в них появится любопытство, не более.

На соснах вокруг дома молодые побегн, я в детстве любила их отламывать и грызть, пока челюсти не начинали слипаться от горькой душистой смолы. По крыше разгуливает рыжая кошка. Неподалеку на площадке играют в волейбол, девчонка в белых джинсах не умеет принимать мяч, лупит по нему запястьем, то и дело теряя.

Сосна, крыша, кошка, волейбол — все это «никогда». Хозяйка уводит меня, чтобы дать необходимую консультацию. Знакомая одуряюще-сладкая теплота «усыпальницы». Пальма на месте.

Делаю вид, что слушаю хозяйку,— она учит Ингрид Кейн, как пользоваться аппаратурой. Смешно!

Софа, на которой умерла когда-то 127-летняя Ингрид Кейн, теперь предназначена для Эрла Стоуна. А там, где она воскресла, убив Риту, теперь воскреснет Эрл Стоун, убив Ингрид.

Нет лн в нашей удивительной взаимосвязи какой-то закономерности? Что, если Рита, Эрл, я, сама жизнь каждого из нас предназначена стать звеном в единой цепи? Бетяне умирают, люди остаются. Естественный отбор, как в животном мире. Во нмя сохранения человечества.

Почтовый аэрокар в старой шахте, лаборатория в скалах, фиолетовое облако.

Эрл, ты должен это завершить. Теперь, когда ты узнаешь, кто я, узнаешь все обо мне... Вся моя жизнь или моя смерть прикажут тебе. У тебя будет тело Риты, ее силы, ее молодость. Новая Рита будет смотреть сбоку на собеседннка немигающим взглядом, будто птица, собирающаяся клюнуть. Но седая прядь останется — кстати, не забывай ее подкрашивать.

Шлем «последнего желания». Мы оба лишены этого права, которое выдается лишь в обмен на подлинную смерть. У тебя умрет тело, а у меня? Что останется у меня?

Фиолетовое облако. Я хочу, чтобы так было.

Впервые умирающая в этой комнате будет думать о будущем. Ты мое будущее, Эрл, поэтому ты выполнишь мою волю.

Хозяйка уходит. Быстро вытягиваю из кадки провода, подсоединяю к шлему. Ампула со снотворным. Я проглочу ее в безопасном отсеке, перед тем как включить газ. Мое пнсьмо к тебе.

Кажется, все. Через час роботы отправят твое тело в камеру, где Док констатирует смерть. Через два часа ты проснешься. У тебя будут документы и внешность Николь Брандо. И свобода. Вставь и иди.

Ты должен выдержать, Эрл. Я знаю, ты все выдержишь.

Прости, но я не могла иначе. Ты бы никогда не согласился. Поэтому я решила за нас обоих.

Пять минут наедине, всего пять минут, чтобы с тобой проститься.

Как тихо... С улицы доносятся ритмичные удары по мячу. Шлеп — видимо, опять смазала та, в белых джинсах.

Слушай, когда выйдешь... научи ее принимать мяч.

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

Не будьте мистиком!

При высокой температуре мысли ползут и вязнут, как ноги в глинистом месиве. Только лениво, нехотя, круговоротно. Все вяжется мерным узором, монотонной чредой всеобщих пустяков, успокоительным колыханием теплой ряби, так, без обрыва, но и без четкой связи, без единого всплеска, нет ни малейшего раздражения даже на некстати свалившийся грипп. Впрочем, когда грипп бывает кстати? Только когда хочешь увильнуть от более досадной, чем болезнь, заботы. Я же был в отпуске, в крохотном городке Закарпатья, принадлежал сам себе, рассчитывал всласть отдохнуть и всласть поработать, а вместо этого, укрывшись пледом, лежал в старом доме, еще точнее — в «комнате с привидениями».

Кстати, весьма уютной и недорогой, только немного запущенной. Напротив кровати находился камин, сейчас, в свете ночника, отверзлый и черный, как зев пещеры. Солидных размеров ковер на полу напоминал о дряхлости, забвении, пыли и тому подобных серьезных вещах. Когда-то веселенькие, в пунцовых розах, обои изрядно пожухли и смотрели на меня пятнами, которым при желании можно было придать смысл и оттенок выцветшей крови. Такого желания я не испытывал. Наоборот, я им был благодарен, ибо подозрительная теперь тусклость аляповатых роз, их багровая в сумерках мрачность наверняка помогли мне осесть в этом тихом, всего за рубль в сутки, пристанище, когда я уже было отчаялся снять где-либо комнату. Сезон, наплыв жаждущих солнца и вино-

града северян! Долго я тогда вышагивал по раскаленному сухим блеском булыжнику, напрасно стучался в уютные домики, стойко принимал вежливые улыбки отказа и брел дальше от одного тенистого оазиса к другому. Места не было нигде, и я уже ощущал то, что, верно, чувствует бесприютная дворняга, некую униженность легковесного и, как пыль под ногами, никому не нужного существования, когда одна тонконогая, лет двенадцати фея в шортиках, шмыгнув носом, махнула куда-то в глубь переулка:

— А вы попробуйте у дяди Мартина. У него, правда, нечисто... Но, может, и сдаст. Прямо и налево, старый дом, во-он черепица в просвете!

Владелец домика оказался похожим на встревоженного филина. Даже рубашка была на нем какая-то оттопыренная, седые волосы топорщились, как им хотелось, а глаза под круглыми очками то часто мигали, то, наоборот, застывали в неподвижности, такие же серые, как и весь облик хозяина. Мартин не столько говорил, сколько мямлил, и неизвестно чего в его междометиях было больше — смущения или нежелания объясняться. Сначала он мне отказал, но сделал это так неуверенно, что я продолжал уговоры и, должно быть, мой вид был красноречивей слов; мой собеседник явно ощутил некое моральное неудобство своей позиции и, мигая чаще обычного, даже заерзал.

— Нет, нет, не хочу вас подводить... э... вообще... тут, видите ли... Впрочем, однако... Да, конечно: человек без угла хуже, чем угол без человека, но... Слушайте, как вы относитесь к привидениям?

— Что?!

— Понятно...— Он грустно покачал головой.— Видите ли, комната есть, пустая, но в ней... э... поселилось привидение. Не могу вам помочь,— добавил он тоскливо.

К счастью, я даже не улыбнулся. Долгие мытарства хождений сделали из меня провидца и дипломата. Я тут же без всяких логических обоснований отбросил мысль о легком помешательстве собеседника, внутренним зрением приметил под его рубашкой крохотный крестик (прочем, выпуклость этого амулета могла сама собой обозначиться под тканью) и понял, с кем имею дело. Мартин искренне хотел помочь ближнему, но совесть, но долг никак не позволяли ему сводить человека с нечистью, да еще брать за это деньги. В той же мере его, однако, угнетала мысль, что вот есть же свободная комната, а вот человек, которому она позарез нужна. Свою роль, конечно, играли и деньги.

Уже спокойно, с понимающим выражением лица я осведомился, как давно поселилось привидение, что оно себе позволяет, и уверил Мартина, что перспектива встречи с ним меня ничуть не

смущает. Я не стал приводить довода, что ни в какие привидения не верю (этот довод его не убедил бы), а просто сказал, что раз для него, Мартина призрак неопасен, то, значит, и я с ним как-нибудь уживусь.

Это произвело нужное впечатление.

— Но я-то не живу в комнате,— заколебался он.— Ее и дети избегают. Младший в свой последний приезд попробовал... А!

— Да ведь я ненадолго. Сами же говорите, что оно не всегда появляется. Попробуем, попытка не пытка...

— Так-то оно так...— Мартин тихонько вздохнул.— Ладно, я вас предупредил. Только знаете что? Говорите всем, что я с вас взял полную цену, а то соседи... Ну, вы понимаете.

Так я обрел пристанище. А заодно воображаемое привидение и вполне реального добродушного хозяина, с которым под материнской опекой хозяйки мы в этот же вечер славно раздавили бутылочку домашнего вина. Уже в постели я лениво подумал, как интересно устроена жизнь и кого только в ней нет. Предполагал ли я утром, что столкнусь с психологией совсем другой эпохи и буду разговаривать с человеком, для которого божий промысел и нечистая сила такая же реальность, как телевизор и космические полеты? Разумеется, нет. Каждый держится своего круга, живет его представлениями и порой забывает, что это еще не весь мир.

Никакого привидения я, само собой, не увидел ни в ту ночь, ни в последующие. Так, собственно, и должно было быть, но вовсе не потому, что призраков не бывает. Проблема существования чего-либо не так проста, как кажется людям с однозначным складом ума, для которых что-то либо есть, либо его нет вообще. Кроме геосфер имеется еще ноосфера, а это отнюдь не пустыня. Усилия психики творили и творят в ней не менее диковинные, чем в биосфере, образования, которые, правда, еще ждут своего Линнея и Дарвина. Существует ли Гамлет или Дон-Кихот? Их нет, никогда не было в физическом мире, но в духовном они есть, существуют как образ и способны воплотиться на сцене, то есть отчасти перейти в сферу телесной осязаемости. Привидения — образования того же класса, хотя и другого рода. Они порождены не искусством, а религиозной мистикой, это продукт мировоззрения былой эпохи, но для тех, кто в них верует, они существуют и по сей день. Воображение способно их воскресить, здесь актерствует психика самого зрителя, однако это уже частности. Важно, что мне привидение не могло явиться, ибо я в них не верил.

Оно и не являлось, чем повергло Мартина в легкое недоумение. Понятно, я ничего не стал объяснять и даже не намекнул, что если бы он не был столь щепетилен и всем предлагал «комнату с привидениями», то это лишь увеличило бы наплыв желающих.

Более того, наверняка бы нашлись любители платить втридорога, лишь бы было потом о чем порассказать. Что делать, вялое существование требует душевной щекотки и доброе старое привидение годится для этого не хуже, чем вымысел о каком-нибудь «Бермудском треугольнике». Ничего этого я Мартину не сказал, наоборот, в шутку заметил, что, видимо, пришелся привидению не по вкусу и оно, чего доброго, навсегда очистит помещение. «Дай-то бог...» — пробормотал Мартин не слишком уверенно, но я не сомневался, что заронил в нем некоторую надежду. На большее я и не рассчитывал. Атеиста трудно заставить поверить в потусторонний мир, но многие из нас почему-то убеждены, что обратная задача куда проще.

Так или иначе, все обстояло прекрасно, если бы не проклятый грипп. Хотя когда еще можно вот так, ни о чем не беспокоиться, просто лежать, забывая о времени? Хочешь держаться на стремнине — греби изо всех сил, таков удел современного человека и грипп здесь при всех своих неприятностях еще и разрядка. За окном давно смерклось, в доме было тихо, не хотелось даже читать, я лежал, безучастно глядя на тусклые пятна обоев, и вялый ход мыслей так меня убаюкал, что я не расслышал шагов Мартина за дверью.

— Да-да,— встрепенулся я на стук.— Входите!

Сначала в проеме двери возник поднос с графином и мелко дребезжащим о стекло стаканом. Как и в прежние свои посещения, Мартин кинул украдкой взгляд, в котором читалась надежда увидеть меня молодцом, а когда эта надежда не оправдалась, его лицо сразу стало сокрушенным. Подозреваю, что добрую душу моего хозяина томило сознание невольной вины, ибо захворал я в его доме, значит, он, хозяин, чего-то не предусмотрел, о чем-то не позаботился, ведь, что ни говори, свалился я один, а вот у соседей все постояльцы здоровы и вообще в городе никто не слышал ни о какой эпидемии. Допускаю даже, что в причинах моей болезни Мартин усматривал козни привидения, которое, почему-то не решаясь действовать в открытую, прибегло к окольному маневру.

— Вот,— сказал он, ставя графин с лимонадом.— Как вы себя чувствуете?

— Нормально...

Брови Мартина чуть-чуть приподнялись.

— Нормально,— повторил я.— А что? Вирус — честный противник. Сразу дает о себе знать, организм тут же на него врукопашную, так и ломаем друг друга.

— Все смеетесь... Хоть бы аспирин приняли, еще лучше — антибиотик.

— Дорогой Мартин, вы ужасно нелогичны! По-вашему, все в руке божьей, так какая разница — глотаю я таблетки или нет?

— Извините, но нелогичны вы. Бог дал человеку разум, разум создал лекарства, значит, ими надо пользоваться. А вы, человек науки,— и пренебрегаете...

Он осудительно покачал головой.

— Наука,— возразил я со вздохом,— не смирению учит. Но и не гордыне. Пониманию. С лекарствами, знаете ли, как с автомобилем: доставит быстрее, но можно разучиться ходить пешком. Всему свое время, согласны?

— Ну, как знаете... Может, еще чего надо?

— Нет. Спасибо за питье, больше ничего не надо.

Повода задерживаться у Мартина больше не было. Однако он остался в кресле. Вид у него был весьма смущенный, чем-то он сейчас напоминал неловкого торговца из-под полы, даже волосы встопорщились больше обычного, а руки растерянно елозили по коленям, округлые глаза смотрели мимо и часто мигали.

— Не беспокойтесь, все будет хорошо,— сказал я.— Подумаешь, грипп!

— Нет, нет, я не о том... Сейчас, понимаете ли, полнолуние...

— Да? Ну и что?

— Самое беспокойное время... Вы опять будете смеяться, но...

— А-а! Привидение. Полно, Мартин, ничего со мной не случится.

— Да, да... Но, знаете, на всякий случай... Вам же все равно? А мне как-то спокойней...

— Спасибо, Мартин, только зачем мне куда-то переходить? И вас стесню, и мне неудобно. Оставим это.

— Нет, нет, вы не так меня поняли! Оно, конечно, самое святое дело вам было бы перейти, но, простите, наука, как я погляжу, все-таки учит гордыне... Ах, я не о том! Но... Вы не рассердитесь, если я над вами повешу... Все-таки может оно поостережется.

С этими словами откуда-то из глубин своих одежд Мартин извлек изящное костяное распятие.

Я чуть было не рассмеялся. Мне хотелось сказать, что распятие наверняка уже здесь висело и ничуть не помогло (еще бы!), но выражение глаз Мартина было таким просительным, его забота обо мне была такой трогательной, что я поспешно кивнул.

— Вот и хорошо, вот и славно,— обрадовался Мартин.— Так и на душе как-то спокойней... Ваше право все это отрицать, но опыт отцов, уверяю вас, чего-то стоит... А ведь я вам гожусь в отцы!

— Нельзя отрицать того, чего нельзя отрицать,— ответил я (спорить мне уже не хотелось).— Спокойной ночи.

— Минутку.— Мартин перегнулся, чтобы повесить распятие, и надо мной заколыхался его животик.— Ну вот... Спокойной ночи, спокойной ночи!

Высоко приподнимая пятки в заштопанных носках, он мягко, как на лыжах, заскользил шлепанцами к двери и тщательно прикрыл ее за собой.

Я нехотя встал, повернул ключ, разделся, выключил ночник, натянул на себя одеяло повыше. Теплая пещерка постели показалась мне самым уютным на земле местом. Туманные обрывки мыслей продолжали свое вялое круговращение, я не сомневался, что засну тотчас. Но это ожидание не сбылось, видимо, я слишком много продремал днем.

Впрочем, это не имело значения, при высокой температуре мало что имеет значение. Где-то далеко соборные часы пробили полночь. Услышав их, я приоткрыл глаза. Комната мне представилась чужой, ибо в окно успела заглянуть луна. Ровный свет далекого шара серебрил ковер, косо перечеркнутый тенью рамы, белизной глазури покрывал в ногах крахмальные простыни, льдистыми сколами преломлялся у изголовья в стекле графина, а за пределами этого минерального сияния и блеска все было провалом мрака, столь глухого и черного, словно комната переместилась в инопланетное измерение и воздух в ней утерял свою способность смягчать контраст.

Таково вообще свойство лунного света, есть в нем что-то нездешнее, недаром он льется с черных космических равнин до безнадежности мертвенного шара. Поддаваясь его гипнозу, я вяло подумал, что привидению самое время явиться. Полночь в старинном (ну, не старинном — старом) доме, страхи хозяина, таинственный блеск Луны — что еще надо? Все было по классике, правда, слегка уцененной, так как полагалось быть замку, а не комнате за рубль в сутки, и не полагалось быть электричеству, чей прозаический свет я мог вызвать движением пальца. Вдобавок призраки — явление скорей западноевропейское, чем русское. У нас все было как-то более по-домашнему — ну, там лешие, кикиморы, домовые, все без особых страстей-мордастей и прочих романтических переживаний. То ли дело Европа! Там не один век выходили наставления, как надлежит говорить с призраками — вежливо и обязательно по-латыни, что, несомненно, указывало на аристократическую природу как самих привидений, так и тех, кто с ними общался.

Куда уж мне, плебею... Устроившись поуютней, я продолжал разглядывать наплывы лунного света и тьмы. Все, решительно все способствовало галлюцинациям, и это было даже интересно, потому что галлюцинации со мной никогда не случались. Не то чтобы я их жаждал изведать, но почему бы и нет? Грипп не совсем притушил исследовательское любопытство, обстоятельства благоприятствовали, здравый смысл ослабил свою рутинную хватку, словом, я ждал неизвестно чего в том вялом и отрешенном состоянии нездоровья,

когда человек однинаково способен погладить и кошку, и мурлыкающую тигрицу.

И я дождался. Девушка возникла в косом сиянии, возникла сразу, без всяких там промежуточных стадий материализации. Но если это было привидение, то весьма нестандартное. Никакой мистической полупрозрачности, никаких туманных хламид и горящих глаз; вид у девушки был сосредоточенный, как у гимнастки перед выходом к спортивным снарядам; ее стройную, вполне телесную фигуру облегал переливчатый купальник, который наверняка поверг бы в смятение любого сочинителя готических романов.

Легкое нетерпеливое движение ног еще резче обозначило гибкий перелив мускулов моей гостьи. Никогда не думал, что галлюцинация может явить столь прелестный образ! Нисколько не сомневаясь в его природе, я все же для чистоты опыта надавил на веки глаз. Но, увы, гриппозная лихорадка начисто вышибла из памяти, что именно должно было раздвоиться — видение или реальные предметы. Вдобавок, что совсем непростительно, я перестарался в усилии и на мгновение просто ослеп. А когда зрение восстановилось, то уже никакого раздвоения не было ни в чем. Белесый глаз луны по-прежнему заглядывал в окно, ничто не изменилось в комнате, кроме позы самой девушки. Пригнувшись, как перед броском, отведя назад тонкие локти, она медленно двигалась на меня. Ход ее ног был беззвучен и мягок, глаза смотрели куда-то поверх кровати, я отчетливо видел каждую западинку облитого лунным сиянием тела девушки, в ней не было ничего от нежити, кроме...

Ее движущаяся тень падала не в ту сторону! И глаза взблескивали не тогда, когда на них падал свет... На меня летел призрак!

Сердце бухнуло, как набатный колокол. Не стало голоса, я хотел и не мог вскрикнуть, а только что есть силы зажмурился, ожидая, что меня вот-вот заденет, пронижет притворившийся человеком дух.

Ничего не произошло, даже воздух не шевельнулся. Когда же я обморочно раскрыл глаза, то никакой девушки не было. Было другое: прямо перед постелью, спиной ко мне возвышалась темная мужская фигура, чьи напряженно движущиеся плечи выдавали какую-то сосредоточенную работу рук.

Тень от фигуры падала в полном согласии с законами оптики.

Такая смена видений логична для сна, не для яви, ибо только во сне возможно превращение чего угодно во что угодно. Однако врут те романы, в которых утверждается, будто человек неспособен отличить кошмар от бодрствования. Мы прекрасно различаем эти состояния, но тут в моем разгоряченном уме все смешалось, я не знал, чему верить, ибо при гриппе вполне возможен и бред,

Как ни странно, эта мысль меня успокоила и деловитая поза очередного призрака тут же подсказала единственно верное сейчас движение. Я метнул руку к выключателю, но промахнулся, и об пол со звоном грохнулся стакан.

Эффект это дало потрясающий. Фигура в черном подпрыгнула, как вспугнутый выстрелом олень, живо обернула ко мне бледное пятно лица и с чувством выругалась:

— Нейтрид оверсан! Это еще что такое?!

Столь откровенный испуг придал мне решимости.

— Брысь...— сказал я тихо, но тут же поправился.— Изыди!

— Слушайте, не будьте мистиком! — последовал раздраженный ответ.— Вы что, грабителей не видали?

— Бросьте,— сказал я твердо.— Сядьте, господин призрак, поговорим.

— Позвольте, я...

— Не врите. Оверсан, нейтрид... Грабители так не изъясняются.

— Верно.— Незнакомец как будто усмехнулся.— Допущен прокол, так это, кажется, называется? Придется кое-что объяснить...

Он сел.

— Зажгите свет.

Я поспешно нажал выключатель.

М-да... Передо мной, спокойно сложив руки, сидел молодой человек в довольно своеобразном черном комбинезоне, широкий пояс которого спереди был усеян кнопками, разноцветными сегментами переключателей и другими совсем уж непонятными атрибутами переносного пульта. Еще примечательней было лицо незнакомца. Ничего вроде особенного, человек как человек, но его умные, прелестные своей открытостью глаза словно светились изнутри. При этом трудно было сказать, кто кого разглядывает с большим интересом: я — его или он — меня.

— Понял,— сказал он вдруг.— Вы не заснули, потому что больны.

Его голос теперь звучал мягко, в нем исчезли нарочитые грубоватые ноты, зато стал уловимей акцент, хотя я был готов поклясться, и некоторые обороты речи подтверждали мою уверенность, что передо мной соотечественник.

Или подделка под него.

Впечатление раздваивалось. Озаренное изнутри духовным светом лицо незнакомца, чудесные умные глаза, которые не лгали, не умели лгать, все вызывало доверие. Но остальное! Поддельный голос. Дурацкая роль, которую незнакомец пытался сыграть... Меня, самого обычного человека, он разглядывает, будто люди ему в новинку,— это как понимать?!

Но хуже всего комбинезон. Такой не мог быть изделием человеческих рук, ибо ткань... Она поглощала свет! Ни мерцания, ни отлива, ни одна складка не западала тенью, тем не менее этот саван тьмы каким-то необъяснимым образом не только рельефно очерчивал тело, но и выделял каждое движение крепких мускулов, хотя полное отсутствие теней и бликов, казалось, делало это невозможным. Настолько невозможным, что прозаический свет настольной лампочки далеко не сразу выдал мне эту противоестественную особенность одежды. Но когда я ее наконец заметил, точнее сказать, когда сознание ее восприняло и оценило, то под моим черепом будто прошлась когтистая мохнатая лапа.

— Кто вы такой?! — выкрикнул я.

— Человек.— Казалось, моя нервозность искренне удивила, даже огорчила незнакомца.— Правда, не совсем такой, как вы.

— Не совсем... Вроде той девушки?!

— Ничего общего! То был обыкновенный фантом. Не понимаю вашей реакции.

— Ах, вот как...— Помимо воли во мне вдруг проснулась ирония.— Ничего, значит, особенного, обыкновенный, стало быть, призрак...

— Не призрак.— Пришелец досадливо поморщился.— Фантом. Это разные вещи, ибо фантомы в отличие от призраков существуют физически.

— Рад это слышать... Очень, очень любопытно, особенно когда они на тебя наскакивают...

— Это досадное, по нашей вине, стечение обстоятельств, пожалуйста, извините.

— Чего уж! Одним... э... фантомом больше, одним меньше, пустяки!

Я махнул рукой, что вызвало на лице моего гостя улыбку.

— Странно,— сказал он.— Я полагал, что юмор и мистика несовместимы. Вообще, мистика я представлял немного иным.

— Мистика? — я задохнулся от возмущения.— Это кто же мистик?!

— Вы.

— Я?!

— Разве нет?

Он показал на распятие.

— Не мое,— отрезал я, ибо рассердился не на шутку и более уже не чувствовал никакого страха. Кем бы ни был этот ночной гость, он вторгся в мой мир, в мою действительность, которую я вовсе не собирался уступать никаким пришельцам, будь они трижды фантомы или какие-нибудь там, из другого измерения, био-

роботы. Сердце билось ровно, я был спокоен, как арктический айсберг.

— Не мое,— повторил я.— К тому же мистик и верующий — не одно и то же. Но это вас не касается.

— Прекрасно! — воскликнул нездешний гость.— Но раз вы ни во что такое не верите, откуда сомнения, человек ли я?

Он еще спрашивает!

— Есть факты и логика,— буркнул я.

— Разве они опровергают мои слова?

— Еще бы! Призрачная девушка. Ваша хламида...

— Хламида? — Он недоуменно покосился на свое одеяние.— Не понимаю...

— Свет,— пояснил я.— Нет теней.

— А-а! Ну и что?

— Не бывает такой материи.

— Но это и подтверждает мои слова! Именно человек создает то, чего не бывает.

— Или внеземной разум...

— Который в миг испуга (а вы, признаться, меня тогда напугали) вскрикивает по-русски? Где же ваша логика? Разве не ясно, что я обычный человек, только иного века?

На секунду я онемел. Такое надо было переварить. Иного, стало быть, будущего века... М-да...

— Допустим,— сказал я наконец.— А девушка?

— Что — девушка? Отход нашей деятельности, обыкновенный фантом, я уже объяснил. Вам же знакома голография!

— Но ее изображения не разгуливают по ночам! Не прыгают на людей! Тем более не перемещаются во времени. Это невозможно, это фантастика!

— Наоборот, раз фантастика, значит, возможно.

— Как, как? Если фантастика, то... Это же дичь!

— А что такое для прошлого ваше телевидение, космические полеты, оживление после смерти, как не фантастика? И для вас будущее неизбежно окажется тем же самым. Отсюда простейший логический вывод: фантастика — первый признак грядущей реальности.

— Но разве что-то может противоречить законам природы?!

— Чем же наше появление здесь им противоречит?

— Будущее — следствие прошлого! А ваше в него вторжение... Следствие не может опережать причину!

— А вам известны все закономерности причинно-следственных связей? Наш век не столь самоуверен.

— Наш тоже...

— Незаметно. По-моему, вам легче признать меня призраком, чем пересмотреть свои представления о природе времени.

Я прикусил язык. Крыть было нечем. Что я мог противопоставить его доводам, когда на моей памяти низринулся непустячный закон сохранения четности? Упирать на то, что будущее еще ни разу не объявлялось в прошлом? Это не аргумент: мои современники, например, уверенно конструируют атомы, каких прежде не было на Земле, а возможно, и во всей Вселенной. Что нам, в сущности, известно о времени, его свойствах и состоянии? Вряд ли тут наши знания полнее представлений Демокрита о структуре вещества. Правильно сказал мой гость: первый признак свершений далекого будущего — их кажущаяся по нынешним меркам невероятность.

— Но,— спохватился я,— как тогда понять ваши поступки? Сначала возник фантом...

— Он-то всему и причина! Фантоматика у нас примерно то же самое, что у вас телевидение. К сожалению, не сразу выявилось одно побочное и крайне неприятное следствие: фантомы иногда срываются в прошлое.

— Ну, знаете!

— Мы были поражены не менее! Изредка фантомы вдруг исчезали как... как призраки. Проваливались неизвестно куда. Никто ничего не мог понять, пока не обратили внимание, что в литературе прошлого проскальзывают описания, подозрительно похожие на свидетельства встреч людей с нашими фантомами.

— Как?! Выходит, все эти призраки, привидения — продукт вашей деятельности, точнее — беспечности?

— Вовсе нет! Чаще всего они то, чем и должны быть: психогенные продукты веры, ошибок зрений и галлюцинаций. Лишь некоторая, ничтожная их часть... Мы в это с трудом поверили, уж слишком фантастично.

— А-а, и вы тоже...

— Почему — «тоже»? Люди мы или не люди? Фантастическое и нам нелегко дается. Мы сто раз все перепроверили. Увы! Собственно, с этого и началось развитие хронодинамики. Прошлое надо было срочно очистить от наших «гостей», тем более что наша деятельность плодила новые и новые толпы фантомов. За какое-нибудь средневековье мы не очень-то опасались, там людям и так кругом мерещились призраки, чуть больше, чуть меньше — не имело особого значения, да и фантомы, как правило, ускользали не столь далеко. Зато в двадцатом или двадцать первом веке их нашествие могло вызвать незакономерную вспышку мистики, что ударило бы по истории, следовательно, и по нам. Парадокс! Все поколения наивно думали, что только настоящее в ответ за буду-

щее, а оказывается, и будущее должно заботиться о минувшем. Не странно ли?

— Да...— помедлил я.— Все это трудно укладывается в сознании. Хотя... как вы сказали? И будущее должно заботиться о прошлом? Слушайте, а в этом нет ничего странного, тем более нового.

— Как нет? — Наконец-то, наконец пришлось изумиться и моему гостю! У него даже брови подпрыгнули.— Это же недавний вывод нашего времени!

— Напрасно вы так думаете.— Я сполна насладился своим маленьким торжеством.— Просто очевидное не бросается в глаза. Историки всегда стремились очистить прошлое от наслоений лжи, ошибочных представлений, по крупицам восстанавливали его первозданность, всю полноту прежней жизни, тем самым духовно воскрешая былых людей, их мысли, поступки, стремления... Что это как не забота будущего о прошлом? Иначе, кстати, нельзя разглядеть грядущее в былом, то есть понять закономерности, предвосхитить события, извлечь урок из прежних ошибок, улучшить тем самым будущее... Нет, охрана прошлого отнюдь не ваше изобретение. Просто у вас другие возможности и, как погляжу, куда большие обязанности.

Надо было видеть лицо гостя из будущего, пока я все это говорил!

— Верно! — воскликнул он даже с некоторым почтением в голосе.— Весьма справедливо, если не в деталях, то в принципе. Не могу понять, как столь очевидная мысль не возникла прежде!

— Возможно, она и возникала,— возразил я.— В двадцатом, девятнадцатом, а то и более раннем веке. Но осталась погребенной в толще книг, и мы сейчас открываем чьи-то прописи.

— Вы правы.— Собеседник задумался.— Обычная иллюзия: наш век — самый умный...

— Зато ваша деятельность подтверждает, что от века к веку растет ответственность поколений. В том числе, и за прошлое.

— Несомненно. А знаете, я счастлив. Тем, что мы не только нашли общий язык, но и обогащаем друг друга, хотя меж нами такая пропасть времени...— он покрутил головой.— Ради этого стоило оплошать и выдать вам свое здесь присутствие. Вы, конечно, уже до конца поняли, чем я тут занимался и почему так хотел избежать встречи с предками?

— Сейчас проверю... Итак, призрак, который напугал моих хозяев,— это ваш беглый фантом, с ним все ясно. То есть, о чем я? Все неясно, но, вероятно, физическую природу явления я не пойму, даже если у вас есть право ее объяснить.

— Не поймете, это точно, не обижайтесь.

— Ничего, я и квантовую механику не очень-то понимаю... А вот некоторые попутные соображения...

— Да?

— Мысль, конечно, банальная. То, что случилось с вами — или нечто подобное,— должно было случиться. Неотвратимо.

— Вы уверены?

— Еще бы! Мы лишь недавно обнаружили, что, сами того не желая, воздействуем и на прошлое. Без всякой хронодинамики, кстати! Акрополь, и не только Акрополь, надо спасать от загрязнений уже теперь, иначе воздух нашего века разъест эти частички прошлого... О, вы, конечно, справились с экологическим кризисом, раз существуете и даже побеждаете время. Но перед вами в принципе стоят те же самые задачи! Те же самые, ибо чем мощнее деятельность человека, тем сильнее ее напор на все и вся, тем шире и парадоксальней последствия этого напора, глубже их дальнодействие. Все! Какая-нибудь хронодинамика, охрана самого времени рано или поздно должны были стать для вас такой же необходимостью, как для нас — сбережение воды, воздуха, почвы, своего настоящего и вашего будущего. Разве не так?

— Не отрицаю и не подтверждаю,— слегка оторопело сказал мой гость.— Знать вам о нас можно далеко не все.

Я усмехнулся.

— Милый мой, дорогой пр-пр-правнук! Да ваше лицо — открытая книга. Возможно, вас тренировали, учили скрытности и притворству, все равно вы не умеете лгать, что, кстати, говорит мне о будущем куда больше, чем любые ваши о нем пояснения.

— Неужели так?

— Именно так.

— Да-а...— проговорил он задумчиво.— Притворись, в случае чего... Ну теоретики, ну знатоки!.. Спасибо, учтем.

— Не стоит... Между прочим! Когда я уронил стакан, разве вы не могли вместо всей этой глупой инсценировки просто исчезнуть во времени?

— И тем, может быть, довести вас до инфаркта? — Он взглянул на меня с упреком.— Убедить в реальности привидений?

— Ах, так! Ну, разумеется, так... А эту свою... «гимнастку» — успели словить?

— Здесь.— Он похлопал себя по поясу.— Теперь можете спать спокойно.

— Да я и так... Стоп! Почему вас так удивило мое бодрствование?

— Возникнув, я тут же, как полагается, включил... Словом, любой человек должен был сразу погрузиться в беспробудный сон и забыть все, если ему что-то привиделось. К сожалению, средство

не действует, если организм борется с вирусами. Кстати, теперь,— он подчеркнул слово «теперь»,— вы совершенно здоровы.

Верно, гриппа и след простыл! Давно и так незаметно, что я только сейчас обратил на это внимание... Ай да правнук, как он это умудрился?

— Спасибо,— сказал я с чувством.— Большое спасибо.

— Не за что. Я причинил вам беспокойство....

— Ну что вы!

— ...И должен был как-то извиниться. Но пора прощаться... Навсегда. Жаль, было очень, очень интересно, я не жалею о своей оплошности.

— Я тем более! Постойте... Вы не боитесь, что я расскажу о вашем появлении здесь и тем как-то повлияю на историю?

Он с улыбкой покачал головой.

— Вам же никто не поверит.

— Верно. Но мысли, которые вы невольно заронили...

— К ним, как вы сами заметили, мог прийти любой думающий человек вашей эпохи. Это ничего, наоборот, думайте о нас почаще, это надо, ведь мы от вас куда больше зависим... Прощайте, всего вам доброго в прошлом!

С этими словами он исчез. Сразу, мгновенно. Я даже не успел заметить, нажал ли он какую-нибудь там свою кнопку. Просто был человек — и растаял. Как я не был готов к этому, а все-таки вздрогнул.

— Всего вам доброго в будущем! — крикнул я уже в пустоту. Услышал ли он меня сквозь века?

ЭДУАРД СОРКИН

Диагноз по старинке

ЭВМ с полминуты утробно погудела, помигала красными и зелеными лампочками, потом пощелкала встроенной пишущей машинкой и, наконец, выплюнула из узкой ехидной щели отпечатанный на стерильном картоне диагноз: «Сердечно-сосудистый невроз. Продолжить лечение ранее рекомендованным методом». А ниже — рецепт, все та же микстура с противным названием — биокорденалинспецин.

«Опять этот идиотский диагноз,— подумал молодой статистик Колин, неприязненно глядя на сверкающие щупы, микрофоны, датчики с защелками, пружинами и прочее автоматическое оборудование, которое, повинуясь всевидящим элементам — глазам ЭВМ, только что слушало, щупало, замеряло и, кажется, обнюхивало его с головы до ног.— Ох уж эти поликлиники самообслуживания!»

Спору нет, времени теперь тратишь на их посещение всего ничего: сведения о тебе законсервированы в обширнейшей памяти электронно-вычислительной машины, буквально в считанные секунды она, выслушав твои жалобы и получив показания датчиков, проделав экспресс-анализы, перебирает десятки тысяч подобных случаев и, выбрав схожий, выдает диагноз и методы лечения. Такая машина эрудированнее любого консилиума из самых досточтенных медиков. Все это Колин знал. И тем не менее, не доверял машине. Нет, он, конечно, не сомневался, что диагностическая ЭВМ не может ошибиться из-за какой-то неисправности: в ней наверняка имелись дублирующие системы и схемы самоконтроля. И, несмотря на это, полного доверия все же не было.

В самом деле, как можно заменить врачебное искусство прохождением электрических сигналов через интегральные схемы! Ведь недаром в каком-то старом руководстве по практической медицине он однажды прочел: «Врожденное побуждение человека ко вспомоществованию в сострадании к себе подобным было и должно быть первым источником врачебного искусства». А машина? Разве она способна к состраданию? Вот почему, например у него, у Колина,

второй месяц болит сердце? То начинает стучать, как отбойный молоток, то бьется так слабо, что он иногда с испугом принимается щупать пульс — не пропал ли? Месяц назад ЭВМ определила: «Сердечно-сосудистый невроз». Три недели Колин пил горькую микстуру, а она не помогла. И вот, пожалуйста, извольте снова принимать ту же бурую жидкость... И название-то какое — биокорденалинспецин!..

Колин с треском застегнул на куртке молнию и вышел из кабины, раздраженно хлопнув дверью. Впрочем, настоящего хлопанья не получилось: сработали пружины, и дверь только укоризненно крякнула ему вслед.

В коридоре светилась надпись: «Если ЭВМ при повторном посещении ставит тот же диагноз, вы можете для контроля обратиться в пункт консультации». Ниже был указан адрес — на соседней улице. Что ж, придется топать туда, решил Колин. Подняв воротник куртки, он вышел из здания поликлиники.

«Нет ли у меня какого-нибудь скрытого микроинфаркта»,— размышлял статистик, шагая вдоль стены из голубых стеклянных блоков. Может, зря он летом ездил в эти чертовы горы и таскался вверх-вниз с тяжеленным рюкзаком? Надо будет рассказать об этом в пункте консультации...

Пункт размещался в старинном, доживавшем свой век особнячке. Подойдя к дубовой двери с медной табличкой, Колин тщетно попытался найти кнопку звонка. Ее не было. Зато у ручки висело начищенное до блеска кольцо. Надо же, какая старина, умилился Колин и стукнул три раза кольцом.

За дверью послышались легкие шаги. Когда она открылась, перед статистиком предстала миловидная девушка в коротком белом халатике.

— Пожалуйста, проходите! — кокетливо улыбнулась она Колину и провела его в приемную.— Подождите минутку, доктор сейчас вас примет.

Обстановка просторной комнаты выглядела какой-то... не то что старинной, как в музее, а архаичной. Кресла, обитые чем-то вроде плюша — впрочем, довольно удобные,— заметно потертый ковер, абажур с хрустальными подвесками, на стенах натюрморты в позолоченных рамах... Именно так, наверное, была раньше обставлена приемная какого-нибудь провинциального врача. И когда Колин вошел в кабинет, доктор-консультант как раз и имел вид этакого сельского врачевателя. Бородка клинышком, добрый усталый взгляд через пенсне...

— Ну-с, на что жалуемся, молодой человек? — спросил он доверительным тоном.

Колин повторил все то, что перед этим бубнил в микрофон ЭВМ. Доктор что-то записал на листке бумаги.

— А теперь, дружок, разденьтесь, я вас послушаю...— И доктор, вытащив давно устаревший инструмент — стетоскоп, воткнул в уши резиновые трубки.— Дышите... не дышите... хорошо, так, прекрасно! А теперь сделайте двадцать приседаний!

«Вот,— думал статистик, растроганно приседая,— чудом сохранившийся врач старой школы. Видно, таких, лечащих по старинке, и привлекают в помощь ЭВМ. Что толку от консультанта, если он тут же пошлет тебя на рентген, на электрокардиограмму, т. е. попросту продублирует машину. Нет, повторное диагностирование должно принципиально отличаться от машинного...»

— Чудесно, очень хорошо...— приговаривал доктор, снова слушая Колина. Потом он простучал костяшками пальцев грудную клетку статистика спереди и сзади, осмотрел веки, внимательно поглядел на ладони, задал еще несколько вопросов.

— Можете одеваться, молодой человек. Сестра, возьмите это и выпишите нашему юному другу рецепт.

Девушка улыбнулась Колину и, взяв со стола листок, скрылась в соседней комнате. Через несколько минут она появилась с рецептом. Доктор прочел его, потом взглянул поверх пенсне на Колина:

— Попринимайте, молодой человек, эти таблеточки, а главное — надо немножко отдохнуть, расслабиться. Вы переутомились, нервишки сдали... Почему бы вам не сходить, положим, в зоопарк, поглядеть на зверей, в конце концов на пони не покататься? Отвлекитесь от повседневных дел, забудьте о неприятностях — и я уверен: сердце не напомнит вам о своем существовании.

Колин вышел из старинного особняка в прекрасном расположении духа. В первую же попавшуюся урну для мусора он с наслаждением выбросил карточку с рецептом ЭВМ. А в это время в кабинете, обставленном архаичной мебелью, доктор говорил сестре:

— Значит, так, закодируйте на перфокарту: «Сердечно-сосудистый невроз, повторное обращение». Не забудьте поставить его номер... Да, хороши эти новые аппараты, прекрасно ставят диагноз на расстоянии! И ведь все с помощью считывания электромагнитных излучений из мозга больного. И какое быстродействие, всесторонность — машина даже учла, что биокорденалиспецин в диагностическом центре был выписан в первый раз в виде микстуры, и теперь выписала его в таблетках с другим условным названием. А зоопарк-то, зоопарк-то как она придумала! — и доктор удовлетворенно протер стерильной салфеткой пенсне.

Сестра в мини-халатике вышла в соседнюю комнату. Через не-

которое время ЭВМ, стоявшая там, проглотнла перфокарту с фамилией статистика Колина, замигала лампочками н, довольная, утробно загудела...

ВИТАЛИЙ БАБЕНКО

Проклятый и благословенный

Я очень часто прослушиваю эти фонны. И каждый раз долго выбираю, какую взять для начала, стараюсь представить, чей услышу голос. Все они одинаковые—розовые кубикн не больше игральной костн, ннчем не помечены, чтобы отлнчаться один от другого, если не считать крохотного нидекса на первой плоскостн. Я намеренно располагаю нх так, чтобы индекс оказался внизу. Беру наконец первую попавшуюся фонну, осторожно закладываю в проигрыватель и жду.

Раздается тихий щелчок. Сейчас в воздухе родится голос. Чей он будет — Психолога или Физика, Бортмеханика или Командира,— я не знаю, но всегда заключаю сам с собой нечто вроде пари. Мне кажется, если я угадаю, то вскоре сбудется и самое сокровенное мое желание: наконец-то я все пойму. Шанс угадать весьма высок: всего-навсего один из семи. Семь фонн выстроились в ряд у меня на столе, ровно столько, сколько было членов экипажа. Почему-то я постоянно проигрываю, и, когда в комнате затихает последний монолог, мне мерещится, будто я только что был на волосок от разгадки, не сумел разобраться в какой-то малости, еще чуть-чуть — н из разрозненных кусочков сложится ясная н четкая мозаичная картинка. Однако... это же самое впечатление возникало н позавчера, и завтра мне будет недоставать все той же малости, н я утешаю себя мыслью, что причина моей невезучести: опять не угадал, опять с первого раза не вышел мой многоголосый пасьянс.

«Человеческое познание движется по очень странной траектории»,— слышатся первые слова монолога Фнзика. Я закрываю глаза, и мне чудится, что он сидит в кресле напротив меня, играет своим шарнком-веретенцем н тихнм голосом — не вдаваясь в сложности теории и не читая наизусть формулы, которые выглядят красиво только на экране калькулятора, а в словесном выражении представляются полнейшей абракадаброй,— рассказывает мне, человеку от физики весьма далекому, о целн эксперимента.

Что же, по крайней мере сегодня пасьянс начался вполне логично — с предысторнн. Только я загадывал Навигатора...

«...Кто мог подумать хотя бы двести лет назад, что, изучая материю, углубляясь в структуру вещественного мира, мы вдруг упремся в абсолютно невещественное, в пустоту, в ничто, в вакуум? Как можно в Ничто искать причины Чего-то? И если это Что-то — весь мир, вся Вселенная, то имеем ли мы право тратить силы, энергию, возможности на изучение Не-сущего и снаряжать экспедицию «туда, не знаю куда», требуя от нее, чтобы она принесла «то, не знаю что»? Да, имеем...

Очевидно, не напрасно вопрос: действительно ли пуста пустота? — издавна волновал ученых. Вспомним споры о близкодействии и дальнодействии времен Ньютона. Вернемся к теории эфира. Перелистаем лишний раз Эйнштейна и задумаемся над его словами о «невесомой, светоносной материи». Прибавим к этому не столь ушедшие в прошлое — всего вековой давности — дискуссии о нулевых колебаниях вакуума, а также наши бесплодные попытки понять гравитацию,— бесплодные тем паче, что нам удалось расшифровать гравитационную структуру Вселенной и использовать ее для перемещения в пространстве,— и на поверхность всплывет парадоксальный вывод: как бы все упростилось, если бы в словечке «НЕ-сущий» можно было убрать дефис! Вакуум, несущий нас. Мир. Жизнь... И как многое стало бы нам понятно в мироздании, если бы вслед за Мефистофелем мы могли повторить:

«...нечто и ничто отождествились»...

Или если бы мы по-новому осмыслили слова из Тайттирия Упанишады:

«Поистине вначале это было не-сущим;

Из него поистине возникло сущее».

Или задумались бы над речением Лао-цзы:

«Все сущее в мире рождается из бытия. А бытие рождается из небытия».

Как появился наш мир? Откуда берутся звезды? И — самое главное — КАК они берутся? Сколь «простенькие» вопросы! И сколь непросто на них ответить. Например, в последнем КАК — загвоздка величайшая. Ни одна теория не объясняет это маленькое словечко, а в большинстве гипотез оно так и остается белым пятном. Если мы зажжем в пространстве звезду — скажем, соберем мегаколичество водорода, уплотним его, нагреем подобающим образом и инициируем в нем реакцию синтеза, пусть даже получим расчетным путем гарантию, что реакция по типу и длительности не будет отличаться от истинно звездной, пусть даже забудем на время, что водородный цикл Бете — как это было доказано много лет назад — нарушается, лишь стоит взяться за анализ нейтринного потока,— будет ли у нас уверенность, что получится именно звезда? А может, для звезды нужно еще Нечто? Или Ничто?..

Игра этими двумя словечками занимала меня с детства. В мозгу не укладывалось, что вне нашего мира, вне нас и внутри нас царит полная пустота. Что пустоты этой в собственном теле гораздо больше — в пространственном смысле,— чем вещества, хотя мы и набрасываем на нее ловчую сеть или, еще лучше, маскировочную сеть полевых взаимодействий. Что расстояния между крохотными частичками, из которых состою я, сравнимы с космическими и что любой человек, в сущности, как и его обитаемый мир,— лишь сумма вещественных слагаемых, дрожащих в безмерном невещественном восклицательном знаке, перед которым мышление пасует. И мне захотелось превратить его в знак вопросительный.

Цель жизни выявилась очень рано. Я поставил перед собой задачу доказать, что вакуум — «ничто» в одном-единственном, косвенном, условном смысле: без него наш мир действительно был бы абсолютной пустотой. НИЧЕМ. Мира бы не было. Итак, теорема: вакуум — носитель и прародитель материи. Скорее, родитель, ибо, как я предполагаю, она черпалась из него всегда и черпается ежемгновенно. Первая посылка — моя магистерская о нулевых колебаниях вакуума. Именно из нее вытекало следствие о возможности создания прибора, который я назвал васкопом — вакуумным микроскопом. Иначе — особой... чуть не сказал «фотографической»... камеры, позволяющей делать мгновенные — в истинном смысле — энергетические снимки или даже «срезы», «сечения» чистого вакуума.

Чистый вакуум мы нашли. Оставалось малое — чтобы прибор сработал. Только в этом случае можно было бы доказать, что мы взвешены не в пустоте, а в безбрежном море энергии. Вакуум — море энергии!.. Прибор не сработал...

Поразительное дело. Мы совершаем гиперсветовые скачки в пространстве, а как это делаем — не знаем. «Know-how» без «how». Понятно одно: мы на верном пути. Разработали теорию, теорию весьма искусственную, постулированную архипроизвольно. Теория воплотилась в постройке Корабля. И Корабль «проткнул» космос! Как? Посредством чего? С помощью каких сил? Убежден: ответа не будет до тех пор, пока мы не постигнем вакуум.

Наш мир пятимерен. Сие известно любому школяру: три измерения — пространственные, четвертое — временное, пятое — энергетическое. Мы попробовали представить гравитацию Вселенной как некий жгут, каждое волоконце которого — четырехмерный объект вещественного мира, протянутый по оси Энергии. Элемент бреда возникает уже на этом этапе: не представляя себе гравитации, ищем гравиструктуру; не зная, в чем суть тяготения и что есть его носитель, рисуем картину мироздания; между Вселенной и Гравитацией ставим знак равенства. А затем пускаемся в область фантасма-

гории: задаемся целью «протиснуться» между «волоконцами» гравитации и посмотреть, что из этого получится. Протиснулись. Посмотрели. Получилось. Мгновенный внепространственный перенос. Еще раз — Как? Еще раз — посредством Чего?

Посредством вакуума, говорю я. Он и только он — та энергия, которая бросает нас, непонятливых, к иным мирам. Энергетический океан. Правда, энергия в нем невыявленная, скрытая. Вырожденная, хочется мне сказать.

Посмотрим, что еще нам дает концепция вакуума как безбрежья вырожденной энергии.

Нам известны четыре вида взаимодействий. По силе и симметричности они идут в таком порядке: сильное, электромагнитное, слабое, гравитационное. Последнее — наиболее маломощное. Чем симметричнее взаимодействие, тем быстрее экранирует его вакуум, тем ближе оно к нему. Вакуум — самое симметричное состояние, нечто вроде отправной точки. Ага. Отправная точка... Начало, так? Вот и зацепка. А если не просто начало, а, так сказать, материнское, родовое? Если вся регистрируемая «эм-це-квадрат» нашего мира есть не что иное, как некий выброс излишка энергии из вакуума, который, будучи высшим — а не низшим! — состоянием энергии, каким-то образом замкнут сам на себя, полностью сам себя экранирует?

В таком случае иерархия симметризуемости превращается в иерархию выброса! Сильное взаимодействие — первичный всплеск энергии. Излишек, не умещающийся на этом уровне,— электромагнитное. Следующий излишек — слабое взаимодействие. Последний — гравитация. Резонный вопрос: по той же логике и на уровне гравитационного взаимодействия вся энергия может не быть использована; куда девается ЕЕ излишек? Единственный ответ. Мой ответ: утекает обратно в вакуум. Больше того, именно эту «утечку» и используют наши — непонятно как «скачущие» — Корабли. Именно этот последний излишек и служит своеобразной «смазкой» для скольжения между волоконцами жгут-структуры Вселенной.

Любой слушающий эту фонну заметит, что я говорю уже: жгут-структура Вселенной — не гравитации. Понятно почему. С гравитацией теперь все ясно: она не суть Вселенная, а лишь выхлоп отработанной на предыдущих уровнях энергии. Вселенная же — это действительно, как указывалось еще Курбатовым сто лет назад, четырехмерное многообразие в пятом измерении. Только пятое измерение — это не просто энергия. Это энергия, рожденная Вакуумом...

А прибор не сработал... Не удалось нашему «маринисту» зарисовать океан энергии... Сработали мы, наша психика. Но престраннейшим образом. Корабль схлопнулся, мы поймали вакуум, и... Я, на-

пример, испытал дикое ощущение. Первая мысль: я взорвался. Затем: нет, взорвался мой мозг. Затем: нет, мозг мыслит, но тела нет. Значит, взорвалось о н о. И превратилось в облако, фонтан, водопад красок, северное сияние, психоделический мираж, фата-моргану.

В сущности, смысл этой фонны — в попытке выразить словами то, что я видел и обонял в момент эксперимента. Все вышесказанное — прелюдия, отсрочка, стремление оттянуть ее неуклюжими размышлениями вот этот самый миг, ибо описать происшедшее со мной — выше снл человеческих. Но миг наступил. И я пробую, тем более что фонна уже близка к концу.

Сколько цветов в радуге? Семь? Сразу после «взрыва» я видел их семьдесят семь. Или, может, семьсот семьдесят семь. Не оттенков, не цветовых нюансов — цветов! Как это может быть? Не знаю. Верить в это нельзя. Не верить — тоже: это было. В моем взорванном теле, в моем расчлененном сознании, но было.

Цвета роились, объединялись в какие-то немыслимые букеты, распадались, кружились во взаимопересекающихся хороводах, и все в бесконечно быстром темпе, пьянящем запахе фиалок. Остановить взгляд на каком-либо сочетании красок было невозможно... Взгляд... Вот, пожалуйста, я сказал «взгляд». И еще: «запах». Были ли у меня глаза? Нет. Нос? Нет! Уши? Нет! Конечности, сердце, печень, почки, легкие? Нет, нет и нет...

Было сознание и... семьсот семьдесят семь цветов разбушевавшейся радуги, семьсот семьдесят семь сумасшедших запахов. Потом на этом искрящемся калейдоскопическом фоне, поверх этой клумбы фантастических орхидей возникли желтые смолистые почки. Они быстро набухали, лопались, но не зеленые клейкие листики высовывались оттуда — извергались потоки пронзительно-красного, пахнущего лимоном цвета.

...Образовалась спокойная пурпурная гладь, а по ней ползли, ползли фиолетовые, синие, голубые, сиреневые, лиловые, благоухающие гвоздикой кляксы; они чернели, но, не становясь совершенно черными, вдруг задергивались лимонной, или янтарной, или золотистой анисовой пленкой, та клокотала аммиаком, вскипала бурой пеной, сквозь нее пробивались изумрудные кориандровые пузыри. Пузыри эти, словно аэростаты, тянулись вверх, пучились, но на части не разлетались, не отрывались от перламутровой, теперь уже пахнущей сеном глади,— вырастали удушливыми сернистыми колоннами, и между ними били ослепительные лучи.

Лучи имели зернистую структуру, по ним вились серебряные нити, и вот уже миндальное кружево серебра, лавролистые арабески, фисташковые спирали, мускатные дуги, ментоловые кольца, кофейные змеящиеся пунктиры, липовоцветный сапфирный туман,

сандаловый алмазный блеск, коричное хрустальное мерцание, а нити утолщаются, становятся прозрачными, в них игра света, пыль книжных фолиантов, зайчики, йодистые водоросли, искорки, лесная гарь, вихрение, мята, еще один взрыв, снова буйство миллиона цветов и оттенков, дуновение из ботанического сада, открытая настежь дверь восточной кухни, чад лаборатории алхимика, воскурения богам, снова почки, колонны, кляксы, пузыри, пена, серебряный серпантин, еще взрыв, но взрыв наоборот — и все разрозненные, окрашенные утренней зарей и полуденным прибоем, и закатными облаками, и лунной рощей, и вечерней росой части принадлежавшего мне целого слетаются к ослепительной точке моего «я», превращаются в меня-во-плоти...

Я бросил взгляд на корабельный хронометр. Эксперимент, как и планировалось, длился минуту. Я же провел в цветовом аду — или раю? — час, день, год, вечность... не знаю сколько. Времени Там не было. Я не успел обернуться, чтобы посмотреть, что стало с экипажем: на меня обрушился мрак. Сознание померкло, и время провалилось еще раз, теперь уже в бездну лишенной запаха черноты...»

Снова прозвучал тихий щелчок. Фонна кончилась. А в памяти моей возник тот день, когда экспедиция вернулась на Землю.

Помню, лишь только я узнал, что экипаж прошел «контроль», как тут же вывел со стоянки «квадригу» и помчался к Психологу. Мне хотелось одному из первых узнать о результатах эксперимента, и я не думал, что Психолог откажет: давняя дружба связывала нас. Восемь лет назад, в день совершеннолетия, мы вместе сдавали профиль.

Я погнал «квадригу» в верхнем слое шоссе. В сущности, это было довольно неразумно: у меня барахлил задний левый узел. Однако перспектива возможной поломки, а следовательно, и задержки, была весьма туманной, и я несся над «триерами» и «пушинками», медлительными «фаэтонами» и «феями», полностью отдавшись одной мысли: удался эксперимент или нет. Интроспекция вакуума — вот о чем мы все тогда думали.

Внезапно левую ногу кольнуло. Так и есть: «больной» узел отключился. Я немедленно погасил пульсацию и пронзил голубоватое марево перепонки, входя в правый ряд второго слоя. Разумеется, надежда добраться до цели с меньшей скоростью и всего на трех узлах оказалась эфемерной. Повреждение грозило коллапсом всей двигательной системы, поэтому диспетчерская дороги взяла управление «квадригой» на себя, и очень скоро я уже бродил вокруг машины в нулевом слое, отчаянно посылая сигналы о помощи. Сжалился надо мной возничий «фаэтона». Он как раз направлялся со свежими фруктами в район, где жил Психолог, и

согласился потерять несколько минут, чтобы, спустившись в «нулевой», захватить меня.

Короче говоря, я попал к Психологу на час позже, чем предполагал. Этот час все и решил. В дверях я столкнулся с группой врачей. Шедший впереди седоватый мужчина нес диагностер.

— А как вы об этом узнали? — одновременно печально и резко спросил он меня.

— О чем «об этом»? — не понял я и только тут заметил на стоянке характерный каплевидный силуэт реанимационного «рапида».

— Он к живому ехал, не к покойному,— подтолкнул первого в спину кто-то из группы, видимо коронер.

— К-как к покойному? — уже догадываясь, но не веря, не желая верить, выдавил я из себя.

— Кровоизлияние в мозг...— Врач с диагностером пожал плечами и, чуть помедлив, направился к «рапиду». В доме уже шла молчаливая, чужая и несвойственная этому жилищу суета...

Монолог Психолога я выбираю намеренно. Мне хочется услышать его голос. Желание делать привычную ставку на случай пропало. Помимо всего прочего, эта фонна заслуживает особого моего внимания. Она — единственная из всех прочих — не просто первичная, случайная, порожденная тупиковой ситуацией запись сумбурных размышлений и предварительных скороспелых выводов. Это звуковое письмо, и оно имеет своего точного адресата. Форма странноватая, если детально представить себе момент возвращения экспедиции. Первые часы на Земле, эксперимент еще не осознан, расшифровка поведения приборов только предстоит, расшифровка энцефалограмм — тем более неизвестно: удастся ли, мысли разбредаются, диктуется первое, что приходит в голову. И вдруг — письмо... Не жене, не дочери, что было бы естественно. Адресовано оно мне...

«Здравствуй, дружище! Как бы тебе вернее объяснить, что с нами произошло? Постарайся не удивляться: понятия не имею. Впервые в жизни попал впросак. Что самое глупое в этой истории — никто и представить не мог, будто наша экспедиция расшибет лоб, помимо прочего, и о психический барьер.

Роль моя, казалось, была второстепенной. Ты ведь знаешь, более всего я был загружен на предварительной стадии подготовки, когда мы синтезировали психологическую совместимость экипажа, учитывали все возможные неудачи и старались заранее свести на нет все связанные с ней виртуальные депрессивные

явления, а самое главное — готовили членов экспедиции к преодолению «рубежа постижимости». Иначе — искали меры, чтобы рассудок каждого сумел перебороть шок от встречи с Неведомым, каким бы «экстравагантным» — конечно же, в изначальном смысле этого слова — оно ни оказалось. В пространстве моя функция сводилась к минимуму: контроль, контроль и еще раз контроль. Ну и, естественно, биодатчики.

Итог, с которым я хочу тебя ознакомить, куда как плачевен. Я, видимо, стану главной фигурой при анализе результатов и... боюсь, ох как боюсь этого! В голове ни одной позитивной мысли. Это первое. Эксперимент потерпел полную неудачу, но возможность такой неудачи в наши априорные расчеты не входила и войти не могла. Это второе. Третье, хотя далеко не последнее: мы действительно столкнулись с Неведомым, однако это Неведомое оказалось не только за пределами постижения, но и за пределами того, что мы в период подготовки иронически называли «экстравагантным», то есть за пределами «запредельного».

Посуди сам. Мы ставим опыт над вакуумом. Техническая часть программы удалась: пустоту в силки загнали. И... тут же из экспериментаторов превратились в подопытных кроликов. Что-то начало ставить эксперимент над нами. Причем масштабы этого неожиданного опыта, цель его, механизм оказались явно не по силенкам нашим — увы, «готовым ко всему» — мозгам.

Коротко расскажу о биометрии. Например, кардиограммы: ровнехонькие параллельные линии. Пиков, зубцов, хотя бы дрожаний нет. Ergo, сердца не бились, так, что ли, получается? Дыхание — 80 вдохов в минуту. Это при полной-то остановке сердца! Если верить самописцам, впрочем. Давление: верхнее — норма, нижнего НЕТ!!! Не зарегистрировано. Температура тела — минусовая! Энергопотенциал тела нулевой, зато мускульное напряжение — полная каталепсия. Подробно с энцефалограммами я тебя знакомить не буду, замечу только: все ритмы сошли с ума. Или биодатчики сошли с ума. Или я сошел с ума. Как считаешь, а? И учти: общий диагностер дает резюме: состояние экипажа в пределах нормы, патологических отклонений нет, а индикатор рефлексов — один во всем приборе! — мертво стоит на самом предельном значении красного интервала: глубокая кома. Таким вот образом...

Что касается энцефалографии, здесь могу сказать только одно. И слова мои подкрепляются не сенсорографическими выходными данными, расшифровать которые я просто не способен, а, так сказать, нашим изустным «гептамероном». Видишь ли, перед тем как войти в атмосферу Земли и совершить посадку, мы покружились чуть-чуть по эллиптической орбите, рассказывая друг другу о том, что каждый видел в минуту эксперимента. Коллекция

новелл, честно говоря, потрясающая. Хотя и, безусловно, паранонческн-бессмысленная. И во всех отношениях необъяснимая.

Короче, сознание всех выключилось. Ровнехонько в нулевой момент отсчета. Но заметь: не обморок, не бессознательное состояние, не кома, что бы там ни врал индикатор. Сознание отгородилось от реальности и перенеслось в какую-то иную действительность. Почему и как это произошло, а также почему нам всем мерещилась не одна и та же картинка, а разные, почему в мозг каждого проецировалось что-то неповторимое и особенное и откуда это проецировалось — вот вопросы, которые мучают всех нас.

Картинка, возникшая в моей голове, оказалась не особенно дикой. В сравнении, конечно, с остальными. Так... нечто вроде заурядного и спокойного сна.

Отсчетчик лязгнул «ноль», одновременно с ним включился хронометр, и я... оказался дома. Угу. Именно дома на Земле. Сижу за столом вечером. Напротив — жена, справа — дочка. Слева головизор чего-то играет. Древний спектакль, вроде бы из нашей видеотеки. И сидим мы так мирно, задушевно, пьем чай с тонизатором.

Первая мысль моя, когда все кончилось,— это будто меня в прошлое отбросило. Года на три. Тем более что сразу не сообразишь, деталей не вспомнишь, все смазалось в памяти, расплылось,— совсем как в жизни, когда в голову неожиданно забредет пустяковое воспоминание. Чуть позже напрягся: картинка явственней стала, детали сделались четче. И вот тут-то увиделись мне странности. Что к чему — не разберешь, но явно не бросок в прошлое, а видение это было. Галлюцинация. Это у меня-то, проверенного-перепроверенного?!

У жены черты лица вроде все те, но в то же время и какие-то другие, сходство будто явное, но приглядишься — и сходства нет. Точнее, некорректное сходство. Словно кто-то построил по неким координатам облик, но то ли точку отсчета взял свою, то ли пропорции по-другому измерил, то ли по одной из осей — а то и по всем сразу — особые деления понатыканы, чуть-чуть отличные от принятых, или промежутки между ними несоразмерные сделаны. Такая же штука и с дочкой. Ну, свои это, родные, до родинки на щеке знакомые лица и... чужие, неблизкие, иные.

Далее: стол, за которым сидим, тоже мой, тот самый, что в гостиной стоит. Но катавасия продолжается. Тот, да не тот. Может быть, оттенок чуть другой. Может быть, форма, размеры... Тьфу, не распознаешь! И чай: запах прекрасный, а вкуса нет. Скорее всего, я его просто не запомнил. Но не исключено, что вкуса вовсе не было. Так же, как и у тонизатора. Хотя ощущение, что пьем мы его именно с тонизатором, было!

Следующая деталь — тот спектакль, что по головизору смотрели. Не могу вспомнить, что это было за представление. Хоть убей, не могу! Видел ли я когда-нибудь его? Определенно. Где? Когда? Что за театр? Что за актеры? Ответа нет. Наваждение...

И последнее. Комната, где мы сидели. Сначала восприятие было четким: гостиная в нашем доме, как и должно быть. Потом стал сомневаться. И еще позднее понял, что сомневался не зря: не гостиная и не комната, а черт знает что! Стены были и не были. Потолок был и... в то же время отсутствовал. Пол — не пол, а некая умозрительная уверенность в опоре под ногами. Короче, знаешь на что это походило? Готовое ощущение замкнутого пространства, объемом равного именно гостиной. Но только объемом. Как создавались границы этого пространства: материальными плоскостями или особой экранировкой — не пойму до сих пор...

Вывод у меня пока один напрашивается. Не прошлое это было, а модель прошлого. Да! Какая-то вот такая модель. И видишь ли, в этой мысли меня следующее утверждает: с каждой минутой все больше и больше чудится, что спектакль тот самый — головизионный — не целостным представлением был, не видеозаписью, а очень хорошо подогнанной мозаикой из обрывков всех — всех! — спектаклей, что я за свою жизнь пересмотрел...»

Щелчка нет. Фонна Психолога оказалась записанной не до конца, и чтец сканирует развертку, надеясь обнаружить новую информацию. Я знаю, что ее не последует, но не двигаюсь, не переключаю проигрыватель. Посидеть, подумать... Вспомнить. Все вечера заняты у меня только этим. Я часто спрашиваю себя: зачем мне это нужно? В конце концов я не специалист, не член какой-нибудь комиссии, просто близкий друг Психолога, немного знал и остальных членов экипажа. Меня никто не просил о помощи, мои выводы, даже если они и последуют, вряд ли кого заинтересуют, ибо базой, достаточной для научного обобщения физико-технических данных, я не располагаю. И тем не менее бьюсь...

Может быть, толчок дало письмо? Да, так и было. Я оказался вовлеченным в эту историю, и память о друге не даст мне покоя. В сущности, мне всего-то и нужно, что мои фонные копии. Корабль? Пусть другие разбирают его по косточкам. Я вижу смысл в другом: в вопросах, мучивших Психолога. Какая тайна сокрыта в видениях, с которыми столкнулся экипаж? Почему они разные? Что подействовало на психику тренированных людей? И — добавлю от себя — нет ли в галлюцинациях ответа на всю загадку эксперимента?..

Вот подумал сейчас о Корабле и тут же вспомнил, как я впервые увидел игрушку Физика.

Это было задолго до эксперимента. Я заехал тогда к Физику по каким-то не суть важным делам, но дома его не застал. Очевидно, его срочно вызвали, ибо он был отменно точен и, коли условился, никогда не заставлял себя ждать. Поскольку из всех машин на стоянке отсутствовал лишь один «спурт», это само по себе доказывало, что вызов был спешный и требовал безотлагательности.

Мне ничего не оставалось делать, как убраться восвояси. Но, прежде чем задать «квадриге» реверс, я счел нужным зайти внутрь и оставить хозяину фонну. Естественно, это можно было — и по всем правилам следовало — сделать в гостевом дворике. Я же, понукаемый нездоровым любопытством, решил подняться в кабинет и засвидетельствовать визит — шутки ради — в блоке «рабочей памяти». Что поделаешь, очень уж хотелось полюбопытствовать, как выглядит «святая святых» ученого. Тем более что самому хозяину никогда бы и в голову не пришло, будто его «келья» может вызвать интерес у кого-либо из гостей.

Вступил в кабинет... и тут же пожалел о своей ненасытной любознательности. Кабинет как кабинет, обычное рабочее место, ничего особенного. Стол, пюпитр «рабочей памяти», информ-заказчик, картотека, фоннопроигрыватель да серийный «секретарь» — вот и вся обстановка. Что я ожидал увидеть — я и сам не представлял. Скорее всего, мне рисовался в воображении живописный беспорядок. Нестертые в «памяти» обрывки мыслей, страницы новейшей монографии на экране заказчика, полузаконченная рукопись в «секретаре» и прочее и прочее...

Все было не так. Безукоризненная чистота и до обидного законченная аккуратность царили в «келье». Ничто не указывало на то, что именно здесь рождаются головокружительные теории и именно отсюда выпорхнула идея Эксперимента, посягающего на основы миропорядка. Музей оргтехники, да и только. Даже стол-калькулятор, который уж никак не мог оставаться в бездействии сегодня утром, напустил на себя восторженно-праздный вид, словно бы ни один логарифм в жизни не обременял его мозги, а об интегралах он и понятия не имел и вообще был предметом благоговейного поклонения, идолом-недотрогой, сокровищем языческой кумирни.

Впрочем, я ошибался. На матовой крышке стола покоилась какая-то штуковина. Единственный предмет, вносивший диссонанс в обманчивый покой вещей. Это был небольшой приплюснутый шар черного цвета с едва ощутимыми выпуклостями на полюсах. Выпуклости соединяла тонкая белая линия. Я опасливо повертел шарик в руках, и вдруг с ним ч т о - т о произошло. Непонятно что, но он как-то вздрогнул, издал резкий хлопающий звук, и вот у

меня в руках уже нечто вроде веретена все того же черного цвета и с белой полоской от острия до острия.

Я снова повертел игрушку в руках, и опять раздался резкий хлопок, веретено вздрогнуло, превратившись в шар. Минут пять я забавлялся диковинкой, пока не заметил, что она меняет форму при нажатии либо на выпуклости, либо на острия. Что же, причуда есть причуда. Почему бы талантливому и еще очень молодому физику не мастерить на досуге пространственные головоломки или показывать домашним топологические фокусы? Мне-то что до этого? Я наскоро вляпал в «память» две-три фразы: мол, сожалею по поводу несостоявшейся встречи, присовокупил извинение за бесцеремонность и вышел из дома.

Через несколько дней я все-таки встретился с Физиком. Он сам приехал ко мне. Мы обсудили все что нужно в какие-нибудь полчаса, и, возможно, эта встреча вылетела бы у меня из памяти, если бы не одно обстоятельство. За разговором Физик безотчетно полез в карман и вынул из него... все то же веретенце. Я уставился на знакомую игрушку, а он, не замечая этого, продолжал говорить. Внезапно раздался хлопок, ученый вздрогнул, разжал пальцы, и на пол скатилось не веретенце — черный шарик. Я поднял его и отдал владельцу. Тот смутился, пробормотал что-то и хотел было убрать загадочную штуковину в карман, но я остановил его. Так я впервые услышал о Корабле. Шарик-веретенце был его макетом...

Из оставшихся пяти кубиков снова беру первый попавшийся. Уже ничего не задумываю, просто неторопливо жду. Борт-инженер.

«Это был сон. И это была явь. Это была мистика. И это было по ею сторону реальности. Или вообще ничего не было!

Должный строй мира: вне материи — пустота.

Приличествующий сознанию подход: «внутри пустоты» — оксюморон.

Естественная субординация: вещество как образ бытия — поле как система связи — вакуум как нуль вещества или поля.

Мы мечтали внести коррекцию в эти три формулы.

«Содержание» пустоты наделить смыслом.

Доказать, что вакуум не нуль, но нулевое состояние энергии. Нулевое, однако же с о с т о я н и е.

И таким образом, представить Вселенную как вакуумно-вещественный континуум, то есть мыслили такую субординацию: овеществленная энергия — энергия поля — вырожденная энергия.

Большего, полагали, не дано. Вышло: есть большее. Или есть в м е с т о. Но ЧТО? Почему вместо вырожденной энергии мы обнаружили выродков нашего сознания?

Есть древний прием: высказаться — осознать. Уверен, что не получится. И тем не менее должен попытаться. Иначе безумие укоренится, а страх оберится ужасом.

Я попал в детство. Свое детство. Сознание раздвоилось. Я ощущал себя ребенком. Не в эмоциях и речениях, а тем, прошлым. Двадцать лет жизни исчезли. И параллельно видел себя со стороны. Облик соответствовал былому. Жидкие светлые волосики, короткие штанишки, колготки, бактерицидный клей на ободранных локтях... Похож на девочку... Стереофото из семейного альбома...

Мучила важная проблема: смесь вкусных вещей — вкусна ли? Например, ежевичное варенье, пикули и сырое песочное тесто. Или так: майонез, лимонный крем, гречневая каша с молоком. Странный был ребенок: любил каши. Смешать бы все в тазу! И есть ложкой. Останавливало одно: таз спрятан у мамы.

Пахло ванильным мороженым.

Глубокомыслие отпустило: встретился с приятелями. Идиотизм заключался в следующем: м о е детство, вернувшееся в абсолютном вакууме, пересеклось с детством э к и п а ж а. Не знал я никого из них двадцать лет назад, вот беда! Познакомились на отборе. И детских фотографий не видел в жизни. Перед возвращением на Землю — когда обменивались «выродками» — описал каждого, каким лицезрел «во сне». Подтвердили. Их изумление — выше моего: сходство — до малейших деталей. И образ мыслей подобен. Насколько помнят себя.

Я впал в детство. Допускаю. Правильнее: «меня впали». Нечто воздействовало на мозг, высвобождая воспоминания. Бред, по сути своей: вокруг пустота. Но возьмем как гипотезу. А память шести человек — к а к в мою влезла? Семь ниточек, ведущих в полузабытое прошлое — неповторимое, у каждого свое и посторонним неведомое,— к а к сплелись?

Сидели рядком на скамеечке. Чинно, степенно — благовоспитанные детишки. Ногами болтали, рассуждали. Кто в носу ковырял, кто ногти грыз, кто укус комариный расчесывал. Дружки — любой скажет. А подружиться им — через двадцать лет!

Командир — вихрастый, штаны на помочах старомодных — вперехлест, гольфы сползли, настроен воинственно: чуть что — соседа локтем в бок.

Помощник — анемичный, вялый. Зовут «дистрофиком». Кожа тонка: на шее все жилки видно. Почти прозрачный. Спорить не любит и не хочет, но приходится: компания втянула в дискуссию.

Физик — конопатый до умопомрачения. За веснушками лица не видно. Огненные волосы не во все стороны, как у рыжих обыкновенно, а напротив — аккуратной челочкой. Вожак — Командир,

но и этот из лидеров, за чужое верховодительство отчаянно переживает. Потому и любое слово — главарю наперекор.

Психолог — из тех, что в школе становятся круглыми отличниками и занудами. Все знает, но снисходительно молчит, если скажет что — обязательно проверенное и в точку. Таких родители с трех лет «по-взрослому» одевают, а с пяти уже на коррекцию зрения водят: читают все, что под руку попадается, даже кулинарные книги.

Техник меньше всех ростом, потому и ехиден. Нос острый, как у лисы, глаза — щелочки, рот от уха до уха. Первый подпевала Командира. Тот ему брезгливо потворствует, остальные — и я в том числе, не тот, который смотрит со стороны, а тот, что сидит на лавочке третьим справа,— ненавидят. В начальной школе потенциальный ябеда и подхалим. Лупить будут нещадно.

Наконец, Навигатор — «вещь в себе». Отрешен, суров, словно наперед известно: через пару десятков лет быть ему «звездным штурманом». Одна из редких натур: в цели жизни уверен с малолетства, идет к ней упорно и добивается максимального. Знает все о типах космических кораблей, о трехмерных лоциях, о системе координат в пространстве, любой разговор сводит к «эклиптике», «космовекторам». Любимое присловье: «Эх, суперсвет бы!» Как в воду смотрит: в числе первых окажется, кто пространство перехитрит.

А дебаты у нас нешуточные: спорим, какая игра лучше.

— Конструктор! — выкрикивает Физик, стремясь к приоритету.

— Смотря какой конструктор,— важно и снисходительно цедит Командир.— Конструкторы разные бывают.

— «Построй сам»,— хихикает Техник.— Кубики. Робя, рыжий в кубики до сих пор играет!

— У-у, лиса! — Физик гневно потрясает кулачками.— И не кубики вовсе — аналоговый на микротриггерах! Мне такой конструктор отец подарил. С полиэкраном!

Командир ощущает потребность в возврате инициативы.

— Хлам! — бросает он.— Ясли... «Живой мир» — это вещь. Нацепил шлем и крути ручки. Хошь — в космосе летишь, хошь — в джунглях крадешься. Не то что твои «тригры-мигры»!

— Хлам?! — глаза Физика стекленеют.— Да ты сам знаешь кто?

Спор грозит баталией. Выступаю я:

— Кончай, братцы! Тебе — то, рыжему — то. А я технические игры не люблю. Вот в «пришельцев» сыграть бы! Айда, а? Дистрофик водить будет. Он все равно прятаться не умеет, уши за парсек видны. Пусть «Центр» охраняет. Чур, я в дальнем патруле!

Дистрофик багровеет. «Лиса» опять скалится.

— Прише-е-ельцы,— тянет он, опаслнво косясь на Команди-

ра.— Ты еще «индейцев» предложи. Ща луки сделаем, стрел наломаем. Возня одна...

— Ты сам-то, «лиса — морда коса», во что играешь? Небось ни во что!

— Я... это... я тоже «живой мир» люблю. Особенно «оверсан». Солнце очень красиво можно вообразить...

Командир благосклонно кивает.

Мы с Физиком орем нараспев:

— Лиса — подлиза! Лиса — подлиза! — и на ходу сочиняем, смело круша стереотипы женского и мужского рода:

— Лиса — болван.
Захотел «оверсан».
Полетишь башкою вниз,
Потому что ты — подлиз!

— Дистрофик, а ты что скажешь? — Это вступает Командир. Оппозиция наша ему не нравится. У Психолога же и спрашивать нечего. Заранее знаем: скажет «шахматы», или «литературная викторина», или «герои любимых книг» — что-нибудь в таком духе.

— Я? — Дистрофик смущается и краснеет снова.— Я, ребят, так... ничего.. Я лото люблю. Мы с папкой и мамой часто в него играем. Хорошая игра, не верите?

— Ло-то? — Лиса скатывается со скамейки. Хохочет. Но продолжать не смеет: натыкается на грозный взгляд Навигатора.

— Не трожь его! Слышь? А ты, старшой, тоже мне! — накидывается Навигатор на Командира.— Дал бы лисе по шее, чтоб не вонял. Лото — хорошая игра. И «Живые картины» хорошая. И конструктор у Рыжего ничего себе. А вот у меня мечта,— он задумчиво вскидывает глаза,— «Лабиринт-ловушку» заиметь!

— Какую «ловушку»? — удивляются все.— Мы про такое и не слыхали.

— Это новая игра. Я только сегодня узнал. Значит, во-от такая головизионная рамка. В ней вырастает трехмерный лабиринт. И внизу пять «зайчиков» горят. Ну и пятнадцать рычажков, само собой. Надо зайчиков по лабиринту провести — всех одновременно, а потом их в особую ловушку загнать. Если загонишь — лабиринт пропадает, и появляется сногсшибательная головизия, всякий раз новая. А если хоть одним «зайчиком» за светоплоскость заденешь, все пять назад возвращаются.

— Вот это да! — выдыхаем мы с шумом. Замолкаем: каждый разрабатывает план, чего бы такое дома сделать, чтобы отец за это «ловушку» принес...

И все кончается. Мир детства ужимается до кают-компании Корабля. На хронометре — расчетное время. Минута. Вокруг — остолбенелые лица экипажа.

Сначала думал: мы *все* в детстве побывали. И каждый самим собой был. Потом — нет. «Сны» у всех индивидуальные оказались. Я один такой «счастливый». Не только на двадцать лет «помолодел» в ту минуту, но и в мозги прочим умудрился залезть. Знать бы — КАК!!!

Бросился к приборам. И после того, что было, даже не удивился. Все работает нормально, однако стопорные «дубли» — те, что на показаниях в момент эксперимента должны стоять,— словно взбесились. Математический реактор — нуль. Малый реактор — нуль. Абсолютное смещение — нуль. Это еще можно понять. Но и относительное — тоже нуль. Будто вся Вселенная на ту самую минуту застыла! Полевая защита: «дубль-стопор» сломался! И наконец, ручной калькулятор — наш «суперабак» — САМ ПРИШЕЛ В ДВИЖЕНИЕ. Я поиграл шариками, требуя конечный результат. Ответ — бесконечность! Но бесконечность ЧЕГО?!!

Вот и выговорился...»

В памяти еще раз возвращаюсь к смерти Психолога. Смерть эта подействовала на меня ужасно. Как-то не привыкли мы, чтобы люди вот так просто умирали. Ведь совсем молодой был, тренированный мужчина. Испытанный всевозможными тестами и отобранный после тщательнейшего медицинского отсева. И вдруг кровоизлияние в мозг... Я ведь и сам рвался в эксперимент: тогда еще, когда группа только формировалась. Казалось: по всем статьям подходил, по здоровью тем более. И надо же было им найти невинную отроческую тахикардию! Моментально категорический отказ. И многочисленные ряды «отсеянных» стали на одного человека больше. А друг мой Психолог попал. И... пропал...

Как же это расценивать? *Мне* повезло? Или все-таки *ему*? Мне, который по причине чрезмерной детской активности — нежеланной причине! — остался жить? Или ему, который, хотя и умер, успел побывать на грани Неведомого?

...Я возвращался на вылеченной «квадриге» домой. В пути у меня еще не возникала идея самому принять участие в разгадке тайны: полагал, что и без моей скромной персоны найдется немало пытливых умов. Но двух вещей не знал я тогда: во-первых, что фонна Психолога мне адресована будет, а во-вторых, новой, более ужасной, чем предыдущие, вести.

Я не успел войти домой, как тут же включился головизор. Короткая заставка передачи «Хроника», тревожный музыкальный сигнал, и диктор передает экстренное сообщение: погиб не только Психолог, погиб весь экипаж. По истечении суток после приземления умерли все семеро. Причина смерти — кровоизлияние в мозг. Причина кровоизлияния выясняется. «Выясняется» до сих пор...

Экипаж ничего не успел сделать. Не успел собраться перед

академической комиссией. Не успел выступить на пресс-конференции. Не успел «кристаллизовать» отчеты. Времени хватило лишь на фоны. Семь звуковых кубиков, записанных частично в космосе, частично в гермобоксах перед томительной процедурой «контроля»,— все, чем мы можем располагать. Любой волен заказать и получить копии. Все семь копий у меня на столе. Три — чуть поодаль: прослушанные. Из оставшихся выбираю Навигатора.

«Нервные впечатления... Сбивчивые воспоминания... На большее пока рассчитывать не могу. Полный отчет будет позже. Или не состоится вовсе... Причиной тому — крайняя скудость информации. Насколько могу представить, в будущем ее не прибавится.

Прежде чем перейду к основному, изложу факты всем известные и неоспоримые. Неоспоримость — пока главный козырь, к тому же едва ли не лучшее средство подготовки слушателя. Надобность такой подготовки явствует из дальнейшего.

Итак, о Корабле и верховной задаче эксперимента. Ставится проблема: исследование чистого вакуума. Очевидная деятельность разумеется в двух направлениях: первое — отыскание такового, второе — создание прибора, способного подвергнуть искомую область анализу. Отталкиваемся от определения «чистого вакуума»: «Область пространства, максимально свободная от наличия материальных частиц и с наивозможно минимальным фоном взаимодействий». Вывод напрашивается сам собой: поиск следует осуществлять в глубоком космосе.

Начинаем «считать» пространство. Калькуляторное лоцирование космоса дает результат: ближайшая область с минимальным содержанием вещества лежит в северном полушарии эклиптической системы координат — небесные широта и долгота сейчас маловажны — на расстоянии четырех световых месяцев и двенадцати световых дней от Земли.

Корабль, на котором мы достигли этой области, принципиально нов в двояком смысле. Во-первых, его основным движителем является математический реактор, сводящий G-тензор к нулю в той точке пространства, коей является сам Корабль, и таким образом создающий неопределенность расстояния, равнозначную мгновенному скачку внутри «жгут-структуры». Во-вторых, его конструкция позволяет — в случае точного попадания в заданную область — поймать чистый вакуум в ловушку. Это достигается следующим образом. Корпус Корабля состоит из металлопластических материалов и представляет собой, для упрощения скажем, полую сферу. При подаче импульса на гибкий шпангоут корпус размыкается и, образно говоря, «выворачивается наизнанку», «схлопываясь» вокруг малого объема вакуума с нулевым содержанием вещества.

Простейшая аналогия: представим надрезанный по большому диаметру детский мячик. Небольшое усилие пальцев, и мячик уже показывает нам свою внутреннюю поверхность, оставаясь по форме тем же шаром. Если к этому присовокупить, что края разреза при касании моментально склеиваются, а «выворачивание» происходит в мгновение ока, то, право же, для примитивной модели Корабля нам больше ничего не требуется. Разве что указать: реакторный отсек и отсек управления расположены на «полюсах», а «надрез» проходит по «меридиану».

Оболочка нашего Корабля надежно защищает «пойманную» пустоту от всех видов взаимодействий, включая электромагнитное поле рабочих систем Корабля, и даже гравитацию, ибо в момент «нуль», то есть в момент «схлопывания», срабатывает математический реактор, и для объема, оказавшегося в пределах оболочки, тензор кривизны пространства обращается в «нуль», элиминируя «жгут-структуру». В тот же самый момент начинает функционировать «васкоп», долженствующий за минуту эксперимента сделать около миллиона мгновенных «снимков» вакуума, энергетическая расшифровка которых последует на Земле. Такова схема эксперимента. Добавлю: запроектированная схема, ибо на деле после «схлопывания» рассудки наши помутились, «васкоп» же и «глазом не моргнул».

События развертывались так. Я выстрелил Корабль в расчетную точку и переключил энергию на малый реактор. Мы начали медленно продвигаться в пространстве. Погрешность оказалась ничтожной, поэтому после непродолжительного рыскания Корабль вошел наконец-то в желаемый район. Все наше внимание переключилось на «пустомер» — индикатор содержания вещества в вакууме, или «пустомелю», как мы его окрестили.

«Большеразмерный уровень — пусто»,— начал издалека наш «пустомеля», и тут же хронометр принялся за отсчет времени. «Космическая пыль — пусто». Мы перемигнулись друг с другом: лоцирование не подвело. «Межзвездный газ — пусто». Вот оно, мгновение! На атомном уровне — как помелом, следовательно... «Общая оценка — пусто». «Чистый вакуум»,— все тем же скучным голосом объявил «пустомеля».

Последнее, что я помню из реальности ДО, легкий толчок: «ловушка» захлопнулась.

Немедленное ощущение: лечу куда-то во мраке. Затем подо мной объявилась матушка-Земля. Вокруг раскинулся божественный воздушный простор, над головой — пара-другая легких облачков и небывалой голубизны солнечное небо.

Самое удивительное — летел я «безо всего». Не было за плечами увесистого и монотонно гудящего «Вихря», предплечья и

запястья не обжимали охваты спортивных крыльев, не было ощущения невесомости, как на параболическом тренажере. Была влекущая к земле тяжесть тела, которое, впрочем, и не думало опускаться, было сказочное чувство парения и была радость. Нестерпимый восторг, захватывающая душу удаль, блаженство избранных, упоение победой над природным недостатком человека, одержимость власти над природой — все смешалось, все распирало грудь, наполняя легкие некой невесомой субстанцией, которая, может быть, и удерживала меня на высоте.

Я с удивлением прислушивался к собственному телу. Не было органа, который работал бы в привычном режиме. Сердце билось не ритмично, а выбивало какую-то сложную «морзянку». В печени ощущалось странное щекочущее движение, впрочем, не беспокоящее, а скорее приятное. Желудок словно бы сжался в комок, уступая место диафрагме, которая мощно пульсировала и напоминала мембрану бионасоса «квадриги» или «триеры». Только насос этот гнал неизвестно что и неизвестно куда. Руки и ноги подчинялись неведомым командам — не мозга, а иного органа, только что чудодейственным образом родившегося «под ложечкой»,— и блестяще удерживали равновесие, не допуская, чтобы я свалился в «штопор» или попал в «воздушную яму». Да что говорить — все органы трудились по-особому, но происходящее казалось мне абсолютно естественным, словно бы летать я был обучен с детства. Может быть, и не ходил никогда — только летал...

Подо мной проплывал незнакомый мне заповедник. Девственные леса, благоухающие сады, полудикие парки, луга, речушки, лужайки — все вызывало у меня умиление и первобытное почитание. Я бросался камнем к купам деревьев, пугал быстролетной тенью рыбешек в прудах и снова взмывал в небо, гонялся за птицами, съезжал по радуге, делал тысячи подобных благоглупостей и хохотал, хохотал, хохотал...

Пока не очнулся в центре управления Кораблем. Я лежал на полу и бился в истерике. Психолог разжимал мне челюсти, вливая витализатор, хлестал по щекам, но я все сильнее закатывался идиотическим смехом. Совершенно неожиданно он сменился безумным воем и плачем. Я лежал, скрючившись, у своего кресла и рыдал в три ручья, рассказывает Психолог. Он не изменяет истине. Я помню этот момент. Мне действительно было горько и больно. Я не желал возвращаться в действительность.

Хотелось до конца дней своих летать в прозрачном и призрачном мире, купаться в хрустальных лучах солнца, вдыхать зеленый запах первозданной свежести, чувствовать облака, оседающие капельками на горячем лбу, удирать от грозы, нестись к Луне, стараясь достичь наивысшей точки полета, и затем — вниз, с меркну-

щим от разреженного воздуха сознанием вонзаться в теплый туман, стелющийся над низинами,— отголосок растворенного в сумерках зноя,— возвращаться к жизни. Летать, летать, летать... Вечно...»

Я резко бью по клавише выбрасывателя. Кубик, не отыграв, вылетает на стол. Дальше слушать я не в состоянии: перехватило дыхание. Последние часы жизни Навигатора — самая трагическая ниточка во всем этом запутанном и прискорбном клубке нелепых смертей.

Он с ювелирной точностью выстрелил Корабль к Земле, отдав управление посадкой Командиру лишь после того, как убедился в полном восстановлении значения G-тензора. В ясном сознании прошел «контроль», обманув врачебный синклит. Однако слова, запечатленные в фонне, оказались последней разумной записью «космического снайпера».

Уже дома он внезапно потерял сознание. А когда пришел в себя, мысли в глазах его не было. Он бормотал несусветицу, лепетал как ребенок, пускал пузыри и судорожно дергал руками, как бы пытаясь схватить что-то скользкое, но вместе с тем чрезвычайно важное для него, без чего уйти из жизни он не имел права. «Полный распад сознания»,— зафиксировал врач. Он же через полчаса, мучаясь беспомощностью, установил смерть...

Есть еще одна причина, по которой я никогда не дожидаюсь конца фонны Навигатора. На ней по странному стечению обстоятельств были записаны слова, произнесенные им за секунду до фатального кровоизлияния. На эту единственную секунду сознание вернулось. И губы прошептали жуткую в своей осмысленности фразу — за малым изменением ту самую, которую произнес когда-то, умирая, Рабле: «Je vais quérir le grand Néant» *.

От этих слов мне становится страшно...

«...Вот и все! Кончен полет, кончен эксперимент, и кончены надежды...» — фонну Командира я включаю с третьей плоскости. Сейчас для меня важнее всего еще раз услышать «сны». Размышлений предостаточно. Ретроспективных повествований тоже. В сущности, все они повторяют одно другое. Зато «миражи» или «выродки» — случай особый.

«...Внешне все выглядит благопристойно и даже логично. Ни за чем «поехали» и ни с чем вернулись. Или так: в пустоту нырнули, с пустыми руками вынырнули. Взятки гладки. На нет и суда нет.

---

* «Иду искать великое Ничто» (фр.)

А стыдно... В глаза друг другу совестно смотреть, не то что людям... Ведь было там Что-то! Совсем рядом было. Можно сказать, меж нас. Кажется, щупай руками, измеряй, отколупывай кусок, упаковывай в бумажку и вези на Землю. Ан не тут-то было: пусто! Сквозь пальцы, точнее, сквозь мозги наши, как вода, утекло. Откуда, ЧТО и куда — бессмысленно спрашивать. Ничего-то мы не поняли, ни в чем-то не разобрались и как не знали до сих пор, так и сейчас ни черта не знаем. Маразм полнейший: семь в общем-то неглупых и основательно подкованных людей, до зубов вооруженных новейшей, точнейшей и умнейшей техникой, сидят в Корабле — восьмом чуде света — и... хлопают ушами, в затылках чешут, руками разводят. Щенки слепые!.. Издевательство в полном смысле слова: будто кто-то намеренно заставил нас идти на немыслимые ухищрения, а потом кукиш показал.

Слово «кукиш» я не зря употребил. Хоть бы с нами вообще ничего не случилось, так-таки и ничего, тогда бы все понятно было: НЕТ ни гроша в этом вакууме, нет, не было и не будет никогда. А кукиш-то нам показали! Могучий такой кукиш, и у каждого — свой, у каждого в башке целую минуту фига красовалась.

Вот если бы она в «ловушке» из самого что ни на есть вакуума сложилась — тогда да! Написали бы в отчете просто и бесхитростно: «Абсолютный вакуум при полной изоляции от взаимодействий обладает свойством складываться в фигу». Потом ее замерили бы, высчитали объем, определили топологическую структуру, описали формулами, сняли с каждого пальца дактилограмму и так далее и тому подобное. Возвращаемся на Землю — нате вам, специалисты по фигурам из трех пальцев! Копайтесь, исписывайте тома, возводите стройное здание теории!

А в нашем-то случае что, скажем, я в отчете зафиксирую? Что страшил повидал, каких свет не родил? Что эти страшилы меня чуть не слопали? А доказательства? Нет таковых!!! Ну, привиделось, ну, галлюцинации, ну, перенапрягся... Полежи, молодой, на морском пляже, понюхай озон, поплавай вволю, авось нервы и придут в порядок...

Я и сам такое посоветовал бы любому, если бы от него свои байки услышал. Но ведь не байки!..

Шел я по очень странному лесу. Нет, не так. Лес был как лес: деревья, кусты, трава, полянки с цветами и папоротниками, озерки, холодные ключи — все нормально. И запах земной: зелени, прели, хвои. Но вот заселен этот лес был самым непристойным, так сказать, образом. Что ни зверь, то чудище.

Выглядывало из-за сосен гнусное рыло здоровенного кабана, только вместо пятачка у него красовался пучок фиолетовых

щупалец, и шарил он ими по веточкам, листикам, былинкам, не пропуская ни одного стебелька, все время что-то совал себе в пасть — муравьев, тлей, гусениц, я знаю? А одно щупальце без устали хлестало по щетине на спине и боках — отгоняло слепней, видимо. Пасть, впрочем, была кабанья, но без клыков и зубов. Вроде кто-то повыдергивал их, и совсем недавно: кровоточащие лунки в деснах были видны явственно.

Кабан заметил меня, уставил свои затянутые противной полупрозрачной синевой глаза, вдруг собрал все щупальца в тугой комок и выбросил их в мою сторону, издав громкий чмокающий звук. Я отпрянул, скотина же, довольно хрюкнув, вернулась к прерванному занятию.

Низко над землей, прыгая с ветки на ветку, пронеслась стая шимпанзе. И эти мало чем отличались от обычных обезьян: ни тело, ни лапы особого внимания не привлекали. Однако на морды я не мог смотреть без брезгливости. Челюсти — не челюсти, а ротовой аппарат, как у кузнечика. Вечно жующие красные створчатые пластины, с которых вязкими шариками срывалась густая иссиня-черная слюна.

Выскочила откуда-то пегая кобыла. Умная такая зверюга с человеческими ушами непомерной величины — каждое с простыню. Присмотрелся: уши человеческие, но из тончайших розовых хрящей и с перепонками, словно у летучей мыши. Лошадь взмахнула ими и... полетела, почему-то сказав на прощание: «Привет!» Вполне благожелательно, кстати, сказала и осмысленным, проникновенным голосом.

Свалился сверху обнаженный мозг на паучьих лапках, заскакал по кустарнику, ломая сучья: видно, тяжеленный был очень. Земля вспучилась передо мной, лопнул холмик, рассыпался мелкими камешками, вылезла клешня с глазами, помигала мне и скрылась.

У гигантского дуба отломился здоровенный сук, на его месте дупло вскрылось. Поперла оттуда змея толщиной с хорошее бревно. Это я сперва подумал, что змея: голова питонья. А чуть больше высунулась — оказалось, тысяченожка невиданная: великое множество ног к туловищу приделаны были, маленькие, но шерстью заросшие и с раздвоенными копытцами. Защелкали ножки вниз по стволу, голова уже в клешниной дыре скрылась, а тело все лезло и лезло из дупла: метров сорок в нем было.

А то слоновая черепаха прошествовала мимо. С прозрачным панцирем: все органы сквозь него видно — кровь пульсирует, сердце размеренно ходит, легкие колышутся. Тоже приятного мало.

Дикобразы резвились. Не иглы у них, а тонюсенькие полые

стерженьки с раструбами на концах: оттуда вонючая жидкость брызжет.

Жаба припрыгала из чащи — не меньше теленка величиной. Встала на задние лапы и полезла на березу, как заправский сборщик кокосов,— только откуда на березе кокосы?! Губы трубочкой, лезет, насвистывает чего-то. А вот говорящих, кроме лошади, никого не было.

Я стою окаменело и шепчу себе: «Успокойся. Успокойся. Все нормально. Ты просто немного сошел с ума. Это бывает. Это скоро пройдет». Бормочу эту чушь кретинскую и верю и не верю, что такая чертовщина в действительности происходит.

Окончательно сбрендил я, когда динозавр появился. Раздался треск ломающихся стволов, лес словно распахнулся впереди, и надо мной такая громадина нависла... Небо заслонила. А на ногах-колоннах не пальцы, не когти, не копыта — хотя что я говорю? откуда у динозавров копыта? — присоски! Будто колосс этот ничего не весит и запросто может к облакам унестись, потому присасывается.

И вот когда присоски в землю со свистом впились, я наконец-то бросился бежать. Бегу и думаю: куда же я мчусь, ведь этому небоскребу стоит два шага шагнуть, и уже меня перегонит. Голову поворачиваю на бегу, а этот детина умопомрачительный и не помышляет с места двигаться: шея у него — с маленькой головой на конце — как резиновая. Вытягивается, вытягивается, догоняет меня, опережает, и вот уже голова гулко стукается о землю передо мной. «Все. Конец»,— мелькает у меня. Вдруг вижу: не голова это больше, а... ладонь размером с меня. И на ней — татуировка! Эти самые слова и вытатуированы: «Все. Конец».

Я очнулся... Я очнулся... Я очнулся... Я очнулся...»

Фонна Командира всегда заедает в этом месте: какой-то дефект в развертке. Я заставляю «чтеца» смолкнуть. Что это? Самое странное сновидение? А может, столь же странное, как и остальные? Не могу сказать обо всех записях, но в некоторых прослеживается определенное сходство. Нечто вторгается в психику человека и как бы модулирует ее: «пробует» на привычных сознанию объектах инородные и чуждые им черты, наделяет их несвойственными характеристиками. И получаются: жена и дочь Психолога с неуловимо искаженными чертами, левитирующий Навигатор, лошадь с человеческими ушами, многокопытный питон, татуированный динозавр. А зачем все то — одному богу, то бишь вакууму, известно. Или не вакууму? Но ч е м у тогда?

Как, однако, велик и многообразен мир! И как мал и беспомощен разум всякий раз, когда он сталкивается с новой загадкой природы. Сколь коварно подводят его чувства! В истории немало

тому примеров: познание часто отступает перед Неведомым, ломающнм прнвычный круг представлеинй. Но отступает всегда с определенной целью: либо избрать иовое направленне, либо взять разбег для прыжка через препятствие. Первое предполагает разработку качественно новых концепцнй, второе — выжндаине н накопленне колнчества ннформацнн. Но что иам предстоит в этот раз? Имеем ли мы право отказываться от неопровергнутой теорни? И тем более — нмеем ли мы право ж д а т ь?

Порой мне кажется, что фонна Борттехннка — его «сновидение» — ближе всего подбнрается к ответу на зти вопросы, к принципу выбора пути. «Ближе» — ио лншь подбирается...

«...Оболочка матки вспучилась. Потом перемычка между ней и вновь рождеиным ботом стала совсем тонкой и оборвалась: бот отпочковался. Так рождается капля в кране. Мыльный пузырь от соломинкн отделяется тоже — так. Затем в натяжеиной обшивке бота прорезались отверстня: дюзы. Включнлся двигатель, и мы, держась, как путеводной нитн, оптимальной траектории входа, стали спускаться на плаиету.

Все было рассчитаио давио н перерассчнтано много раз: орбита матки, момент отрыва, кривизна глиссады, точка посадки. Последняя предполагалась в центре обширной прогалины в иескольких градусах к югу от экватора. На стереоглобусе зта прогалииа казалась огромиой лншайной плешью в буйиой шевелюре плаиеты, которая от полюса до полюса была покрыта лесными зарослямн. Морей мы не обнаружилн; россыпи озер в умереиных широтах — вот н вся вода. Пока спускались, зколог не переставал недоумевать, откуда здесь может взяться влага для столь пышной растительности. Всего лншь одна нз множества загадок, которые нам предстояло решить...

Прнземлнлись. Вериее, «прнплаиетились», нбо от Земли нас уиесло бог весть как далеко, а нмеин плаиете мы еще ие дали. Затем пошла восьмичасовая рутнна: хнмическнй аиалнз, бактериологический анализ, раднацнонный, злектростатическнй, почвеииый, биотокснческий, споруляционный, одориметрический, психомутагенный. Аиализы, аналнзы, аналнзы... Все! Кончнлось. Сумматор выдает предпнсанне: опасностей для жизин нет, мера защиты миинимальная. Надеваем респираторные маски, ибо пыльца какнх-то растеннй, носящаяся в воздухе, может оказать аллергическое действие, а ароматы местных цветов ие из приятных. Можно выходить...

Сразу н не вспомнншь, как ОНИ перед нами появились. То лн выступили нз-за кустов, то ли поднялись на ноги, потому что до зтого лежали ничком, то ли просто «возинкли». Впечатленне было, словно оии выросли из-под земли. Несколько мужчин, удивительно похожнх на нас, чужаков в их мире, только малорослых — будто

уменьшенные копии землян. Зато лица — необычайно правильные и благородные, пропорции тела — античные, позы — спокойные: без тени превосходства, но и нисколько не настороженные.

Одежда их состояла из ниспадающих складками свободных плащей с короткими рукавами и легких сандалий, на головах — тонкие, похоже, медные обручи, перевитые надо лбом зелеными листьями. Ни дать ни взять древние эллины в туниках, собравшиеся на праздник Пана. Разве что без свирелей.

Мы настроили переносный «лингавокс» на прием, однако потребность в переводе сразу же отпала. Планетяне заговорили на нашем родном языке. Чистейшем, надо сказать, языке, хотя и немало архаичном.

— Целы ли власы пришельцев? — произнес кто-то из них. Мы озадаченно переглянулись, не зная, что ответить.

— Зрим, что целы. Рады за ваших потомков! — продолжал тот же голос. Мы еще раз переглянулись, и наконец-то пилот наш вспомнил стандартную формулу приветствия.

— Мир и счастье обитателям этого мира! Не с бедой или злым умыслом явились мы сюда, но во имя познания. Незваные гости, хотя мечтаем быть друзьями. До той поры мы ваши добровольные пленники.

Теперь настала очередь изумляться аборигенам. В заметном смущении они перебросились несколькими словами на своем языке. «Лингавокс», впрочем, их не перевел.

— Корни стремятся к свету, путь озаряет влага,— вступил в переговоры второй планетянин.— Многоразличны голоса жизни, но привкус горечи для птиц не помеха: они парят вдали от водопадов.

Странное тревожное чувство родилось у меня в груди, от растерянности я никак не мог собраться с мыслями, тем не менее попробовал внести в беседу долю здравости:

— Темны слова ваши, незнакомцы, однако взаимопонимание рождается не сразу. Мы стараемся постичь ваши мысли, но для этого требуется усилие. Согласованные стремления к ясности уничтожат преграду между рассудками.

На лицах чужаков проступила краска. Только что это — гнев или недоумение,— пока трудно было определить. Короткое молчание, и третий из них подал голос:

— Причины и следствия оплодотворяют время. От следствия к причине — порыв ветерка, от причины к следствию — струйный поток. Осквернить трапезу лицезрением — содеять доброе для чистоты породы. Мирволить избывшим — перекладывать бремя растений на подобие неживого. Тускнеть злобой к огню — почить в безутешной подвижности. Все — узелки на вервии, ползущем от недра недр к границе границ. Барьеры оно огибает, но утолщениями

цепляется за друзы льда, мысли чуждого, и споспешествует инакобытию.

Так. Диалог между цивилизациями превратился в абсолютный, неслыханный, несусветный бред. Хорошенькое дело! И зачем мы вообще сюда свалились? Впрочем, второй пилот делает еще одну попытку.

— Очевидное для вас — нам таковым не представляется. Видимо, это правило имеет обратную силу. Безусловное в нашем понимании — спорное по вашим меркам. Неужели, однако, подобие двух миров и схожесть обликов, а следовательно, уместно предположить, и биологического строения не помогут нам найти общий язык?

Мы понимали, что говорим совсем не так, как привыкли изъясняться, что можно было бы облечь наши потуги на контакт в более простую словесную форму. Наверное, подействовала несуразность и бестолковость происходящего. Мы стали косноязычными, порядок в мыслях нарушился. Однако какая-то «стыковка» в смысловом строе после «речи» второго пилота все же наметилась.

— Можно найти общую ногу,— быстро-быстро заговорил первый планетянин,— можно отыскать общий глаз, можно на каждом взмахе качелей жизни стремиться к общему зубу, клюву, перу, крылу, наконец, к общей чешуе. Почему?.. Найти общий язык — все равно что петь песни под дождем или рисовать тем, что горело. Мы говорим красные и зеленые тона, и в этом истина опыта. Там слышны терпкие касания, в этом качество творчества. Мы осязаем легенды, и в этом терпение роста. Наши глаза зорки к теплу, в этом заметность прошлого. Но окоем гневен, и травы шествуют к умению, и витийство пророчествует сообразность; нам пора уходить. Да не уколет вас мерцание звезд!

Планетяне исчезли так же молниеносно, как и появились. А вокруг меня, ошеломленного, уничтоженного, сбитого с толку, все стало постепенно гаснуть. Затмились один за другим все мои странные и незнакомые прежде товарищи по экспедиции, исчез бот, растаял далекий лес, растворилась в темноте пустая прогалина, и наступил полнейший мрак, в котором вдруг неожиданно вспыхнули кают-компания Корабля и отделенный от нее лишь псевдопереборкой центр управления. Я вернулся в свое время, свое место, к своим друзьям. У всех шестерых был пугающий подавленный вид. Но, судя по выражениям лиц, по реакции — от истерического страха до эйфорической радости,— они были подавлены не тем, с чем пришлось столкнуться мне. Чем-то иным...»

Каждый день я до исступления ломаю голову над этой фонной. Все чудится: разгадка — вот она, только ускользает, не дается в руки. Порой приходит мысль: а что, если сам «феномен» — то,

в чем закружились сознания экипажа,— подбрасывает ключик к собственной тайне, подсказывает — через «видение» одной из жертв — слова «Сезам, откройся!», но произнесенные на каком-то очень странном языке? Я хочу сказать, не зашифрован ли в словах «планетян» некий секретный смысл, разгадав который мы смогли бы добраться и до сути минутного умопомешательства экипажа, и до сути самого вакуума, если, конечно, слово «суть» к нему применимо? То есть если все, что приключилось с Кораблем в далеком космосе, связывать именно с ним.

Каждый раз я отбрасываю эти мысли, полагаю их явным бредом, но они возвращаются ко мне с неизменным упорством. Параллельно же с ними зачастую всплывает другая идея, более здоровая и трезвая, даже скорее отрезвляющая. Не напоминает ли диалог команды бота с обитателями иного мира «беседу» человечества с природой?

Мы задаем ей вопросы, наделенные вполне понятным НАМ смыслом, она отвечает на них ПО-СВОЕМУ, пользуясь СВОЕЙ логикой, руководствуясь СВОИМ семантическим строем. Мы столбенеем и либо изменяем вопрос, либо изо всех сил тщимся понять ответ. Если последнее нам удается, мы делаем колоссальный шаг вперед и именуем его прогрессом в науке, если нет — сваливаем неудачу на опыт, обвиняя его в «нечистоте», или же на экспериментаторов, ловя их на непоследовательности и торопливости.

Во всяком случае, что бы ни стояло за «сном» Борттехника, я всегда слышу в нем по крайней мере одну — тихую и вкрадчивую — ноту: так ли уж сильна она, логика нашего познания? Логика Вашего познания, доносится до меня шепот Неведомого.

На моем столе остается последняя непроигранная фонна — Помощника Командира. Однако желание выслушать и ее тоже пропадает. Я устал. Конечно, я знаю ее чуть ли не наизусть, как знаю и остальные, обычно это не мешает мне каждый вечер загружать проигрыватель неизменной программой. Но сегодня... Пусть программа остается незаконченной. Вот если бы мой изначальный выбор пал на фонну Помощника, у меня, наверное, до сих пор звучали бы в ушах последние слова его: «Будь ты проклят, вакуум!» Равно как и его сетования на собственную ненужность в экспедиции: мол, традиционная мера безопасности, мол, никчемная фигура, мол, если бы да кабы, если с Командиром что-нибудь случится, тогда... И его леденящий рассказ о том, как перед возвращением на Землю он включил «контрольную» электрофонную запись, то есть фонну Корабля, и услышал, что на протяжении минуты — той самой, когда у всех были «сновидения»,— кают-компанию сотрясал оглушительный, запороговый вой, который во время эксперимента никому, естественно, слышен не был. И описание

его собственного «выродка»: он несся в черном узком тоннеле в каком-то потоке то ли воды-не-воды, то ли сжатого воздуха-не-воздуха и, повинуясь течению, убыстрял движение, замедлял его, останавливался, снова мчался, кружился в вихревых возмущениях в каких-то шарообразных коллекторах, встречавшихся на пути, и все это без проблеска света, и не было никаких ощущений: тепла или холода, голода или жажды, бодрости или усталости, сна, времени, нехватки воздуха — и не было желания вырваться из тоннеля, но не было и апатии — так он несся бесконечно долго или, напротив, совсем недолго, и только чувствовался запах, причем бил он не в ноздри, потому что и дыхания-то не было, а чувствовался в о о б щ е — далекий, забытый, младенческий запах: теплый аромат материнского молока.

Все это я мог бы услышать. Но не буду: устал. Я выключаю проигрыватель, сгребаю в кучу все фонны и перемешиваю их на столе: завтра снова буду гадать, какую выбрать и чей услышу голос.

Я поднимаюсь из кресла, потягиваюсь и подхожу к окну. Уже ночь. Сейчас я сниму со стекла напряжение прозрачности, комната будет освещена лишь мягким внутренним светом, но я еще не собираюсь ложиться. Знаю: быстро успокоиться не смогу. Начну ходить из угла в угол и думать, думать, думать...

Долгим взглядом окидываю звездный небосклон. Между тонкой пленкой атмосферы, надежно укрывающей и меня, и всех людей, и Землю, и манящими мерцающими точками — Вакуум. Не чистый, не абсолютный, но та самая загадочная, недоступная, а может быть, не загадочная, а лишенная каких бы то ни было качеств никому не нужная пустота, за которую семь человек отдали свои явно не пустые и очень нужные жизни. И где-то в глуби ее — самая пустая, пустота в пустоте: ни пылинки, ни атома, н-и-ч-е-г-о.

И вдруг... О господи!.. Нет, не может быть! Нет!!! Не верю глазам!.. В северной части небосвода, там, где только что н-и-ч-е-г-о не было, появилась сияющая точка. Она едва заметно расширяется, это не точка — ослепительное пятнышко, крохотный диск, превосходящий блеском и Вегу, и Капеллу, и Венеру.

А где-то в глубине подсознания предчувствие уже трансформируется в знание, рождается мысль, и я гоню ее от себя, и зову, зову, дрожа от ликования и ужаса одновременно. Какое сегодня число? — спрашиваю я себя.— Пятое августа. День эксперимента? Двадцать шестое марта, угодливо подсказывает память. Все сходится. Именно четыре месяца и двенадцать дней прошло со дня эксперимента. Эксперимента, который происходил в четырех СВЕТОВЫХ месяцах и двенадцати СВЕТОВЫХ днях от нас. Просто до нас дошел свет! Что это? Звезда? Да, только так: новая звезда.

Почему же мы не ждали этого дня? Почему у нас его и в мыслях не было? Не удосужились произвести простейший арифметический подсчет! Ах, логика, логика, не ждущая подсказки и потому самодовольная, кичливая наша логика. Билась лбом о «сновидения», распсиховавшиеся приборы покоя ей не давали, слепо тыкалась в наличное, доступное. А ведь наперед должны были знать: четыре месяца и двенадцать дней. Ни больше, ни меньше...

Как и когда родилось это новое светило? В момент эксперимента? После него? Пока мы не знаем этого и, наверное, выясним нескоро. Как, может быть, никогда не постигнем, почему далекий эксперимент умертвил экипаж. Но сколь же нужен нам этот свет! По крайней мере теперь-то мы точно уверимся: не зря погиб в безумии Навигатор, не зря разбился в «спурте» Физик — мозг отказал, когда он выезжал из дома, не зря встретили слепую смерть все семеро. Так было и так будет: через предательство ощущений, через вековечный спор, который Разум, проигрывая и выигрывая одновременно, ведет с коварными чувствами, через гибель пионеров, пусть странную и нелепую... необъяснимую... не могущую быть объясненной... человечество идет к познанию...

А звезда все-таки родилась. Есть Что-то в вакууме, и нужен, ох как нужен был роковой эксперимент. До звезд мы добрались, «непонятно как скакнули туда», говоря словами Физика, но добрались. А теперь поймем и маленькое словечко КАК. И еще много таких же словечек. Просто мы будем зажигать звезды...

АНДРЕЙ ПЕЧЕНЕЖСКИЙ

Подземка

Жизнь подземки шла по своим законам, была в ней своя, предначертанная электронным владыкой размеренность, которая никого особо не прельщала, но и не удивляла, а казалась привычной необходимостью, как и все остальное, что когда-то люди сами изобрели для себя, изобрели надежно, умно, с бесконечной перспективой совершенствования, уверенные в том, что продолжают вершить Освобождение, и эти законы, эта по минутам рассчитанная на долгие годы вперед, без ропота захватившая миллионы человеческих судеб поездка уже не была привилегией избранных, подземка, исключив право выбора, слила свою жизнь с жизнью людей, их давно уже нельзя было представить без ярко освещенных станций, бегущего гула поездов, без низких голубых вагонов с огромными окнами, из которых проглядывают ряды мягких удобных кресел, разделенных откидными столиками, поезда тянутся один за другим, каждую минуту выныривает из туннеля увешанная

фарами электрическая коробка, каждую минуту раздвигаются створки дверей, привет, говорят тебе завсегдатаи твоего вагона, привет, отвечаешь ты, приятной поездки, ну да, а как же, иначе теперь никто не ездит, а вообще теперь ездят все, ты опускаешься в свое кресло и нажимаешь кнопку на небольшом пульте, расположенном на подлокотнике, ровно через три с половиной часа сработает сигнал предупреждения, и ты не пропустишь нужную тебе остановку, так что об этом в вагонах никто не беспокоится, а пустующих кресел все меньше, и ты пожимаешь руки соседям, привет, доброе утро, приятной поездки, посмотрим, чем позабавит нас сегодня телевизор, и мы полулежим в креслах, так удобнее наблюдать за огромным экраном, на котором уже что-то происходит, какие-то ребята прыгают с борта пылающего корабля в воду, вода зеленоватая, пенистая, грохочут выстрелы, убитые валятся как попало, а те, кто еще что-то соображает, стараются врезаться в воду ногами, наверное, это очень больно, упасть с высоты на воду животом или боком, но ты об этом можешь только догадываться, ты никогда не прыгал с кораблей, никогда не плавал на них, да и остальные, кто жует сейчас сандвичи рядом с тобой, неотрывно следя за экраном, вряд ли когда-нибудь участвовали в чем-то подобном, мы все родились и умрем в подземке, иного пути у нас нет, нас приводят в подземку длинные тоннели переходов, тянущиеся из нижних этажей наших домов, такие же переходы возвращают нас обратно в подземку из предприятий, на которых мы работаем, у каждого разные остановки, станции, места работы, но это ничего не значит, потому что изо дня в день мы встречаемся в этих вагонах, и эти вагоны нашу жизнь разделяют на три почти равные части: работа, сон, поездка, три с половиной часа езды в один конец, столько же на обратный путь, и еще остаются какие-то минуты на то, чтобы слегка размять ноги, пройтись по переходу до лифта, поужинать с женой и пожелать ей спокойной ночи, больше говорить с ней не о чем, и это все повторяется изо дня в день, выходные мало чем отличаются от рабочих дней, та же подземка, которая вместо цеховых подвалов доставляет тебя на сумасшедшие аттракционы, различные увеселительные шоу, где ты на эти несколько часов, так же, как и в цехе, забываешь обо всем, а после, будто очнувшись, снова торопишься к своему вагону, и тебе уже нет дела до того, что человек, вошедший в вагон на сорок минут позже тебя, на сорок минут позже и покинет его, тебя уже не удивляет, что в вагонах почему-то редко хочется спать, а может, просто слишком громко работает телевизор, и автоматы, выдающие завтраки, простаивают без действия, а разговоров тут практически никаких, журналы, журналы, изредка книги в руках, на откидных столиках, и стюард, через равные промежутки

времени появляющийся в вагоне, предлагает новинки печатной продукции, рекламные проспекты, а если поезд везет тебя с завода, если тебе предстоит короткая встреча с женой, стюард разложит перед тобой богатые, со вкусом состряпанные подборки, где множество женщин и мужчин вдохновенно играют в знакомую, но уже безрадостную для тебя игру, и тебе вдруг захочется, чтобы старания стюарда не оказались напрасными, все-таки человек тоже на службе и проводит в подземке не семь часов в сутки, как большинство из нас, а в два раза больше, потому что ему добираться из дому до исходной станции ничуть не ближе, чем тебе до твоего завода, а потом ты как-то взбодришься от перемены обстановки, оказавшись у станка, а стюарду все это время оставаться в вагонах, и поэтому тебе особенно хочется сделать для него что-нибудь приятное, ты с улыбкой выслушиваешь его неуклюжие анекдоты и, если это происходит на пути домой, заказываешь рюмочку коньяку, другую, третью, пока любовные проспекты, коньяк, солененькие историйки, заученные стюардом, не разберут тебя окончательно, так что опять не надо ни о чем думать, и только ждешь минуты, когда окажешься в своей квартире наедине с женой, а утром торопишься в подземку, опаздывать нельзя, иначе тебя переведут на другое место работы, еще более удаленное от твоего дома и твоей жены, и ты бодро вышагиваешь по платформе, стараясь остановиться так, чтобы подоспевший вагон раздвинул двери прямо перед тобой, привет, привет, отвечаешь ты, пожимая руки соседей, приятной поездки, ну да, а как же, иначе теперь никто и не ездит, а ездят теперь без исключения все, на экране проносятся постреливающие всадники, или загоняют какому-нибудь страшилищу в грудь деревянный кол, чтобы убить в нем вампира, или распомаженная красотка, явно затягивая эпизод, не спеша стаскивает с себя одежды, и по ее взгляду нетрудно догадаться, что после съемок ей, как и всем нам, идти по длинному переходу, протяженность которого рассчитана таким образом, чтобы пассажир оказался на краю платформы чуть раньше появления своего вагона, привет, привет, приятной поездки, ну да, а как же, иначе теперь никто и не ездит, и умолкают, ожидают стюарда, что-то смотрят, читают, может, даже о чем-то думают, но если и думают, то без напряжения, не волнуясь ни о чем, постоянно ощущая в себе готовность оборвать свою мысль без сожаления и стремления продолжить ее, это все равно, что шевелить пальцами ног только потому, что они у вас есть, изредка затевают разговор о местонахождении фабрик, все-таки далековато, три с половиной часа электричкой, далековато, это верно, но ничего не поделаешь, Закон есть Закон, а Закон запрещает работодателям заключать контракты с жителями своего района, только

равноудаленные, не менее трех часов езды электричкой, и тут уж наверняка ничего не поделаешь, ведь это Закон, и его нарушение карается слишком строго, чтобы кто-либо из нас мог на это решиться, да нам это и не нужно, да и пользы от этого никакой, потому что никто из нас не знал бы, куда девать себя, случись какая-то перемена, и место работы тоже выбрали за нас компьютеры, и мы верим в мудрость их решений, потому что нам больше не во что верить, ничего другого нам не дано, вагон несется во мрак, за окнами мелькают смутно высвеченные сигнальными лампами трубы, нескончаемые, намертво присосавшиеся к стенам удавы кабелей, а на экране уже сменились декорации, иные люди занимаются иными делами, но это все равно слишком громко, чтобы вздремнуть как следует, и кто-то с дальнего ряда кресел требует убрать этот проклятый телевизор, да стоит ли обращать внимание, час от часу вспыхивают подобные требования, но они ничего не значат, поэтому пассажиры находят в них лишь какое-то новое развлечение, а крикнувший схватывается с места, подбегает к экрану и колотит по бледно светящейся картинке рукой, эй, дружище, пытаются образумить его, побереги кулаки, а то из-за этой штуки можно заиметь кучу неприятностей, а он словно взбесился, рычит, выпучив глаза, и уже никто не сомневается, этот парень точно свихнулся, жаль, неплохой был парень, а он бросает что-то тяжелое, и экран лопается и гаснет, парня за плечи втискивают в кресло и так придерживают до тех пор, пока вагон не замер на очередной станции, люди в форменных костюмах подбегают к вагону, они молчаливы и даром не суетятся, поезд еще только набирает скорость, а трое из вбежавших уже демонтируют лопнувший кинескоп, извлекают из упаковки новый, двое возятся с нарушителем, проверка документов, опрос свидетелей, протокол, чувствуется, что эти ребята знают свое дело, и на следующей остановке они исчезают, прихватив с собой преступника и испорченный кинескоп, телевизор опять заработал, показался в проходе стюард, отметил в бланке номер освободившегося кресла, и денька через два-три вместо парня сюда будет садиться какой-то незнакомец, незнакомцем он пробудет очень недолго, а потому тот парень забудется, как забылись все остальные, чью участь он разделил, хотя каждый из нас, должно быть, подумал про себя: «Черт возьми, а смог бы я вот так, с размаху, конечно, ведь в этом нет ничего сложного, встать и хлопнуть чем-нибудь увесистым по экрану», и каждый старается смять в себе эту мысль, и это легко удается, стоит лишь повнимательней всмотреться в экран, как здорово работает кинескоп, да и передачка сегодня забавненькая, о, мне пора выходить, до встречи, господа, желаю хорошо потрудиться, пока, ребята, и мы по одному начинаем отлипать от наших кресел, и жизнь

подземки продолжается, продолжается наша жизнь, кому сколько отпущено, и ты будто в тумане доживаешь до того дня, когда твой поезд внезапно затормозит прямо в сумеречном туннеле, не докатив двух миль до станции, и пассажиры, быть может, впервые за долгие годы почувствуют какое-то еще непроясненное беспокойство, оно заставит их взглянуть друг другу в глаза и увидеть в глазах ближнего своего страх, а двери, которые открываются лишь на станциях, в строго обозначенных местах, вдруг соскользнут в пазах, и вагон наполнится холодным подземным ветром, и все разом заговорят об аварии, ну что ж, такое случается, незначительная, казалось бы, заминка в системе управления, и вот какой-то состав врезался в хвост предыдущего, досадное событие, но всем будут выданы талоны, в которых указывается причина и время задержки, и заводская администрация это учтет, и никто из нас не будет наказан, но тебя всего буквально пронизывает этот колкий подземный ветер, он раздувает в тебе крик ужаса, хотя ты и сам не понимаешь, откуда это в тебе, на чем возрос твой страх и окреп до такой всепоглощающей силы, и в эти минуты главное укрыться от черного подземного потока, захлестнувшего вагон, ты корчишься в кресле, но возможности укрыться от этого ядовитого ветра нет, и тогда ты свое затменне бросаешь в дверь, растворив его в затмении туннеля, не слушая криков, ты бежишь в узком пространстве между вагонами и угрожающе гудящей стеной, ноги выворачиваются на ступеньках шпал, но твой страх хранит тебя от увечий, и ты бежишь, задыхаясь от необычного состояния, в которое добровольно отдал свое засидевшееся в креслах тело, и ветер клокочет, закручивается вокруг тебя, и не понять, отталкивает ли назад, или, наоборот, помогает, прижимаясь к спине, а поезда выстроились в одну, с короткими обрывами, линию, объемную, светящуюся изнутри квадратами окон, заполнили неподвижной металлической начинкой трубу туннеля, сами начиненные человеческими телами и страхом, и ты рвешься куда-то в сторону от них, неосознанно обрекая себя на испепеляющий огонь высоковольтных передач, зажатый в трубках изоляторов, но стена неожиданно пропускает тебя, теперь ты продвигаешься сквозь беспросветную ночь подземелья, но от этого не замедляешь бега, а только прибавляешь в скорости, чтобы все, что суждено тебе на краю этого безумия, решилось в одно короткое мгновение, глубже и глубже увлекает тебя загадочное, непреодолимое притяжение земли, но тут, споткнувшись, ты обрываешь свой бег, замираешь, тянешься руками в пустоту, и уже неуверенным шагом, раскачивающим тебя из стороны в сторону, достигаешь скользкой на ощупь перегородки, это тупик, проклятье, это черная ловушка, выложенная мраморными плитами, пальцы гладят полированную

поверхность камня, чувствуют едва намеченные границы стыков, дальше, дальше, приказываешь ты себе, слышится твой победный вскрик, и эта стена пропускает тебя, в ноги больно врезаются острые грани ступенек, они уводят тебя вверх, а ты уже затерялся в хитросплетениях времени, ты не знаешь, сколько часов, дней, лет ползешь по этим ступенькам, израненный, с болезненно обнажившимся чувством где-то затаившегося от тебя спасения, и когда ступеньки сменяются плоской мраморной площадкой, твой страх, оттесненный физическим напряжением, снова обрушивается на тебя, потому что глаза твои увидели синюю бездонную высь, усеянную множеством крошечных мерцающих огоньков, твое лицо ощутило теплое прикосновение незнакомого ветра, он поднимался откуда-то из далека прозрачного необозримого пространства, пред тобой открылась равнина, источавшая дурманящую, усилившую твой страх смесь запахов, запахи тоже казались теплыми и ласковыми, неясные силуэты каких-то построек вздымались над ровно очерченной линией горизонта, и ты стал оглядываться, сознавая себя незащищенным от этой безграничности, а вокруг ничего не менялось, воздух действовал на тебя, как коньяк, тебе хотелось кричать и плакать, упасть на виду у этого огромного мира, и уже не вставать, не видеть его синего, нежного, страшного лица, и тогда ты снова бросился бежать, ты бежал к силуэтам построек, спрашивая себя, что означают эти здания, тот ли город, в котором ты родился и прожил все эти годы, но ты на бегу растерял все свои прежние знания и ясность понятий, ты не мог поместить в себе поднебесную страну, и она, врываясь в тебя, раздавила твое сердце, и все, что ты видел, слышал, чувствовал, стало твоим смертельным врагом, помогите, кричал ты, а кто тебя слышал в этом сказочном безлюдье, ты скоро потерял ту дыру, из которой выполз на поверхность планеты, и теперь единственным ориентиром были высотные, такие далекие от тебя строения, бежать, бежать, подгонял ты себя, а звук ударялся и отскакивал, но вот он затронул самую тонкую струну, и ты остановился и прислушался, это был звук человеческого голоса, и в этот миг ты ослеп и оглох, тебя подхватили чьи-то руки, и ты очнулся вблизи желтого колеблющегося пламени, костер напомнил тот самый охваченный пожаром корабль, с которого сыпались в воду подстреленные бандиты, но люди, обступившие тебя, были спокойны, никто из них не собирался ни стрелять, ни падать куда-то, они разглядывали тебя с деловым сочувствием, кто-то сгибал твою ногу, другой протягивал тебе стакан, привет, сказали тебе, привет, слабо отозвался ты, ну ничего, главное, что ты отдышался, здорово пробежал, мы никак не могли за тобой угнаться, кто это вы, да вот, мы это мы и есть, посмотри, мы все тут, перед тобой, что вам от меня нужно, вскрикнешь ты, и тебе

вдруг сделается жарко от их костра, невыносимо жарко, и ты начнешь бормотать, знаю про вас, знаю, вас, бездельников, нарушителей закона вылавливают по всей земле и расстреливают на месте, но они только смехом зайдутся, кто вылавливает, спросят у тебя, полиция, с ненавистью и отчаяньем бросишь ты в них, и вас переловят и перестреляют, всех до последнего, да уймись ты, станут урезонивать они, никакой полиции тут нет, выполз на волю и живи себе, оставайся, если захочешь, с нами, тут такой пустырь, хватит на всех, но ты не поверишь хозяевам костра, полиция, выдохнешь ты в полный голос, полиция, Закон, полиция, они уже не будут смеяться, а с жалостью склонят над тобой головы, слушай, что тебе говорят, дурак, ничего ты не знаешь, полиция вся тоже катается в подземке, чересчур хорошо было бы служить в полиции, чтобы дышать свежим воздухом, но ты, превозмогая боль в суставах, вскочишь на ноги, оттолкнешь кого-то, потянувшегося к тебе, никто не погонится за тобой, и ты уже не услышишь слов, брошенных тебе вслед, и уже без страха и отчаяния, уверенный в спасении, ты увидишь, как вырастают, надвигаясь на тебя, серые глыбы зданий, у которых нет ни одного окна, зато из нижних этажей каждой такой глыбы тянутся долгие переходы, тянутся, как тоненькие сосуды, питающие быстро иссыхающей человеческой кровью вены и артерии подземки, и ты, как молитву черному своему богу, не устанешь повторять, всего десять минут, десять туда и десять обратно, за это опоздание мне набавят всего десять минут, всего десять...

ДЖОН БРАННЕР

Отчет № 2 Всегалактического Объединения Потребителей: двухламповый автоматический исполнитель желаний

Не спешите покупать, не швыряйтесь галактами! Прежде чем приобрести вещь, которая вам понравилась, загляните в этот путеводитель по миру товаров, иначе покупка может обойтись вам дорого!

Перепечатано из «Удачной покупки», журнала, издаваемого ОБЪЕДПОТРЕБом ГАЛФЕДа (2329 Земной Стандартный Год, июльский номер)

Двухламповый автоматический исполнитель желаний

(Примечание: это один из наших отчетов о товарах, еще мало известных потребителям и пока не пользующихся широким спросом, однако достаточно перспективных, поскольку их разработка и производство обеспечены значительными вложениями капитала — ср. наши недавние проверки недорогих машин времени.)

Вводная часть

Мы получили много писем, авторы которых нас спрашивают, что мы думаем о двухламповых автоматических исполнителях желаний. Типично, например, такое письмо: «Я работаю слишком много, а получаю слишком мало. Иногда начинает казаться, что у меня осталось только два выхода — третий, самоубийство, по существу, исключается, меня все равно вернут к жизни, потому что я, за отсутствием средств, не делал взносов по страхованию

самоубийства. Мне придется либо обзавестись двойником, чтобы заполучить себе вторую работу (а я даже вообразить не могу, откуда мне взять средстаа, необходимые для обзаведения двойником), либо увязнуть в долгах еще глубже, заняв под десять процентов, и купить себе исполнитель жаланий. Они совсем не дешевые, тысяч двадцать пять или что-нибудь вроде этого, но с другой стороны, прельщает мысль, что мы с женой сможем сами изготовлять для себя все, что нам нужно. Жена говорит — давай приобретем, тогда будем жить, как наши предки, на полном самообеспечении (у нас здесь, на планете Новые Рубежи, сильны традиции первооткрывателей), но я сказал — нет, может, тут что-нибудь не то, дааай подождем, пока «Удачная покупка» не расскажет, что же такое эти исполнители желаний».

Но, к сожалению, не все смотрят на вещи так здраво. Множество сообщений, переданных средствами массовой информации за последнее десятилетие, повествуют о трагической судьбе тех, кто опрометчиво доверился фантастическим вымыслам рекламодателей.

Эбинизер Дж. Молодбженни с планеты Артемидера, несостоятельный должник, похвастался как-то перед друзьями, что нашел выход из затруднений. Он заложил пожизненный заработок своих внуков и купил на полученную сумму исполнитель желаний. Возместить расходы он рассчитывал, изготовляя и продаааая уран-235, спрос на который растет все время. Кое-чего он, однако, не учел, и когда количество вышеназванного изотопа в камере для готовой продукции преаысило десять килограммов, пострадало три тысячи человек, причем большинство вернуть к жизни так и не удалось.

Или взять, например, вдову Гонорию Квокк с Истерии. Доведенная до отчаяния невозможностью прокормить одиннадцать детей, оиа продала шесть саоих отпрысков агентству запрещенных услуг, а полученное отдала а уплату за исполнитель желаний, будучи уверена, что сможет выкупить детей, когда машина поправит ее дела. Модель, на которую у нее хватило денег, была иедостаточно хорошо защищена от сигналов из подсознания потребителя, а поскольку вдову, естественно, более всего тревожила судьба ее детей и она о них все аремя думала, исполнитель желаний начал производить их копии. Чем больше, глядя на это, выходила из себя вдова, тем больше этих копий аыдавала машина. И поскольку даже лучшая из машин не в состоянии создать полноценного челоаека, правительство Истерии обременено теперь необходимостью содержать около девяноста пяти слабоумных, а Гонория Квокк госпитализирована до конца своих дней.

Поэтому, если вы подумываете о приобретении исполнителя желаний, помните о следующих трех обстоятельстаах: 1) реклама

преувеличивает; 2) пользуясь исполнителем желаний, необходимо соблюдать крайнюю осторожность; 3) и самое важное: машина — это всего лишь машина, а не волшебная палочка!

Историческая справка

Когда, лет сто назад, усилиями Фредди Громзйд Макчёртли «трансмутация без радиации» превратилась из лозунга, обеспечивающего голоса на выборах, в практическую реальность, все технически передовые миры стали мечтать о том, как бы, минуя обычные производственные процессы, научиться создавать любые необходимые предметы прямо из неорганизованной материи.

Первый шаг в этом направлении был совершен совсем случайно, в 2276 году на Кокагимнии, где Абдул Фиглер, отказавшись от попыток описать инструменты, на которых ему хотелось исполнить свою знаменитую «Сюиту катастрофы», распорядился, чтобы его присоединили к компьютеру, управляющему фабрикой деревянных духовых инструментов. Дальнейшие усовершенствования привели к появлению одного из двух существенно важных элементов любого современного промышленного предприятия, а именно визуализаторной лампы, извлекающей из сознания лица, которому вверено производство, желаемые характеристики продукции.

Необходимость второго регулирующего элемента стала ясной, когда Абдул Фиглер обнаружил, что на инструментах, которые он изобрел, музыканты играть не могут. Для своих «Вариаций на тему столкновения двух планет» он попытался превзойти свое первое достижение и создать теперь лучшего, чем человек, музыканта. У формы жизни, появившейся в результате, оказались огромный мозг, немыслимо острый слух и двадцать восемь пар рук, а ртов хватало для того, чтобы играть на одиннадцати духовых инструментах разом.

Увидев свое создание, Абдул Фиглер издал крик радости примерно на одну шестую тона ниже ноты соль-бемоль in altissimo, и создание, крайне чувствительное к малейшим отклонениям от точной высоты тона, стало манипулировать своим создателем, и манипулировало до тех пор, пока он не начал кричать точно на ноте соль-бемоль in altissimo. Утрата Абдул Фиглера явилась тяжелым ударом для галактической музыки, но безвременная кончина его сделала в то же время очевидной необходимость лампы-модератора, которая бы давала оценку желательности и допустимости изготовляемого предмета.

Как нередко случается, склонность человечества к размаху во всех начинаниях проявилась в габаритах первых моделей. Первый образец занял почти гектар площади.

Однако хотя размеры машины требовали для нее пока масштабов промышленного предприятия, частичный успех лучше, чем отсутствие всякого, и вскоре фабрики, работающие на новом принципе, можно было увидеть на любой технически развитой планете.

Конечная же цель, производство общедоступных машин для использования в домашних условиях (включил — и начинай думать о нужной тебе продукции, только и всего), казалась бесконечно далекой до тех пор, пока этот гордиев узел не был разрублен гением Гордия Палкинга, рабочего фабрики на Вотане.

В один прекрасный день, во время пятиминутки расслабления мыслей, рассчитанной на то, чтобы дать возможность переключиться с одного вида продукции на другой (в данном случае — с семейных космолодок на санитарную технику), Гордий Палкинг щелкнул пальцами и начал сосредоточиваться на идее автоматического двухлампового исполнителя желаний размером не больше обычного робоповара.

Нет смысла отрицать, что психическая устойчивость Гордия Палкинга, как и очень многих других гениев, оставляла желать лучшего. Однако бесспорно также, что если бы его не озарило, исполнителями желаний для домашнего пользования мы бы не располагали до сих пор. Хотя позднее в конструкцию вносились разные улучшения, все машины, с какими мы ознакомились, не более чем усовершенствованные варианты его первоначальной модели.

Кстати сказать, главным усовершенствованием является устранение из машины некоего контура, введенного в нее Гордием Палкингом потому, что его приятельница как раз перед этим вышла замуж за директора фабрики, на которой он работал. Ныне считается противозаконным описывать в печатных изданиях то, зачем вышеназванный контур предназначался, но, вчитавшись внимательно в искаженный рассказ об этом в книге «Личная жизнь Гордия Палкинга» Гарольда Стукермейкера, любой мужчина средней агрессивности сообразит, в чем тут дело.

Модели, подвергнутые проверке

Мы обнаружили семь моделей, в строгом смысле слова «двухламповых» (то есть имеющих одновременно и визуализатор и модератор) и «автоматических» (то есть не требующих предварительного введения в них готовых частей продукции). Каждая из

этих моделей стоит немного больше или меньше двадцати пяти тысяч галактов.

В продаже есть и более дешевые модели, без лампы-модератора. *Машины этих моделей не следует покупать ни при каких обстоятельствах!* То, что планета Эблис отделена сейчас стеной строжайшего карантина от всей остальной Галактики и стонет под игом самой свирепой диктатуры, какая только известна истории, прямо объясняется тем, что некая миссис Фобия Ленч купила себе как раз такую машину. Ее пятилетний сын Элджин, придя в ярость из-за того, что ему отказали в мороженом с газированной водой, включил машину и пожелал, чтобы она начала делать роботов-солдат двухметрового роста, вооруженных ядерным оружием, а потом, захватив при их содействии власть на всей планете, поставил на ней сифон для газированной воды в километр высотой.

Вот модели, с которыми мы ознакомились, и девизы, под которыми идет реклама каждой:

«Рог изобилия»: «Богатство в рог трубит у вашего порога».

«Мидас»: «Подставь для золота ведро, потом не делай ничего».

«Крез»: «Все, что за деньги не купить».

«Неистощимый»: «Захотели — получили».

«Мультимиллиардер»: «О таком ты не мечтал».

«Волшебник»: «Волшебных палочек не нужно».

«Домашний джинн»: «Нет бога, кроме аллаха; всю прибыль, однако, получаете только вы».

«Мидас» и «Крез», если не считать табличек с названиями на передней стороне ящика, оказались совершенно одинаковыми. При этом первый на двести галактов дороже второго. Изготовители, когда к ним обратились за разъяснением, сказать что-либо по этому поводу отказались.

Внешнее оформление

Внешнее оформление вышеперечисленных моделей наша комиссия оценила как удовлетворительное, со следующими оговорками.

«Рог изобилия» оказался вдвое больше самой крупной из остальных моделей, и его изготовители рекомендуют, чтобы первым заданием, которое покупатель даст машине после ее приобретения, было пристроить к дому лишнюю комнату для того, чтобы было куда машину поставить.

Камера для готовой продукции, входящая в комплект «Креза» и «Мидаса», ограничивает величину производимых предметов. Все,

превышающее размеры 3×3×3 метра, появляется из камеры сжатым в гармошку. В конце концов нам пришлось заказать дополнительно нестандартную крупногабаритную камеру и оплатить ее отдельно.

«Домашний джинн» снаружи весь расписан цитатами из Корана и снабжен часовым механизмом, автоматически выключающим машину на то время, когда владельцу надлежит молиться, обратившись лицом к Мекке. Наличие пяти периодов в день, по пятнадцать минут каждый, когда машина бездействует, немусульмане могут счесть недостатком.

«Мультимиллиардер» оказался меньше остальных шести моделей по всем параметрам, включая размеры визуализаторного шлема. Шлем налез на голову только одному члену нашей проверочной комиссии — восьмилетнему мальчику, включенному в ее состав за необычайно живое воображение. Чтобы машиной этой модели смогли пользоваться взрослые, нам пришлось заменить шлем таковым от «Волшебника», машины, в основном сходной по своей конструкции с «Мультимиллиардером». Место, на котором располагается лицо, использующее машину, комиссия единогласно оценила как «очень неудобное», и просидеть на нем столько времени, сколько требует производственный цикл, оказалось возможным только когда мы положили на него слой пенопласта.

«Неистощимый» создал для нас сразу несколько проблем. Мы с самого начала обратили внимание на тексты, рекламирующие эту машину. Вот пример: «Самый роскошный, немного стоящий желательный машин. Ты захотел, она делал неважно что, в разумный предел!»

Привлекательный серый ящик выполнен в стиле, с которым мы до этого знакомы не были. Когда до «Неистощимого» дотрагивались, он изгибался и начинал тереться о руку, выделяя одновременно клейкую жидкость с запахом, напоминающим запах бананового масла. Специальной камеры для готовой продукции не оказалось вообще, продукция поступала прямо на крышку ящика, и для того, чтобы до нее добраться, пришлось приставить к машине небольшую лестницу. Часть верньеров управления находится на одном конце ящика, часть — на другом, и это означает, что если использующий машину не может дотянуться одновременно до двух точек, удаленных одна от другой на 3,2 метра, и не расположил предусмотрительно на стенах помещения систему зеркал, которая позволяла бы видеть разом шкалы на том и на другом торце, ему придется беспрерывно носиться вдоль машины, хотя работа требует, чтобы он спокойно сидел. Но даже если бы у лица, использующего машину, и была возможность воспользоваться

сиденьем, в случае «Неистощимого» с его жесткой скамьей, наклоненной вперед под углом тридцать пять градусов, это было бы затруднительно. Кроме того, в комплект машины не входит визуализаторный шлем; потребитель вынужден подсоединять к голове двадцать один электрод с присосками, и прилагаемая к машине инструкция рекомендует предварительно выбрить голову.

Руководства, инструкции и т. п.

Руководство по эксплуатации приложено к машинам пяти из семи рассматриваемых моделей. Инструкция к «Рогу изобилия» обещает: «В течение по меньшей мере одного Земного Стандартного Года никакого ремонта или наладки машине не потребуется». (Но см. ниже, «Функционирование»). К более дешевому «Крезу» инструкция приложена, к «Мидасу», как ни странно, нет. Мы пользовались одной и той же для обеих. Инструкция к «Домашнему джинну» открывается словами: «Во имя аллаха милосердного да не случится никакой беды с тем, кто приобрел эту машину!» (опять см. ниже).

При «Мультимиллиардере» никакого руководства по эксплуатации не оказалось, если не считать таковым ярлык, прикрепленный к ручке включения, на котором напечатано следующее: «Любой изъян в машине можно легко устранить, дав ей задание самой произвести нужную деталь взамен дефектной». Очень хотелось бы повторить то, что сказал по этому поводу восьмилетний член нашей проверочной комиссии, но, распространяя наш журнал, нам приходится учитывать нежелание галактической почты пересылать литературу, содержащую непристойности.

К «Волшебнику» приложено руководство по эксплуатации на ста семидесяти четырех языках — идея сама по себе великолепная. К сожалению, текст на ста семидесяти трех из них (то есть за единственным исключением верхнеканальского марсианского) относится к модели, снятой с производства четыре года назад.

Инструкцию по эксплуатации «Неистощимого», по-видимому, произвел на самой этой машине какой-то неопытный оператор. Это красиво переплетенный томик страниц в сто, из которых текстом или рисунками заняты только первые шестнадцать.

Гарантии

Гарантия для «Рога изобилия» приемлема, если устранить пункт, гласящий: «Производители не несут ответственности за: а) продукты больного воображения; б) последствия работы мало-

летних, в) смерть, потерю трудоспособности или увечья, причиненные потребителю собственной его продукцией».

Ни одна из гарантий к остальным моделям не стоит пленки, на которой напечатана. «Домашний джинн» заявляет среди прочего: «Уклонение от ежедневного пятикратного чтения молитвы лишает гарантию силы». «Мультимиллиардер» предупреждает: «Мы сохраняем за собой право отменить по собственному усмотрению эту или любую другую гарантию». У гарантии к «Неистощимому» есть, по крайней мере, то достоинство, что она говорит обо всем честно; в ней просто сказано: «Мы отклоняй претензий любой форма, любой размер, любой цвет».

Управление и энергоснабжение

Как указывалось выше, все исполнители желаний, предлагаемые покупателям, сходны в своих основных характеристиках с первоначальной моделью Палкинга. Лицо, использующее машину, садится на сиденье (в случае «Неистощимого» — ерзает на наклонённой скамье, пытаясь любой ценой на ней удержаться), надевает себе на голову подключенный к визуализатору шлем (в случае «Неистощимого» — выбривает голову и присоединяет к ней двадцать один электрод), предлагает машине, манипулируя верньерами управления, приблизительную величину потребной для изделия массы, включает энергоснабжение и сосредоточивает мысли на внешнем виде и функционировании чего-то желаемого, но пока еще не изобретенного. Продукт в конце концов или появляется в камере готовой продукции, или (увы, бывает и такое) не появляется.

«Мидас», «Крез» и «Волшебник» снабжены также одной полезной деталью, которой у остальных моделей нет, а именно звонком модератора, сигнализирующим в случае, если производство заказанного изделия воспрещено. Когда имеешь дело с исполнителями желаний, работающими медленнее других, особенно с «Мультимиллиардером», бывает, ты просидишь возле него час, а то и дольше, прежде чем поймешь, что из машины ничего не появится.

На планетах, где есть плазмопроводная сеть, любое частное жилище, к ней подключенное, может обеспечить необходимой для работы энергией «Рог изобилия», «Мидас» (он же «Крез») и «Волшебник»; если же такой сети на планете нет, для того, чтобы эти машины работали, необходим портативный термоядерный реактор. «Домашний джинн» и «Мультимиллиардер» могут работать также на солнечной или взятой из других источников энергии, но удовле-

творительно исполнитель желаний работает только на плазме. Члену нашей комиссии, проверявшему, как «Мультимиллиардер» работает на солнечной энергии, потребовалось шесть с половиной часов полной сосредоточенности только для того, чтобы машина приготовила обед на две персоны; изрядно проголодавшийся испытатель съел его, не замечая вкуса.

«Неистощимый» стоит в смысле энергоснабжения особняком — его, чтобы он работал, нужно зарядить двенадцатью килограммами технеция (по-видимому, именно это имеют в виду рекламодатели, когда заявляют: «Самодостаточный источник энергии — внешний энергии не надо!!!»). Стоимость этой первоначальной порции — около семнадцати тысяч галактов; однако нужный уровень энергоснабжения может обеспечиваться и специальной вспомогательной цепью, использующей тепловую энергию воздуха в комнате (для этого нужно, правда, чтобы машина была регулярно и подолгу в простое).

Качество продукции

Теоретически исполнитель желаний может изготовить все что угодно, за исключением того, что запретит лампа-модератор. На практике же последняя в своей работе не обнаруживает большой последовательности, и, так или иначе, то, что вы получаете из машины, в немалой степени зависит от того, насколько хорошо вы умеете сосредоточиваться (также и от того, насколько хорошо визуализаторная лампа отделяет осознаваемые образы от бессознательных).

Предвидеть все желания, за исполнением которых могут обратиться к машине потребители, нашей комиссии оказалось, разумеется, невозможно. Поэтому мы ограничились тремя группами испытаний.

Во-первых, необходимо было проверить, как машина удовлетворяет повседневные нужды ее владельца. Мы дали нашей комиссии задание произвести на всех семи моделях поочередно: а) обед на две персоны по вкусу испытателя; б) одежду для себя, начиная со шляпы и кончая обувью; в) предмет домашнего обихода, предпочтительно мебель.

Все семь моделей это испытание выдержали со следующими оговорками.

Еда, получившаяся при начальных проверках «Рога изобилия», оказалась для ножей, вилок и зубов слишком твердой, а предмет мебели (стол) оказался сделанным из кованой стали. Чтобы извлечь его из камеры для готовой продукции, пришлось вызывать подъ-

емный кран. Расследование показало, что стрелка на шкале долговечности показывала «101 процент». При следующих проверках «Рога изобилия» съедобная пища получалась с первой попытки, однако мебель, пригодная к использованию, только с двадцать пятой.

Одежда, произведенная на «Мидасе», оказалась и водонепроницаемой и теплой, но вскоре после того, как мы отправили даму, испытывавшую «Мидас», прогуляться в сделанной по ее желанию одежде, нам сообщили, что она задержана на улице за появление в непристойном виде. При расследовании обнаружилось, что вся женская одежда, изготовленная этой машиной, становится через час после того, как ее наденут, совершенно прозрачной. Мы направили жалобу изготовителям «Мидаса» и получили ответ, в котором фирма приносила извинения и объясняла, что сборщик машин направлен в психиатрическую больницу на лечение по поводу синдрома подглядывания.

Все испытатели, евшие пищу, приготовленную «Домашним джинном», были госпитализированы с острым отравлением.

«Неистощимый» лишь с большим трудом мог произвести пищу без примеси брома или мышьяка, и не фиолетового, а какого-нибудь другого цвета (фиолетовые мясо и картофель некоторым на вид понравились, однако вкус у этих продуктов оказался плохой), или одежду менее чем в четыре сантиметра толщиной, без чешуи из стекловолокна и с рукавами короче метра восьмидесяти сантиметров.

Во-вторых, необходимо было выяснить, как выгоднее приобретать предметы долговременного пользования — при помощи исполнителя желаний или же более привычным образом. В качестве типичных предметов такого рода были выбраны приемник трехмерного телевидения и кондиционер.

Во всех случаях оказалось дешевле (иногда на сто процентов) приобретать такие предметы в обычных магазинах. Однако стоит отметить следующее.

«Рог изобилия», на котором работал испытатель, не имевший, по его словам, ни малейшего представления о том, как устроен приемник трехмерного телевидения, изготовил аппарат, превосходящий по своим показателям все известные нам приемники такого рода, причем конструкция его основана на совершенно новом принципе приема радиосигналов. Мы изучаем его сейчас и надеемся вскоре выпустить в продажу коммерческий его вариант, что может помочь нам хотя бы частично покрыть дефицит, намечающийся в следующем году в бюджете нашего журнала.

Телеприемники, изготовленные «Мультимиллиардером», ничего не принимают, а лишь воспроизводят образы, возникающие

в воображении работающего на машине лица. Одно такое лицо нам пришлось исключить из проверочной комиссии: телеприемник, который у него получился, все время показывал непристойную сцену из «Планеты Пейтон Плейс». А приемники, производимые «Домашним джинном», принимают только Новый Каир, Мекку и Медину.

Кондиционеры, если не считать произведенных «Неистощимым», работают, как правило, хорошо. Но стоит кондиционеру, изготовленному «Неистощимым», хотя бы несколько минут поработать в вашей комнате, как в ней уже не продохнешь от хлора; расследование показало, что в ящик каждого из этих кондиционеров вделан миниатюрный трансмутатор, превращающий кислород в хлор, бром, йод и инертные газы.

И наконец, необходимо было установить, насколько безопасны рассматриваемые модели. Общегалактического стандарта безопасности пока еще нет, но один из законов, действующих на Земле, устанавливает, что модератор должен предотвращать создание «каких бы то ни было неприятных, вредных или опасных для окружающих вещей, предметов или существ». Предполагается, что вмонтированные в модератор предохранители должны обеспечивать эффективное соблюдение этого запрета.

Ясно, однако, что на практике представления о том, что можно, а что нельзя, оказываются достаточно неопределенными и расплывчатыми. Даже на лучшей из рассматриваемых моделей, «Роге изобилия», все испытатели могли изготовить болезнетворные бактерии (см. на внутренней стороне обложки, «Некролог»). А наш восьмилетний член комиссии, работая на «Мультимиллиардере», сумел изготовить машину для порки (его родителей, уже полуживых, спасли только чудом), костюм из боевой брони по своим размерам, позволивший ему затем благополучно скрыться, и такое количество усыпляющего газа, что никто из находившихся в огромном здании ОБЪЕДПОТРЕБГАЛФЕДа не мог подняться на ноги, чтобы его преследовать.

Проверка «Неистощимого» не была доведена до конца. Мы решили прервать ее, когда обнаружилось, что хотя устройство, отсеивающее неосознаваемые образы от осознанных, оставляет желать лучшего у всех проверенных нами машин, у «Неистощимого» оно вообще отсеивает все осознанные образы и свободно пропускает неосознаваемые. Поскольку испытания прекращены, едва ли есть необходимость рассказывать о событиях, которые привели нас к такому выводу.

Однако независимо ни от чего мы считали своим долгом по отношению к членам Объединения Потребителей выяснить, подтверждается или опровергается фактами из ряда вон выходящее качество, сформулированное в самом названии модели — «Неисто-

щимый» (перемена адреса редакции, отмеченная на внутренней стороне обложки, в большой мере явилась следствием нашего упорства в разрешении именно этой проблемы).

Мы решили дать машине задание начать производство чего-нибудь потребляемого любой семьей в больших количествах и не прерывать работу машины до тех пор, пока она не остановится сама. Сперва выбор пал на бумажные носовые платки, но уязвимость этой модели к воздействию бессознательных ассоциаций побудила ее изготовлять платки уже использованными, и вмешалось управление общественного здравоохранения Большого Нью-Йорка.

Затем была высказана мысль, что предметом, наиболее потребляемым в любой семье, являются деньги. Попытаться изготовлять именно деньги, а не что-либо другое было особенно целесообразно еще и потому, что изготовление общегалактических денежных знаков при помощи исполнителя желаний приравнивается законом к подделке таковых, и если бы модератор машины допустил совершение с ее помощью противозаконного действия, нам пришлось бы поставить членов нашего Объединения в известность о том, что и покупка таковой является нарушением закона.

Как это ни прискорбно, но мы вынуждены сообщить потребителям, что «Неистощимый», когда его подвергли такой проверке, работал (и продолжает работать) великолепно. Наши подсчеты показывают, что двенадцатикилограммовый заряд технеция в испытываемой машине израсходуется только тогда, когда груда банкнот, похоронившая под собой наше прежнее административное здание, достигнет высоты около трехсот двадцати метров (если только не поднимется сильный ветер); таким образом, машина не является «неистощимой» в строгом смысле слова, однако утешительного в этом мало. (Кстати: просим любого, кто увидит унесенные ветром банкноты, передать их до первого числа следующего месяца в контору нашего адвоката.)

Не рекомендуем!!!

От работников прокуратуры нашего сверхокруга нам стало известно: предпринято расследование, имеющее целью установить, откуда на рынок поступают «Неистощимые». Как уже выяснилось, они поступают к нам из межгалактического пространства, с мобильного космического завода примерно в тысяче парсеков от нашей Галактики по направлению к туманности Андромеды. Меры, принимаемые властями, основаны на предположении, что в случае этой машины мы имеем дело с диверсионной акцией со стороны

господствующей цивилизации туманности М-31. Модель вполне соответствует физическим характеристикам ее создателей: им должно быть очень удобно сидеть на наклонной скамье, глаза и руки есть у них как на верхнем, так и на нижнем конце тела, и все они очень большого роста, что позволяет им управлять машиной одновременно с двух концов и брать с ее верха готовую продукцию; а дышать, как известно, они предпочитают атмосферой из хлора, йода, неона и аргона.

Ни в коем случае, повторяем, ни в коем случае не покупайте эту машину! Не говоря уже о том, что она способна нарушать закон (подделывать денежные знаки), мы считаем, что управлять ею может только андромедец. Если кто-нибудь, кого вы встретите, утверждает, что не испытывает в управлении «Неистощимым» никаких трудностей, немедленно сообщите о нем в ближайшее отделение Общегалактического Бюро Расследований. По всей вероятности, это андромедский шпион.

Перевод с английского Ростислава РЫБКИНА

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Нечто необозначенное

Роби Моррисон слонялся, не зная, куда себя деть, в тропическом зное, а с берега моря доносилось глухое и влажное грохотанье волн. В зелени Острова Ортопедии затаилось молчание.

Был год тысяча девятьсот девяносто седьмой, но Роби это нисколько не интересовало.

Его окружал сад, и он, уже девятилетний, рыскал по этому саду, как хищный зверь в поисках добычи. Был Час Размышлений. Снаружи к северной стене сада примыкали Апартаменты Вундеркиндов, где ночью в крохотных комнатках спали на специальных кроватях он и другие мальчики. По утрам они вылетали из своих постелей, как пробки из бутылок, кидались под душ, заглатывали еду, и вот они уже в цилиндрических кабинах, вакуумная подземка их всасывает, и снова на поверхность они вылетают посередине Острова, прямо к Школе Семантики. Оттуда, позднее — в Физиологию. После Физиологии вакуумная труба уносит Роби в обратном направлении, и через люк в толстой стене он выходит в сад, чтобы провести там этот глупый Час никому не нужных Размышлений, предписанных ему Психологами.

У Роби об этом часе было свое твердое мнение: «Черт знает до чего занудно».

Сегодня он был разъярен и бунтовал. Со злобной завистью он поглядывал на море: эх, если бы он мог так же свободно приходить и уходить! Глаза Роби потемнели от гнева, щеки горели, маленькие руки сжимались от злости.

Откуда-то послышался тихий звон. Целых пятнадцать минут еще размышлять — брр! А потом в Робот-Столовую, придать подобие жизни, набив его доверху, своему мертвеющему от голода желудку, как таксидермист, набивая чучело, придает подобие жизни птице.

А после научно обоснованного, очищенного от всех ненужных примесей обеда — по вакуумным трубам назад, на этот раз в Социологию. В зелени и духоте Главного Сада к вечеру, разумеется, будут игры. Игры, родившиеся не иначе как в страшных снах какого-нибудь страдающего разжижением мозгов психолога. Вот оно, будущее! Теперь, мой друг, ты живешь так, как тебе предсказали люди прошлого, еще в годы тысяча девятьсот двадцатый, тысяча девятьсот тридцатый и тысяча девятьсот сорок второй! Все свежее, похрустывающее, гигиеничное — чересчур свежее! Никаких противных родителей, и потому никаких комплексов! Все учтено, мой милый, все под контролем!

Чтобы по-настоящему восприиять что-то из ряда вон выходящее, Роби следовало быть в самом лучшем расположении духа.

У него оно было сейчас совсем иное.

Когда через несколько мгновений с неба упала звезда, он разозлился еще больше, только и всего.

Оказалось, что на самом деле звезда имеет форму шара. Она ударилась о землю, прокатилась, оставляя горячий след, по зеленой траве и остановилась. Внезапно в ней со щелчком открылась маленькая дверца.

Это как-то смутно напомнило Роби сегодняшний сон. Тот самый, который он наотрез отказался записать утром в свою Тетрадь Сновидений. Сон этот почти было вспомнился ему в то мгновенье, когда в звезде настежь открылась дверца и оттуда появилось... нечто.

Непонятно что.

Юные глаза, когда видят какой-то новый предмет, обязательно ищут в нем черты чего-то уже знакомого. Роби не мог понять, что именно вышло из шара. И потому, наморщив лоб, подумал о том, на что это больше всего похоже.

И тотчас нечто стало чем-то определенным.

Хотя воздух был теплый, мальчика пробил озноб. Что-то замерцало, начало, будто плавясь, перестраиваться, меняться и обрело наконец вполне определенные очертания.

Возле металлической звезды стоял человек, высокий, худой и бледный; он был явно ошеломлен.

Глаза у человека были розоватые, полные ужаса.

— Так это ты? — Роби был разочарован.— Песочный Человек *, только и всего?

— Пе... Песочный Человек?

Незнакомец переливался как марево над кипящим металлом. Трясущиеся руки взметнулись вверх и стали судорожно ощупывать его же длинные, медного цвета волосы, словно он никогда не видел или не касался их раньше. Песочный Человек испуганно оглядывал свои руки, ноги, туловище, как будто ничего такого раньше у него не было.

— Пе... сочный Человек?

Оба слова он произнес с трудом. Похоже, что вообще говорить было для него делом новым. Казалось, он хочет убежать, но что-то удерживает его на месте.

— Конечно,— подтвердил Роби.— Ты мне снишься каждую ночь. О, я знаю, что ты думаешь. Семантически, говорят наши учителя, разные там духи, привидения, домовые, феи, и Песочный Человек тоже, всего лишь названия, слова, которым в действительности ничто не соответствует, ничего такого на самом деле просто нет. Но наплевать на то, что они говорят. Мы, дети, знаем обо всем этом больше учителей. Вот он ты, передо мной, а это значит, что учителя ошибаются. Ведь существуют все-таки Песочные Люди, правда?

— Не называй меня никак! — закричал вдруг Песочный Человек. Он будто что-то понял, и это вызвало в нем неописуемый страх. Он по-прежнему ощупывал, теребил, щипал свое только что обретенное длинное тело с таким видом, как если бы это было что-то ужасное.— Не надо мне никаких названий!

— Как это?

— Я нечто необозначенное! — взвизгнул Песочный Человек.— Никаких названий для меня, пожалуйста! Я нечто необозначенное и ничего больше! Отпусти меня!

Зеленые кошачьи глаза Роби сузились.

— Между прочим...— Он уперся руками в бока.— Не мистер ли Грилл тебя подослал? Готов поспорить, он! Готов поспорить, это новый психологический тест!

От гнева к его щекам прихлынула кровь. Хоть бы на минуту оставили его в покое! Решают за него, во что ему играть, что есть,

---

* Персонаж детской сказки; считается, что он приходит к детям, которые не хотят уснуть, и засыпает им песком глаза.— Прим. пер.

как и чему учиться, лишили матери, отца и друзей, да еще потешаются над ним!

— Да нет же, я не от мистера Грилла! — прорыдал Песочный Человек.— Выслушай меня, а то придет кто-нибудь и увидит меня таким, какой я сейчас, тогда все станет много хуже!

Роби злобно лягнул его. Песочный Человек отпрыгнул назад, задыхаясь.

— Выслушай меня! — закричал он.— Я не такой, как ты, я не человек! Форму всем вам здесь, на этой планете, придала мысль! Вы подчиняетесь диктату обозначений. Но я, я нечто необозначенное, и никаких названий мне не нужно!

— Все ты врешь!

Последовали новые пинки.

Песочный Человек продолжал, захлебываясь:

— Нет, дитя, это правда! Мысль, столетия работая над атомами, вылепила ваш теперешний облик; сумей ты подорвать и разрушить слепую веру в него, веру твоих друзей, учителей и родителей, ты тоже мог бы менять свое обличье, стал бы необозначенным, свободной сущностью, вроде Человечности, Времени, Пространства или Справедливости!

— Тебя подослал Грилл, все время он меня донимает!

— Да нет же, нет! Атомы пластичны. Вы, на Земле, приняли за истину некоторые обозначения, такие, как Мужчина, Женщина, Ребенок, Голова, Руки, Ноги, Пальцы. И потому вы перестали быть чем угодно и раз навсегда превратились во что-то определенное.

— Отвяжись от меня! — взмолился Роби.— У меня сегодня контрольная, я должен собраться с мыслями.

Он сел на камень и зажал руками уши.

Песочный Человек, будто ожидая катастрофы, испуганно огляделся вокруг. Теперь, стоя над Роби, он дрожал и плакал.

— У Земли могло быть любое из тысяч совсем других обличий. Мысль носилась по неупорядоченному космосу, при помощи названий наводя в нем порядок. А теперь уже никто не хочет подумать об окружающем по-новому, подумать так, чтобы оно стало совсем другим!

— Пошел прочь,— буркнул Роби.

— Сажая корабль около тебя, я не подозревал об опасности. Мне было интересно узнать, что у вас за планета. Внутри моего шарообразного космического корабля мысли не могут менять мой облик. Сотни лет путешествую я по разным мирам, но впервые попал в такую ловушку! — Из его глаз брызнули и потекли по щекам слезы.— И теперь, свидетели боги, ты дал мне название, поймал

меня, запер меня в клетку своей мысли! Надо же до такого додуматься — Песочный Человек! Да это ужас какой-то! И я не могу противиться, не могу вернуть себе прежний облик! А вернуть надо обязательно, иначе я не вмещусь в свой корабль, сейчас я для него слишком велик. Мне придется остаться здесь навсегда. Освободи меня!

Песочный Человек визжал, кричал, плакал. Роби не знал, как ему быть. Он теперь безмолвно спорил с самим собой. Чего он хочет больше всего на свете? Бежать с Острова. Но ведь это глупо: его обязательно поймают. Чего еще он хочет? Пожалуй, играть. В настоящие игры, и чтобы не было психонаблюдения. Да, вот это было бы здорово! Гонять консервную банку или бутылку крутить, а то просто играть в мяч — бей себе в стену сада и лови, ты один и никого больше. Конечно. Нужен резиновый красный мяч.

Песочный Человек закричал:

— Не...

И — молчание.

На земле прыгал резиновый красный мяч

Резиновый красный мяч прыгал вверх-вниз, вверх-вниз.

— Эй, где ты? — Роби не сразу осознал, что появился мяч.— А это откуда взялось? — Он бросил мяч в стену, поймал его.— Вот это да!

Он и не заметил, что незнакомца, который только что кричал, уже нет.

Песочный Человек исчез.

Где-то на другом конце дышащего зноем сада возник низкий гудящий звук: по вакуумной трубе мчалась цилиндрическая кабина. С негромким шипением круглая дверь в толстой стене сада открылась. С тропинки послышались размеренные шаги. В пышной раме из тигровых лилий появился, потом вышел из нее мистер Грилл.

— Привет, Роби. О! — Мистер Грилл остановился как вкопанный, с таким видом, будто в его розовое толстощекое лицо пнули ногой.— Что это там у тебя, мой милый? — закричал он.

Роби бросил мяч в стену.

— Это? Мяч.

— Мяч? — Голубые глазки Грилла заморгали, прищурились. Потом напряжение его покинуло.— А, ну конечно. Мне показалось, будто я вижу... з-з... м-м...

Роби снова бросил мяч в стену.

Грилл откашлялся.

— Пора обедать. Час Размышлений кончился. И я вовсе не уверен, что твои не утвержденные министром Локком игры министра бы обрадовали.

Роби ругнулся про себя.

— Ну ладно. Играй. Я не наябедничаю.

Мистер Грилл был настроен благодушно.

— Неохота что-то.

Надув губы, Роби стал ковырять носком сандалия землю. Учителя всегда все лортят. Затошнит тебя, так и тогда нужно будет разрешение.

Грилл попытался создать у Роби заинтересованность:

— Если сейчас лойдешь обедать, я тебе разрешу видеовстречу с твоей матерью в Чикаго.

— Две минуты десять секунд, ни секундой больше ни секундой меньше,— иронически сказал Роби.

— Насколько я понимаю, милый мальчик, тебе вообще все не нравится?

— Я убегу отсюда, вот увидите!

— Ну-ну, дружок, ведь мы все равно тебя лоймаем.

— А я, между лрочим, к вам не лросился.

Закусив губу, Роби лристально лосмотрел на свой новый красный мяч: мяч вроде бы... как бы это сказать... шевельнулся, что ли? Чудно. Роби его лоднял. Мяч задрожал, как будто ему было холодно.

Грилл лохлолал мальчика ло ллечу.

— У твоей матери невроз. Ты был в неблаголриятной среде. Тебе лучше быть у нас, на Острове. У тебя высокий интеллект, ты можешь гордиться, что оказался здесь, среди других маленьких гениев. Ты эмоционально неустойчив, чувствуешь себя несчастным, и мы лытаемся это исправить. В конце концов ты станешь полной лротивололожностью своей матери.

— Я люблю маму!

— Ты душевно к ней расположен,— негромко лоправил его Грилл.

— Я душевно к ней расположен,— тоскливо повторил Роби.

Мяч дернулся у него в руках. Роби озадаченно на него посмотрел.

— Тебе станет только труднее, если ты будешь ее любить,— сказал Грилл.

— Вы бог знает до чего глупы,— отозвался Роби.

Грилл окаменел.

— Не ругайся. А потом, на самом деле ты, говоря это, вовсе не имел в виду «бога» и не имел в виду «знает». И того и другого в мире очень мало — смотри учебник семантики, часть седьмая,

страница четыреста восемнадцатая, «Означающие и означаемые».

— Вспомнил! — крикнул вдруг Роби, оглядываясь по сторонам.— Только что здесь был Песочный Человек, и он сказал...

— Пошли,— прервал его мистер Грилл.— Пора обедать.

В Робот-Столовой пружинные руки роботов-подавальщиков протягивали обед. Роби молча взял овальную тарелку с молочно-белым шаром на ней. За пазухой у него пульсировал и бился, как сердце, красный резиновый мяч. Удар гонга. Он быстро заглотал еду. Потом все бросились, толкаясь, к подземке. Словно перышки, их втянуло и унесло на другой конец Острова, в класс Социологии, а потом, под вечер,— снова назад, теперь к играм. Час проходил за часом.

Чтобы побыть одному, Роби ускользнул в сад. Ненависть к этому безумному, никогда и ничем не нарушаемому распорядку, к учителям и одноклассникам пронзила и обожгла его. Он сел на большой камень и стал думать о матери, которая так далеко. Вспоминал, как она выглядит, чем пахнет, какой у нее голос и как она гладила его, прижимала к себе и целовала. Он опустил голову, закрыл лицо ладонями и наполнил их своими горькими слезами.

Красный резиновый мяч выпал у него из-за пазухи.

Ему было все равно. Он думал сейчас только о матери.

По зарослям пробежала дрожь. Что-то перестроилось, очень быстро.

В высокой траве бежала, удаляясь от него, женщина!

Вдруг она поскользнулась, вскрикнула и упала.

Что-то поблескивало в лучах заходящего солнца. Женщина бежала туда, к этому серебристому и поблескивающему. Бежала к шару. К серебряному звездному кораблю! Откуда она здесь? И почему бежала к шару? Почему упала, когда он поднял глаза? Похоже, она не может встать! Он вскочил, бросился туда. Добежав, остановился над женщиной.

— Мама! — не своим голосом закричал он.

По ее лицу пробежала дрожь, и оно начало меняться, как тающий снег, потом отвердело, черты стали четкими и красивыми.

— Я не твоя мама,— сказала женщина.

Роби не слушал. Он слышал только, как из его трясущихся губ вырывается дыхание. От волнения он так ослабел, что едва держался на ногах. Он протянул к ней руки.

— Неужели не понимаешь? — От нее веяло холодным безразличием.— Я не твоя мать. Не называй меня никак! Почему у меня обязательно должно быть название? Дай мне вернуться в мой корабль! Если не дашь, я убью тебя!

Роби качнуло как от удара.

— Мама, ты и вправду не узнаешь меня? Я Роби, твой сын! — Ему хотелось уткнуться в ее грудь и выплакаться, хотелось рассказать о долгих месяцах неволи.— Прошу тебя, вспомни!

Рыдая, он шагнул вперед и прижался к ней.

Ее пальцы сомкнулись на его горле.

Она начала его душить.

Он попытался закричать. Крик был пойман, загнан назад в его готовые лопнуть легкие. Он забил ногами.

Пальцы сжимались все сильнее, в глазах у него темнело, но тут в глубинах ее холодного, жестокого, безжалостного лица он нашел объяснение.

В глубинах лица он увидел остаток Песочного Человека.

Песочный Человек. Звезда, падавшая в вечернем небе. Серебристый шар корабля, к которому бежала женщина. Исчезновение Песочного Человека, появление красного мяча, а теперь — появление матери. Все стало понятным.

Матрицы. Мысли. Представления. Структуры. Вещество. История человека, его тела, всего, что только есть в мире.

«Женщина» убивала его.

Когда он не сможет думать, она обретет свободу. Он уже почти не шевелится. Нет больше сил, нет. Он думал, э т о — его мать. Однако э т о его убивает. А что, если представить себе не мать, а другое? Надо попробовать. Надо. Он опять стал брыкаться. Стал думать в обступающей тьме, думать изо всех сил.

«Мать» издала вопль и стала съеживаться.

Он сосредоточился.

Пальцы начали таять, оторвались от его горла. Красивое лицо размылось. Тело уменьшалось, его очертания менялись.

Роби был свободен. Ловя ртом воздух, он с трудом поднялся на ноги.

Сквозь заросли он увидел сияющий на солнце серебристый шар. Пошатываясь, Роби к нему двинулся, и тут из уст мальчика вырвался ликующий крик — в такой восторг привел его родившийся у него внезапно замысел.

Он торжествующе засмеялся. Снова стал, не отрывая взгляда, смотреть на э т о. То, что оставалось от «женщины», менялось у него на глазах, как тающий воск. Он превратил э т о... в нечто новое.

Стена сада завибрировала. По пневматической подземке, шипя, неслась цилиндрическая кабина. Наверняка мистер Грилл! Надо спешить, не то все сорвется.

Робн побежал к шару, заглянул внутрь. Управленне простое. Он маленький, должен поместиться в кабнне — еслн все удастся. Должно удаться. Удастся обязательно.

От гула прнблнжающегося цнлиндра дрожал сад. Робн рассмеялся. К черту мнстера Грнлла! К черту Остров Ортопеднн!

Он втнснулся в корабль. Предстонт узнать столько нового, н он узнает все — со временем. Он еще только одной ногой стал на край знання, н это уже спасло ему жизнь, а теперь поможет ему и в другом.

Сзади донесся голос. Знакомый голос. Такой знакомый, что по телу побежали мурашкн. Он услышал, как крушат кустарннк детские ножкн. Маленькне ноги маленького тела. А тонкий голосок умолял.

Робн взялся за ручкн управления. Бегство. Окончательное. И ннкто не догадается. Совсем простое. Удивнтельно краснвое. Грнллу ннкогда не узнать.

Дверца шара захлопнулась. Теперь — двнжение.

На летнем небе появнлась звезда, н внутрн нее был Робн.

Из круглой двери в стене вышел мистер Грнлл. Он стал искать Робн. Он быстро шагал по тропннке, н жаркое солнце било ему в лнцо.

Да вот же он! Вот он, Робн. На полянке, впередн. Маленькнй Робн Моррнсон смотрел на небо, грознл кулаком, кричал, обращаясь непонятно к кому,— вокруг, во всяком случае, никого вндно не было.

— Здорово, Робн! — оклнкнул мальчнка Грнлл.

Мальчнк вздрогнул н заколыхался — точнее, заколыхалнсь его плотность, цвет и форма. Грилл поморгал, потом решил, что все это ему померещилось нз-за солнца.

— Я не Робн! — внзглнво закричал мальчик.— Роби убежал! Вместо себя он оставил меня, чтобы обмануть вас, чтобы вы за ним не погналнсь! Он н меня обманул! — рыдал н вопил ребенок.— Не надо, не смотрнте на меня, не смотрнте! Не думайте, что я Робн, от этого мне только хуже! Вы думалн найти здесь его, а нашли меня и превратилн в Роби! Сейчас вы окончательно придаете мне его форму, н теперь уже я никогда, никогда не стану другнм! О боже!

— Ну что ты, Роби...

— Робн ннкогда больше не вернется. Но я буду им всегда. Я был Песочным Человеком, резнновым мячом, женщиной. А ведь на самом деле я только пластнчные атомы н ничего больше. Отпустнте меня!

Грилл медленно пятился. Его улыбка стала какой-то болезненной.

— Я нечто необозначенное! Никаких названий для меня не может быть! — выкрикнул ребенок.

— Да-да, конечно. А теперь... теперь, Роби... Роби, ты только подожди здесь... здесь, а я... я... я свяжусь с Психопалатой.

И вот по саду уже бегут многочисленные помощники.

— Будьте вы прокляты! — завизжал, вырываясь, мальчик.— Черт бы вас побрал!

— Ну-ну, Роби,— негромко сказал Грилл, помогая втащить мальчика в цилиндрическую кабину подземки.— Ты употребил слово, которому в действительности ничего не соответствует!

Пневматическая труба всосала кабину.

В летнем небе сверкнула и исчезла звезда.

Перевод с английского Ростислава РЫБКИНА

УАЙМЕН ГВИН

Планерята

Их было трое. То есть в биоускорителе спали еще десятки маленьких беспомощных мутантов, от одного вида которых любой высокоученый зоолог впал бы в истерику. Но этих было трое. Сердце у меня так и подпрыгнуло.

Я услышал быстрый топоток — по зверинцу бежала дочка, в руке у нее бренчали ролики. Я закрыл ускоритель и пошел к двери. Дочь изо всех силенок дергала и вертела ручку, пытаясь нащупать секрет замка.

Я отпер, чуть приотворил дверь и выскользнул наружу. Как моя девчонка ни изворачивалась и ни косилась, ей не удалось заглянуть в лабораторию. Надо запастись терпением, подумал я.

— Что, не можешь приладить ролики?

— Пап, я старалась, старалась, никак не привинчу...

— Ладно, девица. Садись на стул.

Я нагнулся и надел ей ролик. Он сидел на ботинке как влитой. Я затянул ремешки и сделал вид, будто прикручиваю винт.

Наконец-то планерята. Трое. Я всегда был уверен, что все-таки их получу, уже лет десять я зову их этим именем. Нет, даже двенадцать. Я поглядел в угол зверинца, где старик Нижинский*

* По имени известного балетного артиста Вацлава Нижинского (1889—1950).

просунул сквозь прутья клетки седеющую голову. Я назвал их планерятами с того дня, как удлиненные руки Нижинского и кожистые складки на лапах его родича подали мне мысль вывести летающего мутанта.

Заметив, что я на него смотрю, Нижинский принялся отплясывать что-то вроде тарантеллы. Он кружил по клетке, мизинцы у него на руках — вчетверо длиннее остальных пальцев — разогнулись, и я невольно улыбнулся воспоминанию, даже сердце защемило.

Потом я стал прилаживать дочке ролик на другую ногу.

— Пап!

— Да?

— Мама говорит, ты чудак. Ты правда чудак?

— Вот я ее спрошу.

— А разве ты сам не знаешь?

— А ты понимаешь, что такое чудак?

— Не...

Я поднял ее и поставил на ноги.

— Скажи маме, что мы с ней квиты. Скажи — она красавица.

Дочка неуклюже покатилась между рядами клеток, и все мутанты, покрытые коричневой и голубой шерстью, то чересчур густой, то чересчур редкой, непомерно длиннорукие и смехотворно коротколапые, повернули свои обезьяньи, собачьи, кроличьи мордочки и уставились на нее. На пороге она оглянулась, чуть не шлепнулась и помахала мне на прощанье.

Я вернулся в лабораторию, достал из биоускорителя моих первых планерят и вытащил уже не нужные иголки для внутривенного вливания. Перенес их, маленьких, беспомощных, на матрас — двух самочек и самца. В ускорителе они меньше чем за месяц стали почти взрослыми. Пройдет еще несколько часов, пока они зашевелятся, начнут учиться есть, играть и, может быть, летать.

Но уже и сейчас ясно, что опыт наконец-то удался и мутанты жизнеспособны. Получилось нечто необычное, но полное смысла и гармонии. Не какие-нибудь чудовища, уродливый плод сильного облучения. Нет, это были очаровательные существа без малейшего изъяна.

К двери подошла моя жена.

— Завтракать, милый.

Она тоже попыталась открыть, но осторожнее — словно бы нечаянно взялась за ручку.

— Иду.

Она тоже попыталась заглянуть внутрь, как пыталась уже пятнадцать лет, но я выскользнул в щелку, загородив собою лабораторию.

— Идем, старый отшельник. Завтрак на террасе.

— Наша дочь говорит, что я чудак. Как это она догадалась, черт возьми?

— Слышала от меня, разумеется.

— Но ты меня все равно любишь?

— Обожаю!

Стол, накрытый на террасе, выглядел восхитительно. Горничная как раз принесла горячие сосиски. Я легонько ущипнул ее.

— Привет, малютка!

Жена растерянно улыбнулась и посмотрела на меня круглыми глазами.

— Что на тебя нашло?

Горничная убежала в дом.

Я ухватил сосиску, шлепнул на тарелку ломтик лука, полил сосиску соусом и прикрыл луком. Откупорил бутылку пива и стал жадно пить прямо из горлышка, потом перевел дух, поглядел на дубовую рощу и мягко круглящиеся холмы нашего ранчо и вдаль, где мерцал под солнцем Тихий океан. Все это, подумал я, и трое племянников впридачу!..

По одну сторону террасы загремели ролики, по другую — конский галоп.

Сын круто осадил пони — мой подарок ко дню рождения (ему только что исполнилось четырнадцать). Жена придвинула мне салат, я жевал и смотрел, как сын расседлал лошадку, хлопнул ее по крупу и она побежала на луг.

«Вот бы он вскинулся, если бы узнал, что у меня там, в лаборатории,— подумал я.— Все они с ума бы сошли...»

— Слушай, что с тобой творится? — спросила жена.— С той минуты, как ты вышел из лаборатории, ты не перестаешь ухмыляться... будто разыгравшийся орангутан.

— Я нашел новую забаву.

Она потянулась и схватила меня за ухо. Прищурилась, с напускной суровостью поджала губы.

— Это шутка,— сказал я.— Хочу сыграть отличную шутку с целым светом. Когда-то со мной уже было что-то похожее, но...

— А именно?

— Ну, мы тогда жили в Оклахоме, отец нашел там нефть и разбогател. Городишко был маленький, я бродил по полю и наткнулся на кучу плоских камней, а под каждым камнем свернулся ужонок. Я набрал их полное ведро, принес в город и высыпал на тротуар перед кинотеатром, там как раз кончался утренний сеанс. Главное, никто меня не видал. И никто не мог понять, откуда взялось столько змей. Вот тут я и испробовал, до чего это здорово: всех поразил, а сам стоишь и любуешься, как ни в чем не бывало.

Жена отпустила мое ухо.

— Значит вот как ты намерен забавляться?

— Ага... Прости, родная, я доем и побегу. У меня в лаборатории спешное дело.

По совести говоря, в лаборатории меня ждало такое, на что я и не рассчитывал. Я собирался только вывести летучее млекопитающее, которое скользило и планировало бы в воздухе немного лучше, чем сумчатая австралийская летяга. Даже среди ранних моих мутантов в последние годы появились такие, которые очень далеко ушли от обыкновенных крыс (с крыс я начал) и определенно напоминали обезьян. А эти первые планерята поразительно походили на людей.

Притом они гораздо быстрее, чем их предшественники, выходили из спячки, во время которой в биоускорителе совершилось их стремительное созревание, и уже пробуждались к активной жизнедеятельности. Когда я вошел в лабораторию, они ворочались на матрасе, а самец даже пытался встать.

Он был немного крупнее самочек — рост двадцать восемь дюймов. Все трое покрыты мягким золотистым пушком. Но лицо, грудь и живот — чистые, вместо шерстки гладкая розовая кожа. На головах у всех троих, а у самца и на плечах шерсть гуще и длиннее — гривкой, мягкая, точно шиншилла. Лица совсем человеческие, очень трогательные, только глаза огромные, круглые — ночные глаза. Соотношение головы и туловища то же, что и у человека.

Самец развел руки во всю ширь — размах оказался сорок восемь дюймов. Я придержал руки, легонько потормошил, мне хотелось, чтобы он выпустил шпоры. Это не новинка. В основной колонии детеныши уже много лет рождались со шпорами, после ряда мутаций удлиненные мизинцы (впервые они появились у Нижинского) стали гораздо длиннее. Теперь шпора не была суставчатой, как палец,— она круто отгибалась назад, плотно прилегая к запястью, и доходила почти до локтя. Сильные мускулы кисти могли резко выбросить ее вперед и наружи. Я тормошил планеренка и наконец дождался.

Шпоры прибавили к размаху рук по девять дюймов справа и слева. Когда он внезапно выпустил их, кожа с боков, прежде свисавшая складками, натянулась, распахнулись золотые крылья: от кончика шпоры до пояса и ниже, шириною в четыре дюйма вдоль бедра; нижний край крыла сращен с мизинцем ноги.

Такого великолепного крыла я еще не получал. Крыло настоящего планера, пригодное, пожалуй, не только для спуска, но и для подъема. У меня даже холодок пробежал по спине.

К четырем часам дня я дал им плотно поесть, и теперь они пили воду из маленьких чашек: держали их в руках совсем по-че-

ловечьи, сложив шпоры. Они были подвижные, любопытные, игривые и явно влюбчивые.

И все отчетливей проступало сходство с человеком. Налицо поясничный изгиб позвоночника и ягодицы. Плечи и грудная клетка, разумеется, массивные, развиты не по росту, но у самочек только одна пара сосцов. Строение подбородка и челюстей уже не обезьянье, а человеческое, и зубы под стать. Я вдруг понял, что это сулит, и внутренне ахнул.

Став коленями на матрас, я шлепал и тормошил самца, будто возился с щенком, а одна самочка тем временем играючи вскарабкалась мне на спину. Я дотянулся до нее через плечо, стащил вниз и усадил на матрас. Погладил пушистую головку и сказал:

— Здравствуй, красотка, здравствуй!

Самец поглядел на меня и весело оскалил зубы.

— Здастуй, здастуй,— повторил он.

Когда я вышел в кухню, у меня голова шла кругом: шутка удалась на славу!

Жена встретила меня словами:

— К обеду прилетят Гай и Эми. Эта его ракета, которую запустили в пустыне, превзошла все ожидания. Гай на седьмом небе и хочет отпраздновать успех.

Я наскоро сплясал жигу, прямо как Нижинский.

— Чудно! Превосходно! Ай да Гай! У всех у нас успехи. Чудно! Превосходно! Успех за успехом!

Жена изумленно смотрела на меня.

— Ты что, пил в лаборатории спирт?

— Я пил нектар, напиток богов. Гера моя, ты — законная супруга Зевса. И у меня есть свои маленькие греки, потомки Икара!

...Потом я сидел в шезлонге на террасе, потягивал коктейль и смотрел, как под косыми вечерними лучами золотятся наши живописные холмы. И мечтал. Надо изобрести несколько сот слов поблагозвучнее и обучить планерят — у них будет свой язык. И свои ремесла. И жить они станут в домиках на деревьях.

Я сочиню для них предания: будто они прилетели со звезд и видели, как появились среди здешних холмов первые краснокожие люди, а потом и белые.

Когда они станут самостоятельными, я выпущу их на волю. Никто еще не успеет ничего заподозрить, а уже на всем побережье обоснуются колонии планерят. И в один прекрасный день кто-нибудь увидит планереныка. Газеты поднимут очевидца на смех.

А потом колонию обнаружит какой-нибудь ученый муж и станет наблюдать. И придет к заключению: «Я убежден, что у них есть свой язык и они разумны».

Правительство опубликует опровержения. Репортеры примутся «устанавливать истину» и спрашивать: «Откуда явились эти пришельцы?» Правительство волей-неволей признает факты. Лингвисты вплотную возьмутся за изучение несложного языка планерят. Выплывут на свет божий предания.

Планерятская мудрость будет возведена в культ, а ведь из всех видов комедии всякие культы и суеверия, по-моему, самые потешные.

— Ты меня слушаешь, милый? — с терпеливым нетерпением спросила жена.

— А? Да-да, конечно!

— Чудак, ты ни слова не слыхал. Сидишь и ухмыляешься неизвестно чему.

...Из-за гряды холмов появился вертолет и полетел невысоко над дубовой рощей прямо к нам. Гай мягко посадил его на площадке. Мы пошли навстречу гостям.

Я помог Эми выйти и обнял ее.

Гай соскочил наземь, спросил быстро:

— У вас телевизор включен?

— Нет,— сказал я.— А что, надо включить?

— Передача сейчас начнется. Я боялся — опоздаем.

— Какая передача?

— Очнись, милый! — взмолилась жена.— Я же тебе говорила о ракете Гая. Газеты только о ней и пишут.— И когда мы поднялись на террасу, прибавила, обращаясь к ним обоим: — Он сегодня какой-то не от мира сего. Вообразил себя Зевсом.

Я стал готовить друзьям коктейли, а сына попросил выкатить телевизор на террасу. Потом мы все уселись и, потягивая мартини (детям дали фруктовый сок), смотрели эту самую передачу.

Какой-то малый из Калифорнийского технологического давал объяснения к чертежам многоступенчатой ракеты. Послушав немного, я поднялся:

— Мне надо заглянуть в лабораторию, кое-что проверить.

— Подожди минуту,— запротестовал Гай.— Сейчас покажут пуск.

Жена поглядела на меня... сами знаете, как в этих случаях смотрят жены. Я сел.

На экране появилась стартовая площадка в пустыне. И наш друг Гай самолично объяснял, что, когда он нажмет вот эту кнопку, люк третьей ступени огромной ракеты, виднеющейся позади него, закроется, а через пять минут корабль взлетит.

Гай на экране нажал кнопку. Гай рядом со мной вроде как ахнул тихонько. Люк на экране медленно закрылся.

— А лихо ты выглядишь,— сказал я.— Настоящий космический волк. Во что это ты выпалил?

— Милый... по-жа-луйста... помолчи!

— Да уж, пап! Вечно ты остришь некстати.

Гай на экране крупным планом, страшно серьезный, что-то еще объяснял, и только тут до меня дошло: это та самая ракета с научной аппаратурой, ее давно собирались запустить на Луну. Она будет оттуда передавать информацию по радио. Вот это да! Мне стало совестно за мое легкомысленное поведение, я дотянулся до Гая и похлопал его по плечу. У меня даже мелькнуло: не сказать ли ему про планерят? Но я тут же раздумал.

У основания ракеты возник огненный шар. Тяжеловесная башня словно чудом поднялась в воздух, миг будто стояла на огненной колонне — и скрылась из глаз.

На экране опять была студия, диктор объяснил, что фильм, который мы только что видели, снят позавчера. А сегодня уже известно, что третья ступень ракеты успешно прилунилась на южном берегу Моря Ясности. И он показал на большой лунной карте место посадки.

— Отсюда передатчик, получивший прозвище Чарли-Ракета, несколько месяцев будет сообщать научные данные. А сейчас, леди и джентльмены, мы предоставим слово самому Чарли-Ракете. Слушайте Чарли-Ракету!

На экране появился циферблат часов, несколько секунд было тихо.

— Вот здорово, дядя Гай! — прошептал мой сын.

— Знаешь, Эми, у меня даже голова кружится,— сказала жена.

И вдруг на экране появился лунный пейзаж, совсем такой, как всегда рисуют. И зазвучал голос автомата:

— Говорит Чарли-Ракета с места посадки у Моря Ясности. Привет, Земля! Сначала я на пятнадцать секунд дам панораму Гор Менелая. Потом на пять секунд направлю объектив на Землю.

Телекамера медленно поворачивалась, перед глазами торжественно проплывали застывшие, устрашающе дикие горы. В конце этого кругового движения передний план пересекла тень от вертикально стоящей третьей ступени ракеты.

Внезапно камера метнулась прочь, мгновение настраивалась на фокус — и мы увидели Землю. В этот час над Калифорнией Луна еще не взошла. Мы смотрели на Африку и Европу.

— Говорит Чарли-Ракета. До свидания, Земля.

Ну, тут экран погас и на террасе поднялась кутерьма. Гай, огромный взрослый дядя, утирал слезы радости. Женщины обнимали и целовали его. И все разом что-то кричали.

При помощи биоускорителя я сократил срок зародышевого развития планерят до одной недели. Потом, опять же с его помощью, ускорил их дальнейшее развитие и рост: младенец за месяц становился взрослым. Волею случая почти все первые младенцы оказались самочками, так что дело пошло очень быстро.

К весне у меня было уже больше сотни планерят, и я выключил ускоритель. Теперь пускай сами заводят детенышей.

Я составил для них язык и, пока самки в биоускорителе ожидали потомства, учил самцов. Они говорили мягко, тоненькими голосами, багаж в восемьсот слов, видимо, ничуть их не обременял.

Жена с ребятами на неделю поехала на побережье, я воспользовался случаем и украдкой вывел самого старшего самца и двух его подружек из лаборатории.

Я усадил их рядом с собою в джип и повез в укромную лощинку на нашем ранчо, примерно за милю от дома.

Все трое изумленно озирались по сторонам и трещали без умолку. Показывали на все кругом и одолевали меня вопросами, как на их языке называются дерево, камень, небо. «Небо» далось им не сразу.

Только теперь, вне стен лаборатории, я вполне оценил, до чего хороши мои планерята. Они на диво подходили к рощам, холмам и долинам Калифорнии. Порой они взмахивали руками, распрямляли шпоры — и распахивались великолепные крылья.

Прошло почти два часа, прежде чем самец поднялся в воздух. Позабыв на минуту о новом незнакомом мире, который так забавно и любопытно было осматривать, он погнался за подружкой. Она по обыкновению только того и хотела, чтобы он ее поймал, и неожиданно остановилась у подножия невысокого бугра.

Он, наверно, хотел прыгнуть за нею. Но когда он развел руки, шпоры расправились и золотые крылья рассекли воздух. Охотник внезапно взмыл над беглянкой. Ветерок подхватил его, понес выше, выше и на долгие секунды он повис в тридцати футах над землей.

Он повернул ко мне жалостную рожицу, испуганно нырнул вниз головой, и его понесло прямиком на куст терновника. Невольно он отпрянул, золотой молнией метнулся к нам и свалился в траву.

Обе самочки подбежали к нему раньше меня, гладили его, суетились, так что я не мог до него добраться. Вдруг он взвизгнул, громко засмеялся. И пошла потеха.

Они учились с блеском и очень быстро. Они созданы были не для полета, а для того, чтобы планировать, скользить на крыле. И вскоре они уже овладели этим искусством: проворно вскарабкаются на дерево, прыгнут — и плывут по воздуху сотни футов, описывая изящные виражи, петли, спирали, и, наконец, мягко приземляются.

Я громко рассмеялся, предвкушая счастливые минуты. Подождите, пока первую парочку представят шерифу! Подождите, пока в наши края прикатят репортеры из «Кроникл» и увидят все это своими глазами!

Понятно, планерятам не хотелось возвращаться в лабораторию. Среди холмов струился ручеек, в одном месте он разливался вполне приличным озерком. Малыши забрались туда и стали шлепать длинными руками по воде и усердно мыть друг друга. Потом вылезли и растянулись на спине, раскинув крылья во всю ширь, чтобы просохли.

Я смотрел на них с нежностью и думал: разумно ли оставить их тут? Что ж, рано или поздно этого не миновать. И сколько бы я ни объяснял им, как надо себя вести, чтобы выжить, толика практического опыта будет куда полезней. Я подозвал самца.

Он подошел, сел на корточки, локтями оперся оземь, руки скрестил на груди — видно, готовился к обстоятельной беседе. И заговорил первый:

— Пока не пришли краснокожие люди, мы жили в этом месте?

— Вы жили в таких же местах, повсюду среди гор. Теперь вас осталось очень мало. За то время, пока вы были у меня в доме, вы, естественно, забыли, как надо жить под открытым небом.

— Мы опять научимся. Мы хотим остаться здесь.

У него была такая серьезная, озабоченная рожица, что я протянул руку и ободряюще потрепал его по гривке.

Над нами послышался шелест крыльев. Два лесных голубя пролетели над ручьем и скрылись в ветвях дуба на другом берегу.

— Вот ваша пища, если только вы сумеете их убивать,— сказал я.

— А как?

— На дереве ты их вряд ли поймаешь. Надо подняться повыше и поймать одного в воздухе, когда они полетят прочь. Как, по-твоему, сможешь ты подняться так высоко?

Он медленно осмотрелся, словно измеряя взглядом ветерок, что играл в ветвях и пробегал по траве на склоне холма. Казалось, он летал уже тысячи лет и теперь обращается к извечному опыту.

— Я могу подняться вон туда. И могу немного продержаться. А они долго просидят на дереве?

— Может быть, и нет. Посматривай на это дерево, вдруг они снимутся, пока ты будешь взбираться по стволу.

Он отбежал к соседнему дубу и начал карабкаться наверх. Вскоре он уже спрыгнул с макушки, метнулся вдоль по лощине, и почти тотчас его подхватило теплым током воздуха, восходящим по склону холма. В мгновение ока он очутился уже на высоте примерно двухсот футов. Повернул над вершиной холма и направился обратно к нам.

Обе подружки неотрывно следили за ним. В недоумении двинулись ко мне, то и дело оглядываясь. Подошли, молча остановились рядом со мной. И, заслоняясь от солнца крохотными ладонями, следили, как он пронесся прямо над нами на высоте чуть ли не двухсот пятидесяти футов.

Одна, все не сводя глаз с его распахнутых крыльев, крепко ухватила меня за рукав.

Он пронесся высоко над ручьем и повис над тем холмом, где опустились голуби. В листве дуба слышалось их воркованье. Я подумал — они не расстанутся со своим убежищем, пока так близко над ними темнеет ястребиный силуэт планеренка.

Я сжал лапку, вцепившуюся в мой рукав, и, показывая пальцем, сказал:

— Он хочет поймать птицу. Птица вон там, на дереве. Заставь птицу взлететь, тогда он ее поймает. Смотри,— я поднялся, подобрал с земли палку.— Можешь ты сделать вот так?

И я запустил палкой в соседний дуб. Потом нашел для малышки другой сучок. Она кинула его лучше, чем я ожидал.

— Молодец, девочка. Теперь беги на другой берег, к тому дубу, и кинь в него палкой.

Она ловко вскарабкалась на дуб рядом с нами и метнулась через ручей. Устремилась к холму напротив и без промаха опустилась на то дерево, где прятались голуби.

Птицы вырвались из гущи ветвей и, мягко взмахивая крыльями, круто пошли вверх.

Мы со второй самочкой оглянулись. Паривший в небе планеренок наполовину сложил крылья и канул вниз — золотая молния в синеве.

Голуби оборвали подъем и, торопливо махая крыльями, кинулись в сторону. Планеренок приоткрыл одно крыло. Головокружительный поворот — и он уже вновь сверкающей стрелой мчится вниз.

Голуби разделились и зигзагами бросились в конец лощины. Тут планеренок меня удивил: внезапно он распахнул крылья

и опустился ниже того голубя, за которым гнался, потом взмыл вверх и перехватил его на лету.

На миг он сложил крылья. Затем они вновь распахнулись, голубь камнем упал на склон холма. А планеренок мягко опустился на вершине и стоял там, глядя на нас.

Самочка рядом со мной прыгала от восторга и выкрикивала что-то свое, непонятное. Та, что спугнула голубей с дерева, уже скользила к нам по воздуху, стрекоча, точно сойка.

То был настоящий триумф. Спускаться герою пришлось, конечно, пешком — он не мог держаться в воздухе с такой ношей. Подружки, разбежавшись, взлетели ему навстречу. Они осыпали его ласками и на время задержали, но наконец он сошел с холма, гордый и важный, как всякий удачливый охотник.

Птица вызывала восторг и любопытство. Они тормошили ее, восхищались перьями, исполнили вокруг нее что-то вроде пляски диких. Но вскоре охотник обернулся ко мне:

— Нам это съесть?

Я засмеялся и сжал его четырехпалую лапку. На песчаном пятачке под дубом, осенявшим ручей, я развел крохотный костер. Это было еще одно чудо, но сперва следовало научить их чистить птицу. Потом я показал, как насадить ее на вертел и поворачивать над огнем.

А потом я принял участие в трапезе — отщипнул клочок голубятины. Во время пиршества они шумно ликовали и целовались лоснящимися от жира губами.

Уже стемнело, когда я спохватился, что мне пора. Предупредил их, чтобы по очереди стояли на часах, не давали огню угаснуть, а если кого-нибудь заслышат, взобрались бы на дерево. Самец отошел от костра, провожая меня.

— Обещай, что вы никуда отсюда не уйдете, пока все не будут к этому готовы,— снова сказал я.

— Нам тут нравится. Мы останемся. Завтра ты принесешь других?

— Да, я принесу еще, вас много, только обещай держать всех тут, в лесу, до тех пор, пока вам можно будет переселиться в другое место.

— Обещаю.— Он поднял глаза к ночному небу, в отсвете костра я увидел на его лице недоумение.— Ты говоришь, мы прилетели оттуда?

— Так мне рассказывали ваши старики. А тебе они разве не говорили?

— Я не помню стариков. Расскажи.

— Старики рассказывали, что вы прилетели на корабле со звезд задолго до того, как сюда пришли краснокожие люди.

Я стоял в темноте и невольно улыбался, представляя себе воскресные выпуски газет, которые появятся здак через год, а то и раньше.

Он долго смотрел в небо.

— Эти точки, которые светятся, зто и есть звезды?

— Да.

— Которая наша?

Я огляделся и показал:

— Вон, над тем деревом. Вы с Венеры.— И тут же спохватился: не надо было говорить ему подлинное имя.— На вашем языке она называется Пота.

Он пристально посмотрел на далекую планету и пробормотал:

— Венера. Пота.

На следующей неделе я переправил в дубовую рощу всех планерят. Их было сто семь — мужчин, женщин и детей. Неожиданно для меня они разделились на группы: от четырех до восьми взрослых пар и тут же, при матерях, ребятишки. Внутри группы взрослые не разбивались на супружеские пары, но, по-видимому, за пределы группы эти отношения не выходили. Таким образом, группа выглядела как одна большая семья, мужчины заботились обо всех детях без разбору и одинаково их баловали.

К коицу недели эти сверхсемьи рассеялись по нашему ранчо примерно на четыре квадратных мили. Они открыли для себя новое лакомство — воробьев, и без труда били эту дичь, когда она устраивалась нв ночлег. Я научил планерят добывать огонь трением, и они уже мвстерили на деревьях затейливые домики-беседки из траaы, ветвей и вьющихся растений — и днем и ночью там спокойно спала детвора, а иногда и взрослые.

В тот день, когда вернулась моя женв с детьми, у нас хлопотала целая артель рабочих: сносили зверинец и лабораторию. Всех подопытных мутантов еще раньше усыпили, биоускоритель и прочее лабораторное оборудование рвзобрали. Пусть не останется ничего такого, что потом дало бы поaод как-то связать внезапное появление планерят со мной и моим ранчо. Через считанные недели планерята наверняка научтся существовать вполне самостоятельно и у них сложатся начатки собственной культуры. Тогда им можно будет уйти с моей земли — и тут-то я позабавлюсь.

Жена вышла из машины, поглядела на рабочих, торопливо разбиравших остов зверинца и лаборатории, спросила с недоумением:

— Что тут творится?

— Я закончил работу, эти постройки больше не нужны. Теперь я напишу доклад о том, что показали мои исследования.

Жена испытующе поглядела на меня и покачала головой.

— А я-то думала, ты зто серьезно. Написать бы надо. Это был бы твой первый ученый труд.

— А куда делись животные? — спросил сын.

— Я их передал университету для дальнейшего изучения,— солгал я.

— Решительный мужчина наш папка! — сказал сын.

Через двадцать четыре часа на ранчо не осталось ни следа каких-либо опытов над животными.

Если, конечно, не считать того, что рощи и леса кишели планерятами. По вечерам, сидя на террасе, я их слышал. Они пролетали в темной вышине, и до меня доносились болтовня, смех, а порой и любовный вздох. Однажды стайка их медленно пересекла диск полной луны, но, кроме меня, никто ничего не заметил.

Каждый день я ходил в первый лагерь планерят навестить старшего самца — он, видимо, утвердился как вожак всех семей. Он заверял меня, что планерята не отдаляются от рвнчо, но и жаловался: дичи становится маловато. В остальном все хорошо.

Планерята-мужчины вооружились маленькими копьями с каменными наконечниками и оперенными древками и метали их на лету. По ночам они сбивали этим оружием с насеста спящих воробьев, а днем убивали самую крупную дичь — кроликов.

Женщины теперь украшали голову пестрыми перьями сойки. Мужчины носили голубиные перья, а иногда набедренные повязки из кроличьего пуха. Я кое-что почитал и научил их примитивным способом дубить беличьи и кроличьи шкурки: пригодятся для древесных жилищ.

Жилища эти строились все более искусно: стены и пол ловко сплетены из прутьев, кровля — плотно уложенная дранка. Снизу, по моей подсказке, домики были отлично замаскированы.

Чем дальше, тем больше я восхищался своими малышами. Я мог часами смотреть, как взрослые — и мужчины и женщины — играют с детьми или учат их летать. Мог просидеть целый день, глядя, как они строят древесный домик.

И однажды жена спросила:

— Что ты делал в лесу, наш великий охотник?

— Отлично провел время. Наблюдал всяких лесных жителей.

— Вот и наша дочь тоже.

— То есть?

— У нее сейчас в гостях двое.

— Кто двое?

— А я не знаю. Ты-то сам их как называешь?

Перемахивая через три ступеньки, я бросился вверх по лестнице и ворвался в комнату дочери.

Она сидела на кровати и читала книжку двум планерятам. Один широко улыбнулся мне и сказал по-английски:

— Привет, король Артур!

— Что тут происходит? — спросил я всех троих.

— Ничего, папочка. Просто мы читаем, как всегда.

— Как всегда? И давно это тянется?

— О, уже сколько недель! Когда ты первый раз пришел ко мне в гости, Пушок?

Нахальный планеренок, который назвал меня королем Артуром, улыбнулся ей и, словно бы подсчитав, повторил:

— О, уже сколько недель!

— Но ты их учишь читать!

— Ну конечно. Они очень способные и очень благодарны мне. Папа, ты ведь их не прогонишь? Мы с ними очень любим друг дружку. Правда?

Планерята усиленно закивали. Дочь опять обернулась ко мне.

— А знаешь, пап, они умеют летать! Вылетают из окна — и прямо в небо!

— Вот как? — язвительно осведомился я и холодно посмотрел на обоих планерят.— Придется поговорить с вашим вождем.

Внизу я напустился на жену:

— Почему ты мне не сказала, что творится в доме? Как ты могла разрешить это знакомство и не посоветоваться со мной?

У жены стало такое лицо... уж и не знаю, когда я видел ее такой.

— Вот что, милостивый государь. Вся твоя жизнь для нас — секрет. Так с чего ты взял, что и у дочки не могут завестись свои маленькие секреты?

Она подошла ко мне совсем близко, в голубых глазах сверкали сердитые искры.

— Напрасно я тебе сказала. Я ей обещала не говорить ни одной живой душе. А тебе сказала — и вот, не угодно ли! Носишься по всему дому как бешеный только потому, что у девочки есть свой секрет.

— Хорош секрет! — заорал я.— А ты не подумала, что это может быть опасно? Эти зверюшки чувственны сверх меры и...

Я запнулся, настало ужасное молчание. Жена посмотрела на меня с язвительной, недоброй усмешкой.

— С чего это ты вдруг стал таким стражем добродетели,

прямо как евнух при гареме? Они очень милые, ласковые создания и совершенно безобидные. Только не воображай, будто я не понимаю, что к чему. Ты сам же их вывел. И если у них есть какие-нибудь нечистые мысли, я уж знаю, откуда они их набрались.

Я вихрем вылетел из дому. Вскочил в джип и понесся в дубовую рощу.

Вождь наслаждался жизнью. Прислонясь спиной к стволу, он уютно расположился под дубом, в ветвях которого скрывался его домик: одна из женщин жарила для него на маленьком костре воробья. Он приветливо поздоровался со мной на языке планерят.

— Тебе известно, что сейчас двое из твоего племени сидят в комнате у моей дочери? — в сердцах выпалил я.

— Да, конечно,— спокойно ответил он.— Они к ней ходят каждый день. А разве это плохо?

— Она их учит словам людей.

— Ты говорил, некоторые люди могут стать нам врагами. Нам непременно надо понимать человеческие слова, тогда будет легче защищаться.

Он протянул руку и откуда-то из-за ствола, из потаенного уголка вытащил на свет божий... номер сан-францисской «Хроники»! Я остолбенел.

— Мы это достаем из ящика перед твоим домом,— чуть виновато сказал он.

И разостлал газету на земле. Я увидел дату — газета была вчерашняя. Вождь сказал гордо:

— От тех двоих, которые ходят к тебе в дом, я тоже выучился человеческим словам. Я почти все здесь могу «прочитать», как говорят люди.

Я стоял и смотрел на него, разинув рот. Как теперь поправить дело, чтобы не пропала моя великолепная шутка? Покажется ли правдоподобным, что планерята, слушая и наблюдая людей, выучились человеческому языку? Или с ними подружился человек и научил их?

Да, так: хочешь не хочешь, а надо отказаться от безвестности. Моя семья обнаружила колонию планерят на нашем ранчо, и мы научили их говорить по-человечьи. Буду держаться правды.

Вождь повел длинной тонкой рукой над листом газеты.

— Люди опасные. Если мы отсюда уйдем, они застрелят нас из своих ружей.

Я поспешил его успокоить:

— Этого не будет. Когда люди узнают про вас, они вас не тронут.— Я сказал это очень внушительно, однако в душе впервые усомнился: пожалуй, для планерят все это далеко не шутка.

И все-таки продолжал:— Сейчас же отошли семьи подальше друг от друга. Сам со своей семьей оставайся тут, чтоб нам не потерять связь, а другие пускай переселяются.

Он покачал головой.

— Нам нельзя уйти из этих лесов. Люди нас застрелят.— Он встал, в упор глядя на меня огромными круглыми глазами ночной птицы.— Может быть, ты нам не друг. Может быть, ты нам говорил неправду. Почему ты говоришь, что нам надо уйти из безопасного места?

— Вам будет лучше. Там будет больше дичи.

Он все смотрел мне прямо в глаза.

— Там будут люди. Один уже застрелил одного из нас. Мы его простили, и теперь мы с ним друзья. Но один из нас умер.

Я был ошеломлен.

— Вы подружились еще с одним человеком?!

Вождь кивнул и показал в конец лощины:

— Сегодня он там, в гостях у другой семьи.

— Идем!

Порой он с разбегу поднимался в воздух и планировал, но даже несмотря на эти короткие перелеты не поспевал за мной. То крупно шагая, то переходя на рысь, я держался впереди. Я тяжело дышал — и от усталости и от тревоги: кто знает, как повернется разговор с этим незнакомцем...

За поворотом ручья, у костра, на котором готовили еду, сидел на траве мой сын, играл с крохотным крылатым детенышем и разговаривал со взрослым планеренком. Пока я подходил ближе, сын подбросил детеныша в воздух. Крылышки расправились и малыш плавно опустился на подставленные ладони.

Между тем мой мальчик говорил стоящему рядом планеренку:

— Нет, я уверен, что вы не со звезд. Чем больше думаю, тем больше уверен, что это мой отец...

— Что ты тут болтаешь? — заорал я у него за спиной.

Взрослый планеренок подскочил на добрых два фута. Сын медленно повернул голову и посмотрел на меня. Потом передал детеныша планеренку и встал.

— Нечего тебе здесь околачиваться! — кипятился я.

Несколькими словами сомнения он погубил весь богатый запас планерятских легенд.

Он отряхнул прилипшие к штанам травинки и выпрямился. И посмотрел на меня так, что я мигом остыл.

— Папа, вчера я убил одного такого человечка. Я охотился, и принял его за ястреба, и застрелил его. Если б ты рассказал мне про них, я бы его не убил.

Я не смел посмотреть ему в лицо. Опустил голову и уставился на траву. У меня горели щеки.

— Вождь говорит, ты настаиваешь, чтобы они поскорее переселились от нас. Ты, видно, думаешь здорово над всеми подшутить, так, что ли?

Я услышал, как подошел вождь и молча остановился позади меня.

Сын сказал тихо:

— По-моему, не слишком удачная шутка, папа. Он так кричал, когда я в него попал...

В траве чернела, шевелилась ожиаленная муравьиная дорога. Мне почудилось — небо наполнил странный гулкий звон. Наконец я поднял голову и посмотрел на сына.

— Пойдем, мальчик. Я отвезу тебя домой, в машине обо всем поговорим.

— Я лучше пройдусь.

Он слабо махнул рукой планерэнку, с которым разговаривал до моего прихода, потом вождю. Перескочил через ручей и скрылся в дубраве.

Планеренок с малышом на руках таращил на меня глаза. Где-то в дальнем конце лощины каркала ворона. На вождя я не посмотрел. Круто повернулся, прошел мимо него и один зашагал к своему джипу.

Дома я откупорил бутылку пива и уселся на террасе ждать сына. Жена прошла из сада в дом с охапкой срезанных цветов, но не заговорила со мной. На ходу она отрывисто щелкала ножницами.

Над террасой проплыл планеренок и нырнул в окно дочкиной комнаты. Через минуту он метнулся обратно. И сейчас же за ним выпрыгнули из окна два планеренка, которых я видел у дочки днем. Легко набирая высоту, все трое плавно повернули к востоку, я смотрел им вслед, и нехорошо, смутно было у меня на душе.

Когда я наконец отхлебнул пива, оно было уже теплое. Я отставил его прочь. Немного погодя на террасу выбежала дочка.

— Папочка, мои планерята улетели. Мы даже не досмотрели телевизор, и они попрощались. И сказали, что мы больше не увидимся. Это ты их прогнал?

— Нет. Я не прогонял.

Она посмотрела на меня горящими глазами. Нижняя губа надулась и дрожала, точно розовая слезинка.

— Это ты, папа, ты!

И, громко топая, она с плачем убежала в дом.

О господи! За один день я умудрился стать убийцей и лгуном.

Уже вечерело, когда вернулся сын. Заслышав в доме знакомые шаги, я его окликнул, он вышел и остановился передо мной. Я поднялся.

— Прости меня, сын. Мне так горько то, что с тобой случилось — никакими словами не скажешь. Твоей вины тут нет, я один виноват. Надеюсь, когда-нибудь ты сможешь забыть, каково тебе было, когда ты увидел, кого подстрелил. Сам не понимаю, как я не подумал, что может стрястись такая беда. Чересчур увлекся, хотел поразить весь мир — и вот...

Я замолчал на полуслове. Больше говорить было нечего.

— Ты собираешься выставить их с нашего ранчо? — спросил он.

Я растерянно уставился на него.

— После того, что случилось?!

— Слушай, пап, а что же ты станешь с ними делать?

— Вот я сейчас пытаюсь решить. Не знаю, что для них будет лучше.— Я взглянул на часы.— Пойдем-ка поговорим с вождем.

Он просиял, дружески хлопнул меня по плечу. Мы побежали к джипу и помчались назад в лощину. Холмы пылали в косых лучах заходящего солнца.

Пробираясь по лощине между темнеющими дубами, мы почти не разговаривали. Мне все сильней становилось не по себе — это смутное чувство охватило меня с той минуты, как трое планерят взлетели с моей террасы и деловито устремились на восток.

У стоянки вождя мы вышли из машины, но здесь никого не было. Костер догорел, чуть розовела кучка углей. Я громко позвал на языке планерят — никто не откликнулся.

Мы переходили от стоянки к стоянке — костры всюду погасли. Мы взбирались на деревья — все домики опустели. Мне стало и страшно и муторно. Я звал и звал, пока совсем не охрип.

Наконец, уже в темноте, сын взял меня за локоть.

— Что ты думаешь делать, пап?

Я стоял среди пугающего, безмолвного леса, меня била дрожь.

— Придется позвонить в полицию и газеты, предупредить...

— Как по-твоему, куда они девались?

Я посмотрел на восток — там, в исполинском провале меж двух высоких гор, словно светляки в глубокой чаше, роились и мерцали звезды.

— Последние трое, которых я видел, полетели в ту сторону.

Мы пропадали с сыном несколько часов. А когда вышли к ярко освещенной террасе, я заметил на дорожке тень вертолета. И увидел на террасе Гая. Он сгорбился в кресле, обхватив голову руками.

— Он был вне себя,— говорила Эми моей жене.— И ничего не мог поделать. Мне пришлось утащить его оттуда, я и решила, наверно, вы будете не против, если мы прилетим сюда, к вам, и уж тут вместе подумаем, как быть.

Я подошел к ним.

— Здравствуй, Гай. Что случилось?

Он поднял голову, медленно встал и подал мне руку.

— Все идет прахом. Они все погубят, мы даже не решаемся подойти поближе.

— Да что случилось?

— Только мы ее подготовили к пуску...

— Кого подготовили?

— Ракету.

— Какую ракету?

— На Венеру, конечно! — простонал Гай.— Ракету «Гарольд».

— Я как раз говорила Гаю, что мы понятия об этом не имеем, нам неделями не доставляют газету. Я жаловалась...

Я махнул жене, чтоб замолчала, и поторопил Гая:

— Давай рассказывай.

— Только я нажал кнопку и люк стал закрываться, откуда ни возьмись — туча филинов. Окружили корабль, набились в люк, и уж не знаю как, но не дали ему закрыться.

— Наверно, их были сотни,— сказала Эми.— Летят, летят без конца — и прямо в люк. А потом стали выкидывать вон все записывающие приборы. Люди пытались подогнать автотрап, но один филин каким-то прибором ударил моториста по голове, и тот потерял сознание.

Гай обратил ко мне осунувшееся, страдальческое лицо.

— А потом люк закрылся и мы уже не решались подойти к кораблю. Взлет предполагался через пять минут, но он не взлетел. Должно быть, эти треклятые филины...

На востоке полыхнуло яркое зарево. Мы обернулись. За горами по черному бархату неба снизу вверх черкнул золотой карандаш.

— Вот она! — закричал Гай.— Моя ракета! — и докончил со стоном: — Все пропало...

Я схватил его за плечи:

— Она не долетит до Венеры?!

Он в отчаянии стряхнул мои руки.

— Конечно, долетит! До автопилота им не добраться. Но ракета ушла без единого записывающего прибора, и даже телепередатчика на борту не осталось. Весь груз — стая филинов.

Мой сын рассмеялся.

— Вот так филины! Папка может вам кое-что порассказать...

Я свирепо нахмурился. Он прикусил язык, потом запрыгал по террасе.

— Вот это да! Здорово! Лучше не бывает!

Зазвонил телефон. Проходя по террасе, я стиснул плечо сына:

— Молчи! Ни звука!

Он прыснул:

— И сел же ты в калошу, пап. А мне трепаться незачем. Так, разве что иногда про себя посмеюсь.

— Хватит болтать.

Он уцепился за мой локоть и пошел со мной к телефону, корчась от сдерживаемого смеха.

— Погоди, вот люди высадятся на Венере, а венериане им поведают легенду о Великом Бледнолицем Отце из Калифорнии. Вот тогда я все расскажу.

Звонил какой-то бешеный псих, ему срочно требовался Гай. Я стоял возле Гая, и даже до меня долетал крик, несущийся по проводам.

Потом Гай сказал:

— Нет, нет. Что взлет задержался — не беда, автопилот это скорректирует. Не в том суть. Просто на борту не осталось никаких приборов... Что? Что еще стряслось? Да вы успокойтесь. Ничего не понимаю...

А тем временем Эми рассказывала моей жене:

— Знаешь, там вышла очень странная история. Мне показалось, эти филины что-то тащат на спине. А один что-то уронил, и кто-то из людей это поднял и развернул. Такой пакетик из большого листа. И знаешь, что там было? Ты не поверишь: три жареные птички! Зажаренные по всем правилам, с такой румяной корочкой!

Сын подтолкнул меня локтем в бок.

— Молодцы филины, сообразили. Дорога-то дальняя.

Я зажал ему рот ладонью. И вдруг увидел, что Гай отвел трубку от уха и рука его беспомощно повисла.

— Сейчас получена радиограмма с борта ракеты,— заикаясь выговорил он.— Верно, радио они не выкинули. Но такой записи у нас там не было... Прокрутите еще раз! — крикнул он в трубку и сунул ее мне.

Несколько минут слышались только треск и помехи. А потом зазвучал записанный на пленку мягкий, тонкий голосок:

— Говорит ракета «Гарольд», все идет хорошо. Говорит ракета «Гарольд», до свидания, люди!

Короткое молчание — и другой голос заговорил на певучем языке планерят:

— Человек, который нас сделал, мы тебя прощаем. Мы знаем,

что не прилетели со звезд, зато мы улетаем к звездам. Я, вождь, приглашаю тебя в гости. До свидания!

Мы стояли вокруг телефона потрясенные, не в силах заговорить. На меня вдруг нахлынула безмерная печаль.

Долго я стоял и смотрел на восток, где меж черных грудей широко раскинувшейся горы в глубокой чаше роились и мерцали светлячки звезд.

А потом я сказал другу моему Гаю:

— Послушай, а скоро ты сумеешь запустить на Венеру ракету с людьми?

Перевод с английского Норы ГАЛЬ
(Печатается с сокращениями)

ФРАНСИСКО ГАРСИА ПАВОН

Когда стены стали прозрачными

И без рекламы было давно известно, что существуют приемники, при помощи которых можно слышать разговор в соседнем доме. Использовала их только полиция для целей контрразведки или в некоторых других, особо важных случаях.

Потом выяснилось, что все происходящее поблизости стало возможным видеть на экране телевизора. Об этом новом достижении техники говорилось очень мало, и применялось оно тоже только в исключительных случаях.

Но однажды — здесь-то, собственно, и начинается наша история — какой-то радиолюбитель, не получивший даже технического образования, совершенно самостоятельно (и, по-видимому, случайно) обнаружил, что, подключив к обычному телевизору какой-то другой доступный всем и каждому бытовой прибор, можно на довольно значительном расстоянии видеть и слышать сквозь стены.

Изобретатель сразу сделал новое устройство всеобщим достоянием, и, прежде чем власти смогли этому помешать, город был полон комбинированных телеприемников, обещавших столько радости скучающим и любопытным. Прошло чуть больше года, и уже в любом доме среднего достатка можно было увидеть все, что происходит вокруг в радиусе десяти километров,— для этого достаточно было включить самый обыкновенный телевизор и воспользоваться легко изготовляемой приставкой.

Так возникло положение, приведшее затем к хорошо известным бедам.

За какие-то месяцы внутренний мир горожан претерпел удивительные изменения. Столь радикально и драматично психология

людей не менялась еще ни разу за всю долгую историю человечества. Внезапно все почувствовали, что за каждым мгновением их жизни наблюдают посторонние, и одновременно сами ощутили неодолимое желание наблюдать жизнь других. Дело дошло до того, что тот, кто пытался узнать тайны соседа, сплошь и рядом обнаруживал: сосед, сидя перед телевизором, сам, в свою очередь, смотрит на него.

Но когда, наконец, новое развлечение стало частью повседневной жизни, то сперва наиболее тонко чувствующих, а потом и вообще всех людей охватила невыразимая тоска. Исчезла естественность, с которой вели себя люди, когда оставались одни. Теперь они двигались и разговаривали так, как будто дверь в их комнату всегда приоткрыта.

Правда, сперва феномен «всевидящего ока» очень благотворно повлиял на поведение горожан в семье.

Например, хозяйки стали следить за тем, чтобы стол был сервирован всегда красиво, скатерть и салфетки были чистые, а посуда — новая. Все выходили к столу празднично одетые, усаживались за стол с улыбкой и разговаривали друг с другом очень приветливо. Кушанья выглядели всегда аппетитно. Чистота и порядок в домах царили идеальные — все блестело. Прислуга — всегда в передниках, дети за столом — нарядные и чинные. О выборе блюд на завтрак, обед и ужин и говорить нечего — тут началось бешеное соревнование. «На десерт хорошо бы суфле, как у этих, из сто пятьдесят восьмой,— шептала мужу жена где-нибудь на улице.— И французский коньяк к кофе — пусть эта дура, которая все время на нас смотрит, не думает, что это нам не по карману!»

Такие разговоры можно было вести не всегда и не везде: не только было видно все, что делает человек у себя дома, но и был слышен самый тихий звук. Стать невидимым в случае особой необходимости было можно — для этого гасили свет или занавешивали окна; зато способа сделать так, чтобы тебя не слышали, не существовало. Если в наблюдаемой комнате было темно, экран тоже оставался темным, однако все, что в ней говорилось, было слышно великолепно. Когда нужно было пойти в ванную или в спальню, туда входили, не зажигая света, или брали с собой карманный фонарик.

В некоторые часы суток, переключая телевизор с одной квартиры на другую, можно было видеть лишь темноту и в ней кое-где световые пятна от карманных фонариков. Если же на экране была видна хозяйка дома, то, разодетая в пух и прах, она сидела в кресле и читала что-нибудь рассчитанное на самый взыскательный вкус и для нее наверняка непонятное.

Супружеским парам пришлось отказаться от привычки обсуждать за обедом свои дела. Теперь потоки жалоб и упреков супруги обрушивали друг на друга только в транспорте: улавливать звуки и зрительные образы из движущихся автомобилей, троллейбусов или железнодорожных вагонов пока еще было очень трудно.

Мужчины стали обертывать некоторые из своих книг, чтобы дамы не увидели, что они читают, и начали прятаться, когда у них появлялось желание напиться или поплакать. Дамы же стали особо внимательно следить за тем, какая одежда висит в их шкафах и какие флаконы стоят на туалетных столиках.

Вскоре все люди стали существами с одинаковой застывшей улыбкой и безупречными манерами, короче говоря, стали вести себя так, как будто они все время у кого-то в гостях. Это постоянное подавление естественных человеческих чувств приводило к взрывам, возымевшим, как мы вскоре увидим, самые серьезные последствия.

Работа в учреждениях и на предприятиях, превратившись в настоящую пытку, стала в то же время необычайно производительной, потому что все, зная, что за ними наблюдают, работали с особым усердием и не отвлекались ни на миг.

Даже дети вели себя теперь по-другому, помня, что за ними наблюдает всевидящее око.

Ни один из способов, какими пробовали устранить неприятные последствия нового изобретения, не дал результатов. Человеческое любопытство столь ненасытно, что никому не хотелось лишиться замочной скважины, в которую он подглядывал, даже зная при этом, что через такую же скважину наблюдают и за ним.

Среди других дурных привычек почти совершенно исчезла ложь. Никто теперь не мог сказать, что его не было дома, когда он там был, или что он находился в таком-то месте, когда на самом деле был совсем в другом. То, что в отдельных кабинетах ресторанов, равно как и в меблированных комнатах, царил мрак, дела не меняло — мужчина окончательно утратил прежнюю независимость и способность проявлять инициативу.

Умные считали, что это удручающее положение вещей скоро изменится: люди свыкнутся с мыслью о том, что за ними все время наблюдают, и каждый снова начнет делать все, что ему хочется, не обращая ни на кого внимания.

Но, увы, умники ошибались. Для того чтобы стало так, как они хотели, должны были смениться несколько поколений. За тысячелетия существования человека потребность в уединении стала для него второй натурой, и потому он не мог так быстро измениться

и почуаствовать себя вполне свободно в ноаых условиях. И за какие-нибудь несколько месяцев нервы у всех сдали.

Внезапно произошло нечто, изменившее ход событий: был открыт полимерный материал, ткань из которого почти не пропускала ни звуковых, ни электромагнитных волн. Понятно, что асе сразу кинулись обивать этой тканью свою квартиру или хотя бы одну из комнат, чтобы хоть где-то можно было отдохнуть от всеобщего недремлющего ока. Для застенчивых людей, точнее, тех из них, у кого не было денег для приобретения этого крайне дорогого материала в достаточном количестве, стали выпускать сделанную из него одежду, а также небольшие ширмы, ограждавшие от нескромных азглядов, когда это было необходимо.

На год с небольшим положение существенно изменилось. Не будет преуаеличением сказать, что за это время люди снова зажили нормальной жизнью и отчаянье стало их покидать.

Но затем один одаренный инженер, который очень скучал без ставшего привычным зрелища, изобрел маленькое устройство — приспособление к телевизору, позволяющее, когда его подключали, принимать абсолютно четко звук и изображение скаозь любые покрытия из разрекламированного материала. Все квартиры и самые тайные их уголки снова открылись зрению и слуху каждого.

Весть об этом вызвала у всех ужас, но опять восторжествовало любопытстао, взяла верх тайная мысль «Если эту штуку завели себе все другие, почему не завести ее мне? Что я теряю?» Особенно велика была власть этой мысли над женщинами. И вскоре все стало так, как было ва год до этого. Но только теперь губительные последствия наступили гораздо скорее и распространились шире — депрессия и истерия стали всеобщими. И становилось все яснее, что правительства стран, где распространилось бедствие, должны принять решительные меры, дабы пресечь это наступление на человеческое достоинство.

А тут произошло событие, еще более усугубившее страдания людей: стало возможным видеть, пусть не совсем четко, даже то, что делают в темноте. Муки людей достигли апогея. Теперь каждый день тысячи сходили с ума, совершали убийства, кончали с собой. В руках обывателей техника превратилась в опасность, равной которой еще не знало человечество.

И тогда был принят закон о «непристойном телевидении», установивший суровое наказание за использование телевизора в неблаговидных целях. Люди встретили новый закон вздохом облегчения и с радостью подчинились ему. Но еще долго власти обнаруживали и карали тех, кто не смог пересилить дурной привычки заглядывать в чужую жизнь.

Перевод с испанского Ростислава РЫБКИНА
(Печатается с сокращениями)

ЛАРРИ НИВЕН

Прохожий

Был полдень, горячий и голубой. Парк звенел и переливался голосами детей и взрослых, яркими красками их одежд. Попадались и старики — они пришли достаточно рано, чтобы занять местечко, но оказались слишком стары и слабы, чтобы удержать всю скамью.

Я принес с собой завтрак и медленно жевал сандвичи. Апельсин и вторую жестянку пива я оставил на потом. Люди сновали передо мной по дорожкам — они и в мыслях не держали, что я наблюдаю за ними.

Полуденное солнце припекло мне макушку, и я впал в оцепенение, как ящерица. Голоса взрослых, отчаянные и самозабвенные выкрики детей словно стихли и замерли.

Но эти шаги я расслышал. Они сотрясали землю.

Я приоткрыл глаза и увидел разгонщика.

Росту в нем было полных шесть футов, и скроен он был крепко. Его шарф и синие просторные штаны не слишком даже вышли из моды, но как-то не вязались друг с другом. А кожа — по крайней мере там, где ее не прикрывала одежда,— болталась на нем складками, будто он съежился внутри нее. Будто жираф напялил слоновью шкуру.

Шаг его был лишен упругости. Он вколачивал ноги в гравий всем своим весом. Не удивительно, что я расслышал, как он идет. Все вокруг или уже уставились на него или заворочали шеями, пытаясь понять, куда уставились все остальные. Кроме детей, которые тут же и позабыли о том, что видели.

Соблазн оказался выше моих сил.

Есть любопытные обыденного, повседневного толка. Когда им больше нечего делать, они подсматривают за своими соседями в ресторане, в магазине или на станции монорельсовой дороги. Они совершенные дилетанты, они сами не знают, чего ищут, и, как правило, попадаются с поличным. С такими я ничего общего не имею.

Однако есть и любопытные-фанатики, вкладывающие в это дело всю душу, совершенствующие технику подглядывания на специальных занятиях. Именно из их среды вербуются пожизненные подписчики на «Лица в толпе», «Глаза большого города» и тому подобные журнальчики. Именно они пишут в редакции письма о том, как им удалось выследить генерального секретаря ООН Харумана в мелочной лавке и как он в тот день нехорошо выглядел.

Я — фанатик. Самый отъявленный.

И вот, пожалуйста, в каких-то двадцати ярдах от меня, а то и меньше,— разгонщик, человек со звезд.

Разумеется, это разгонщик и никто другой. Странная манера одаваться, чуждые Земле драпировки из собственной кожи... И ноги, не приученные еще пружинить, неся вас тела в условиях повышенной тяжести. Он излучал смущение и робость, озирался с интересом, удивлением и удовольствием, возглашая безмолвно: я здесь турист.

Глаза, выглядывающие из-под плохо пригнанной маски лица, были ясные, синие и счастливые. От него не ускользнуло мое внимание, но ничто не могло омрачить его почти молитвенный восторг. Даже непослушныа ноги, которые, наверное, нещадно ныли. Улыбка у него была мечтательная и очень странная. Приподнимите спаниелю уголки пасти — вы получите именно такую улыбку.

Он впитывал в себя жизнь — небо, траву, голоса, все, что растет кругом. Я следил за его лицом и пытался расшифровать: может, он приверженец какой-нибудь новой, обожествляющей Землю религии? Да нет. Просто он, вероятно, видит Землю впервые, впервые настраивается биологически на земной лад, впервые ощущает, как земная тяжесть растекается по телу, и когда от восхода до восхода проходит ровно двадцать четыре часа, самые его гены внушают ему: ты дома.

Все шло как надо, пока он не заметил мальчишку.

Мальчишке было лет десять — прекрасный мальчишка, ладненький, загорелый с головы до пяток. А ведь в дни моего детства даже совсем-совсем маленьких заставляли носить одежду на улице. До той минуты я его и не видел, а он, в свою очередь, не видел разгонщика. Он стоял на дорожке на коленях, повернувшись ко мне спиной. Я не мог разглядеть, что он там делает, но он что-то делал — очень серьезно и сосредоточенно.

Прохожие на разгонщика уже почти не обращали внимания — кто по безучастности, кто от переизбытка хороших манер. Я же глаз с него не сводил. Разгонщик наблюдал за мальчишкой, а я изучал его самого из-под полуприкрытых век, прикидываясь стариком, задремавшим на солнышке. Существует непреложное, как принцип Гейзенберга, правило: ни один подлинный любопытный не допустит, чтобы его поймали.

Мальчишка вдруг нагнулся, потом поднялся на ноги, сомкнув ладони перед собой. Двигаясь с преувеличенной осторожностью, он свернул с дорожки и пошел по траве к потемневшему от старости дубу.

Глаза у разгонщика округлились и вылезли из орбит. Удовольствие соскользнуло с его лица, выродившись в ужас, а потом и от

ужаса ничего не осталось. Глаза закатились. Колени у звездного гостя начали подгибаться.

Хоть я и не могу теперь похвалиться резвостью, я успел подскочить к нему и подставить свое костлявое плечо ему под мышку. Он с готовностью навалился на меня всем весом. Мне бы тут же сложиться вдвое и втрое, но я, прежде чем сделать это, сумел кое-как доволочь его до скамейки.

— Доктора! — бросил я какой-то удивленной матроне. Живо кивнув, она удалилась вперевалочку. Я вновь обернулся к разгонщику. Он смотрел на меня мутным взглядом из-под прямых черных бровей. Загар лег ему на лицо странными полосами: оно потемнело повсюду, куда солнце могло добраться, и было белым как мел там, где складки хранили тень. Грудь и руки были расцвечены таким же образом. И там, где кожа оставалась белой, она побледнела еще сильнее от шока.

— Не надо доктора,— прошептал он.— Я не болен. Просто увидел кое-что.

— Ну конечно, конечно. Опустите голову между колен. Это убережет вас от обморока.

Я открыл еще не початое пиво.

— Сейчас я приду в себя,— донесся его шепот из-под колен. На нашем языке он говорил с акцентом, а слабость принуждала его еще и глотать слова.— Меня потрясло то, что я увидел.

— Где? Здесь?

— Да. Впрочем, нет. Не совсем...

Он запнулся, будто переключаясь на другую волну, и я подал ему пиво. Он посмотрел на него озадаченно, как бы недоумевая, с какого конца взяться за банку, потом наполовину осушил ее одним отчаянным глотком.

— Что же такое вы видели? — осведомился я.

Пришлось ему оставить пиво недопитым.

— Чужой космический корабль. Если бы не корабль, сегодняшнее ничего бы не значило.

— Чей корабль? Кузнецов? Монахов?

«Кузнецы» и «монахи» — единственно известные инопланетные расы, овладевшие звездоплаванием. Не считая нас, разумеется. Я никогда не видел чужих космических кораблей, но иногда они швартуются на внешних планетах.

Глаза на складчатом лице разгонщика обратились в щелочки.

— Понимаю. Вы думаете, я о каком-нибудь корабле, официально прибывшем в наш космический порт.— Он больше не глотал слова.— Я был на полпути между системами Хорвендайл и Кошеи. Потерпел катастрофу почти на скорости света и ожидал неизбежной

гибели. Тогда-то я и увидел золотого великана, шагающего среди звезд.

— Человека? Значит, не корабль, а человека?

— Я решил, что это все-таки корабль. Доказать не могу.

Я издал глубокомысленный невнятный звук, дав ему тем самым понять, что слушаю, но не связываю себя никакими обязательствами.

— Давайте уж я расскажу вам все по порядку. К тому моменту я уже удалился на полтора года от точки старта. Это была бы моя первая поездка домой за тридцать один год...

Лететь на разгонном корабле — все равно что лететь верхом на паутине.

Даже до развертывания сети такой корабль невероятно хрупок. Грузовые трюмы, буксирные грузовые тросы с крючьями, кабина пилота, система жизнеобеспечения и стартовый термоядерный реактор — все это втиснуто в жесткую капсулу неполных трехсот футов длиной. Остальную часть корабля занимают баки и сеть.

Перед стартом баки заполняются водородным топливом для реактора. Пока корабль набирает скорость, достаточную для начала разгона, половина топлива выгорает и замещается разреженным газом. Баки теперь играют роль метеоритной защиты.

Разгонная сеть представляет собой ковш из сверхпроводящей проволоки, тонкой, как паутина,— десятки тысяч миль паутины. Во время старта она скатана в рулон не крупнее главной капсулы. Но если пропустить через нее отрицательный заряд определенной величины, она развертывается в ковш диаметром двести миль.

Под воздействием противоположных по знаку полей паутина поначалу колышется и трепещет. Межзвездный водород, разжиженный до небытия — атом на кубический сантиметр, попадает в устье ковша, и противоборствующие поля сжимают его, нагнетая к оси. Сжимают, пока не вспыхивает термоядерная реакция. Водород сгорает узким голубым факелом, слегка отороченным желтизной. Электромагнитные поля, возникающие в термоядерном пламени, начинают сами поддерживать форму сети. Пробуждаются могучие силы, сплетающие паутину, факел и поступающий в ковш водород в одно неразъединимое целое.

Главная капсула, невидимо крошечная, висит теперь на краю призрачного цилиндра двухсот миль в поперечнике. Крохотный паучок, оседлавший исполинскую паутину.

Время замедляет свой бег, расстояния сокращаются тем значительнее, чем выше скорость. Водород, захваченный сетью, течет сквозь нее все быстрее, мощность полей в разгонном ковше на-

растает день ото дня. Паутина становится все прочнее, все устойчивее. Теперь корабль вообще не нуждается в присмотре — вплоть до разворота в середине пути.

— Я был на полдороге к Кошеи,— рассказывал разгонщик,— с обычным грузом — генетически видоизмененными семенами, специями, прототипами машин. И с тремя «мумиями» — так мы называем пассажиров, замороженных на время полета. Короче, наши корабли возят все, чего нельзя передать при помощи лазера связи.

Я до сих пор не знаю, что произошло. Я спал. Я спал уже несколько месяцев, убаюканный пульсирующими токами. Быть может, в ковш залетел кусок метеорного железа. Может, на какой-нибудь час концентрация водорода вдруг упала, а затем стремительно возросла. А может, корабль попал в резко очерченный район положительной ионизации. Так или иначе, что-то нарушило регулировку разгонных полей, и сеть деформировалась.

Автоматы разбудили меня, но слишком поздно. Сеть свернулась жгутом и тащилась за кораблем как нераскрывшийся парашют. При аварии проволочки, видимо, соприкоснулись, и значительная часть паутины попросту испарилась.

, — Это была верная смерть,— продолжал разгонщик.— Без разгонного ковша я был совершенно беспомощен. Я достиг бы системы Кошеи на несколько месяцев раньше расписания — неуправляемый снаряд, движущийся почти со скоростью света. Чтобы сберечь хотя бы доброе имя, я обязан был информировать Кошеи о случившемся лазерным пучком и просить их расстрелять мой корабль на подлете к системе...

— Успокойтесь,— утешал я его. Зубы у него сжались, мускулы на лице напряглись, и оно, иссеченное складками, стало еще разительнее напоминать маску.— Не переживайте. Все уже позади. Чувствуете, как пахнет трава? Вы на Земле...

— Сперва я даже плакал, хоть плакать и считается недостойным мужчин.— Разгонщик огляделся вокруг, будто только что очнулся ото сна.— Вы правы. Я не нарушу никаких запретов, если сниму ботинки?

— Не нарушите.

Он снял обувь, опустил ноги в траву и пошевелил пальцами. Ноги у него были чересчур маленькими. А пальцы длинными и гибкими, цепкими, как у зверька.

Доктор так и не появился. Наверное, почтенная матрона просто удалилась восвояси, не пожелав ввязываться в чужую беду. Но разгонщик и сам уже пришел в себя.

— На Кошеи,— говорил он,— мы склонны к тучности. Сила тяжести там не так жестока. Перед тем как стать разгонщиком,

я сбросил потом половину своего веса, чтобы ненужные мне двести земных фунтов можно было заменить двумястами фунтами полезного груза.

— Сильно же вам хотелось добраться до звезд...

— Да, сильно. Одновременно я штудировал дисциплины, названия которых большинство людей не в состоянии ни написать, ни выговорить.— Разгонщик взял себя за подбородок. Складчатая кожа натянулась до неправдоподобия и не сразу спружинила, когда он отпустил ее.— Хоть я и срезал свой вес наполовину, а здесь, на Земле, у меня болят ноги. И кожа еще не пришла в соответствие с моими нынешними размерами. Вы, наверное, это заметили.

— Так что же вы тогда предприняли?

— Послал на Кошен сообщение. По расчетам, оно должно было обогнать меня на два месяца по корабельному времени.

— А потом?

— Я решил бодрствовать, провести тот недолгий срок, что мне остался, хоть с какой-то пользой. В моем распоряжении находилась целая библиотека на пленке, довольно богатая, но даже перед лицом смерти мне вскоре все наскучило. В конце концов я видел звезды и раньше. Впереди по курсу они были бело-голубыми и теснились густо-густо. По сторонам звезды становились оранжевыми и красными и располагались все реже. А за кормой лежала черная пустота, в которой еле светилась горстка догорающих угольков. Доплеровское смещение делало скорость более чем очевидной. Но самое движение не ощущалось.

Так прошло полтора месяца, и я совсем уже собрался вновь погрузиться в сон. Когда запел сигнал радарной тревоги, я попытался вообще его игнорировать. Смерть была все равно неизбежной. Но шум раздражал меня, и я отправился в рубку, чтобы его приглушить. Приборы свидетельствовали, что какая-то масса солидных размеров приближается ко мне сзади. Приближается опасным курсом, двигаясь быстрее, чем мой корабль. Я стал искать ее среди редких тлеющих пятнышек, высматривая в телескоп при максимальном увеличении. И обнаружил золотого человека, шагающего в мою сторону.

Первой моей мыслью было, что я просто-напросто спятил. Затем подумал, признаться, что сам господь бог явился по мою грешную душу. Но по мере того как изображение росло на экране телескопа, я убедился, что это все-таки не человек.

Странное дело, я вздохнул с облегчением. Золотой человек, вышагивающий среди звезд,— нечто совершенно немыслимое. Золотой инопланетянин как-то более вероятен. По крайней мере его можно разглядывать, не опасаясь за свой рассудок.

Звездный странник оказался крупнее, чем я предполагал, намного крупнее человека. Это был несомненный гуманоид, с двумя руками, двумя ногами и хорошо развитой головой. Кожа на всем его теле сияла, как расплавленное золото. На ней не проступало ни волос, ни чешуи. Необычно выглядели ступни ног, лишенные больших пальцев, а коленные и локтевые суставы были утолщенными, шарообразными...

— Вы что, так сразу и подыскали такие точные определения?

— Так сразу и подыскал. Я не хотел сознаться даже себе, насколько я испуган.

— Вы это серьезно?

— Вполне. Пришелец надвигался все ближе. Трижды я снижал увеличение — и с каждым разом видел его все яснее. На руках у него было по три пальца, длинный средний и два противостоящих больших. Колени и локти были как бы сдвинуты вниз против нормы, но казались более гибкими, чем у нас. Глаза...

— Более гибкими? Вы видели, как они сгибаются?

Разгонщик опять разволновался. Он запнулся, ему пришлось перевести дух, чтобы совладать с собой. Когда он заговорил снова, то слова застревали у него в горле.

— Я... я сначала думал, что пришелец вовсе не шевелит ногами. Но когда он приблизился к кораблю, мне почудилось, что он действительно вышагивает по пустоте.

— Как робот?

— Ну, не совсем как робот, но и не как человек. Пожалуй, можно бы сказать — как «монах», если бы не одеяние, которое их послы носят не снимая.

— Однако...

— Представьте себе гуманоида ростом с человека.— Разгонщик дал понять, что не позволит теперь прервать себя.— Представьте, что он принадлежит к цивилизации, далеко обогнавшей нашу. Если эта цивилизация обладает соответствующим техническим потенциалом, а сам он — соответствующим влиянием, и если он настроен достаточно эгоцентрично, то, быть может,— рассудил разгонщик,— быть может, он и отдаст приказ построить космический корабль по образу и подобию своему.

Вот примерно до чего я додумался за те десять минут, которые понадобились ему, чтобы догнать меня. Я не мог поверить в то, что гуманоид с гладкой, будто оплавленной кожей развился в вакууме или что он способен действительно шагать по пустоте. Самый тип гуманоида создался под воздействием притяжения, на поверхности планет.

Где пролегает граница между техникой и искусством? Придавали же некогда автомобилям, привязанным к земле, сходство

с космическими кораблями. Почему же нельзя придать кораблю сходство с определенным человеком, чтобы он двигался как человек и тем не менее оставался кораблем, а сам человек укрывался внутри него? Если бы какой-то король или миллионер заказал такой корабль, то воистину он приобрел бы дар шагать среди звезд подобно богу...

— А о себе самом вы никогда так не думали?

Разгонщик удивился.

— Я? О себе? Чепуха! Я обыкновенный разгонщик. Но, по-моему, поверить в корабли, выполненные в форме человека, все-таки легче, чем в золотых гигантов, расхаживающих в пустоте.

— И легче и для себя утешительнее.

— Вот именно.— Разгонщик вздрогнул.— Что бы это ни было, оно приближалось очень быстро, и приходилось непрерывно снижать увеличение, чтобы не терять его из виду. Средний палец у него был на два сустава длиннее наших, а большие пальцы различались по величине. Глаза, разнесенные слишком далеко друг от друга и расположенные слишком низко, к тому же светились изнутри багровым огнем. А рот представлялся широкой, безгубой горизонтальной линией.

Я даже и не подумал уклониться от встречи с пришельцем. Она не могла быть случайной. Я понимал, что он изменил свой курс специально ради меня и повернет еще раз, чтобы не допустить столкновения.

Он настиг меня раньше, чем я догадался об этом. Изменив настройку телескопа еще на один щелчок, я посмотрел на шкалу и убедился, что увеличение равно нулю. Я бросил взгляд на разреженные тускло-красные звезды и увидел золотую точку, которая в то же мгновение выросла в золотого великана.

Я, конечно, зажмурился. Когда я открыл глаза, он протягивал ко мне руку.

— К вам?

Разгонщик судорожно кивнул.

— К капсуле моего корабля. Он был намного больше капсулы, вернее, его корабль был намного больше.

— Вы все еще настаиваете, что это был корабль?

Не следовало задавать подобного вопроса — но он так часто оговаривался и так назойливо поправлялся...

— Я искал иллюминаторы во лбу и в груди. Я их не нашел. Двигался он как очень, очень большой человек.

— Об этом почти неприлично спрашивать,— произнес я,— не зная, не религиозны ли вы. Что если боги все-таки существуют?

— Чепуха.

— А высшие существа? Если мы в своем развитии превзошли шимпанзе, то, может статься...

— Нет, не может. Никак не может,— отрезал разгонщик.— Вы не понимаете основ современной ксеногении — науки о развитии организмов в космосе. Разве вам неизвестно, что мы, «монахи» и «кузнецы», по умственному развитию находимся примерно на одном уровне? «Кузнецы» даже отдаленно не похожи на людей, но и это ничего не меняет. Физическое развитие останавливается, как только вид переходит к использованию орудий.

— Я слышал этот довод. Однако...

— Как только вид переходит к использованию орудий, он больше не зависит от природной среды. Напротив, он формирует среду сообразно своим потребностям. А в остальном развитие вида прекращается. Он даже начинает заботиться о слабоумных и генетически ущербных своих представителях. Нет, если говорить о пришельце, орудия у него, возможно, были лучше моих, но ни о каком интеллектуальном превосходстве речи быть не может. И уж тем более о том, чтобы поклоняться ему, как богу.

— Вы что-то слишком горячо уверяете себя в этом,— вырвалось у меня.

В ту же секунду я пожалел о сказанном. Разгонщик весь затрясся и обнял себя обеими руками. Жест выглядел одновременно нелепым и жалостным — руки собрали целые вороха кожных складок.

— А как прикажете иначе? Пришелец взял мою главную капсулу в кулак и поднес к своему... к своему кораблю. Спасибо привязным ремням. Не будь их, меня раскрутило бы, как горошину в кипятке. И без того я на время потерял сознание. Когда я очнулся, на меня в упор смотрел исполинский красный глаз с черным зрачком посередине.

Пришелец внимательно оглядел меня с головы до ног. И я — я заставил себя вернуть взгляд. У него не оказалось ни ушей, ни подбородка. Там, где у людей нос, лицо делил костный гребень, но без признаков ноздрей. Потом он отвел меня на расстояние вытянутой руки, наверное, чтобы лучше рассмотреть капсулу. На этот раз меня даже не тряхнуло. Он, видимо, понял, что тряска может мне повредить, и сделал что-то, чтобы ее не стало. Похоже, что вообще уничтожил инерцию.

Чуть позже он на мгновение поднял глаза и вгляделся куда-то поверх капсулы. Вы помните, что сам я смотрел в кильватер своему кораблю, в сторону системы Хорвендайл — туда, где красное смещение гасило большинство звезд.— Разгонщик подбирал слова все медленнее, все осторожнее. Постепенно речь его затормозилась до того, что это причиняло мне боль.— Я давно перестал обращать

внимание на звезды. Только вдруг их стало вокруг много-много, миллионы, и все белые и яркие.

Сперва я ничего не понял. Я переключил экраны на передний обзор, потом на бортовой. Звезды казались одинаковыми во всех направлениях. И все равно я еще ничего не понимал.

Потом я вновь повернулся к пришельцу. И увидел, что он уходит. Понятно, что удалялся он куда быстрее, чем положено пешеходу. Он набирал скорость. Какие-нибудь пять секунд — и он стал невидим. Я пытался обнаружить хотя бы след выхлопных газов, но безуспешно.

Только тогда я понял...— Разгонщик поднял голову.— А где мальчишка?..

Разгонщик озирался, голубые глаза так и шарили по сторонам. Взрослые и дети с любопытством рассматривали его в ответ: еще бы, он представлял собой весьма необычное зрелище.

— Не вижу мальчишки,— повторил разгонщик.— Он что, ушел?

— Ах, вы про того... Конечно, ушел, почему бы и нет?

— Я должен кое-что узнать.

Мой собеседник поднялся, напрягая свои босые, размозженные ноги. Перешел дорожку — я за ним, ступил на траву — я за ним. Он продолжал свой рассказ:

— Пришелец был действительно очень внимателен. Осмотрел меня и мой корабль, а затем, видимо, уничтожил инерцию или каким-то образом заслонил меня от действия ускорения. И погасил нашу скорость относительно системы Кошеи.

— Но одного этого мало,— возразил я.— Вы бы все равно погибли.

Разгонщик кивнул.

— И тем не менее поначалу я обрадовался, что он убрался. Он вселял в меня ужас. Заключительную его ошибку я воспринял едва ли не с облегчением. Она доказывала, что он... человечен, конечно же, не то слово. Но, по крайней мере, способен на ошибки.

— Смертен,— подсказал я.— Он доказал, что смертен.

— Не понимаю вас. Да все равно. Задумайтесь на миг о степени его могущества. В течение полутора лет, разгоняясь при шести десятых «же», я набирал скорость, которую он погасил за какую-то долю секунды. Нет, я предпочитал смерть такому жуткому обществу. Поначалу думал, что предпочитаю.

Потом я почувствовал страх. Это было просто нечестно. Он нашел меня в межзвездной бездне затравленным, ожидающим смерти. Он почти спас меня — и бросил на верную гибель, ничуть не менее верную, чем до нашей встречи!

Я высматривал его в телескоп. Быть может, мне удалось бы

подать ему сигнал — если бы только я знал, куда нацелить лазер связи. Но я никого не нашел.

Тогда я рассердился. Я...— Разгонщик сглотнул.— Я посылал ему вдогонку проклятия. Я крыл последней хулой богов семи различных религий. Чем дальше он был от меня, тем меньше я его боялся. И только я распалился вовсю, как он... как он вернулся.

Его лицо приникло к главному иллюминатору. Его багровые глаза глянули мне в лицо. Его диковинная рука вновь заграбастала мою капсулу. А сигнал радарной тревоги едва звякнул — возвращение было таким стремительным. Я залился слезами, я принялся...

Он осекся.

— Что вы принялись?

— Молиться. Я молил о прощении.

— Ну и ну!..

— Он взял мой корабль на ладонь. И звезды взорвались у меня перед глазами...

Разгонщик и я следом за ним вступили под сень старого дуба, такого старого и такого раскидистого, что нижние его сучья пришлось подпереть железными трубами. Под деревом расположилось на отдых целое семейство — теперь оно в недоумении уставилось на нас.

— Звезды взорвались?

— Это не совсем точно,— извинился разгонщик.— На самом деле они вспыхнули во много раз ярче, в то же время сбегаясь в одну точку. Они пылали неистово, я был ослеплен. Пришелец, видимо, придал мне скорость, почти не отличающуюся от скорости света.

Я плотно прикрыл глаза рукой и не поднимал век. Я ощущал ускорение. Оно оставалось постоянным в течение всего того срока, какой понадобился моим глазам, чтобы прийти в норму. Исходя из своего богатого опыта я определил величину ускорения в десять метров в секунду за секунду...

— Но ведь это...

— Вот именно, ровно одно «же». Когда ко мне вернулась способность видеть, я обнаружил, что нахожусь на желтой равнине под сверкающим голубым небом. Капсула моя оказалась раскалена докрасна, и стенки ее уже начали прогибаться...

— Куда же это он вас высадил?

— На Землю, в заново распаханные районы Северной Африки. Бедную мою капсулу никогда не предназначали для подобных трюков. Раз уж она сплющилась от обыкновенного земного притяжения, то перегрузки при вхождении в атмосферу разнесли бы

ее вдребезги. Но пришелец позаботился, видимо, и о том, чтобы этого не случилось...

Я любопытный экстра-класса. Я способен залезть человеку в душу, а он и не заподозрит о моем существовании. Я наблюдателен до того, что никогда не проигрываю в покер. И я твердо знал, что разгонщик не врет.

Мы стояли рядом под старым дубом. Самая нижняя его ветвь вытянулась почти параллельно земле, и ее поддерживали целых три подпорки. Как ни длинны были руки разгонщика, но и он не смог бы обхватить ту ветвь. Шершавая серая кора, хрупкая, пропахшая пылью, закруглялась чуть ниже уровня его глаз.

— Вам невероятно повезло,— сказал я.

— Несомненно. Что это такое?

«Это» было черное, мохнатое, полтора дюйма длиной — оно ползло по коре, и один его конец извивался безмозгло и пытливо.

— Гусеница. Понимаете, у вас вообще не было шансов уцелеть. А вы вроде бы и не очень рады...

— Ну, посудите сами,— ответил разгонщик.— Посудите, до каких тонкостей он должен был додуматься, чтобы сделать то, что он сделал. Он заглядывал ко мне и изучал меня сквозь иллюминатор. Я был привязан к креслу ремнями, и к тому же его датчикам пришлось пробиваться через толстое кварцевое стекло, прозрачное односторонне — с внутренней стороны! Он мог видеть меня только спереди. Он, конечно, мог обследовать корабль, но тот был поврежден, и пришельцу еще надлежало догадаться, до какой степени.

Во-первых, он должен был сообразить, что я не в силах затормозить без разгонной сети. Во-вторых, он должен был прийти к выводу, что в баках у меня есть определенный запас горючего, рассчитанный на полную остановку корабля после того, как прекратит работу разгонный ковш. Логически это вполне очевидно, не правда ли? Вот тогда-то он и решил, что остановит меня совсем — или почти совсем — и предоставит добираться до дому на резервном топливе, черепашьим ходом.

Но потом, уже распрощавшись со мной, он вдруг отдал себе отчет в том, что задолго до конца такого путешествия я умру от старости. Представляете, как тщательно он меня осматривал! И тут он вернулся ко мне. Направление моего полета подсказало ему, куда я держал путь. Но смогу ли я выжить там с поврежденным кораблем? Этого он не знал. Тогда он осмотрел меня снова, еще внимательнее, установил, из какой звездной системы и с какой планеты я происхожу, и доставил меня сюда.

— Все это шито белыми нитками,— заявил я.

— Разумеется. Мы находились за двенадцать световых лет от Солнечной системы, а он дотянулся сюда в одно мгновение. И даже не в том дело.— Разгонщик снизил голос до шепота. Он зачарованно смотрел на гусеницу: та, бросая вызов притяжению, обследовала вертикальный участок коры.— Он перенес меня не просто на Землю, а в Северную Африку. Значит, он установил не только планету, откуда я родом, но и район планеты.

Я просидел в капсуле два часа, прежде чем меня нашли. Полиция ООН провела запись моих мыслей, но сама не поверила тому, что записала. Невозможно отбуксировать разгонный корабль на Землю, миновав все локаторы. Более того, моя разгонная сеть оказалась разметана по пустыне. Даже баки с водородом и те уцелели при возвращении. Полиция решила, что это мистификация и что мистификаторы намеренно лишили меня памяти.

— А вы? Вы сами что решили?

И опять лицо разгонщика напряглось, сетка морщин сложилась в замысловатую маску.

— Я убедил себя, что пришелец — такой же космический пилот, как и я. Случайный прохожий — проходил, вернее, пролетал мимо и остановился помочь, как иные шоферы остановятся, если, скажем, у вас сели аккумуляторы вдали от города. Может, его машина была и помощней, чем моя. Может, и сам он был богаче, даже по меркам собственной его цивилизации. И мы, естественно, принадлежали к различным расам. И все равно он остановился помочь другому, раз этот другой входит в великое братство исследователей космоса...

— Ибо ваша современная ксеногения считает, что он не мог обогнать нас в своем развитии.— Разгонщик ничего не ответил.— Как хотите, а я вижу в этой теории немало слабых мест.

— Например?

Я не уловил в его вопросе интереса, но пренебрег этим.

— Вы утверждаете, что развитие вида останавливается, как только он начинает изготовлять орудия. А что, если на одной планете появились одновременно два таких вида? Тогда развитие будет продолжаться до тех пор, пока один из видов не погибнет. Обзаведись дельфины руками — и у нас самих возникли бы серьезные проблемы.

— Возможно.

Разгонщик по-прежнему следил за гусеницей — полтора дюйма черного ворса знай себе обследовали темный сук. Я пододвинулся к своему собеседнику, нечаянно задев кору ухом.

— Далее, отнюдь не все люди одинаковы. Среди нас есть Эйнштейны и есть тупицы. А ваш пришелец может принадлежать

к расе, где индивидуальные различия еще рельефнее. Допустим, он какой-нибудь супер-Эйнштейн...

— Об этом я не подумал. Исходным моим предположением было, что он делает свои выводы с помощью компьютера...

— Далее, вид может сознательно изменить себя. Допустим, они давным-давно начали экспериментировать с генами и не успокоились до тех пор, пока их дети не стали гигантами ростом в милю, с космическими двигателями, встроенными в спинной хребет. Да чем, черт возьми, вас так привлекает эта гусеница?

— Вы не видели, что сделал тот мальчишка?

— Мальчишка? Ах, да. Нет, не видел.

— Гусеница ползла по дорожке. Люди шли мимо. Под ноги никто не глядел. Подошел мальчишка, наклонился и заметил ее.

— Ну и что?

— А то, что он поднял гусеницу, осмотрелся, подошел сюда и посадил ее в безопасное место, на сук.

— И вы упали в обморок.

— Мне, безусловно, не следовало бы поддаваться впечатлению до такой степени. В конце концов сравнение — не доказательство. Не поддержи вы меня, я бы раскроил себе череп.

— И ответили бы на заботу золотого великана черной неблагодарностью.

Разгонщик даже не улыбнулся.

— Скажите... а если бы гусеницу заметил не ребенок, а взрослый?

— Вероятно, он наступил бы на нее и раздавил.

— Вот именно. Так я и думал.— Разгонщик подпер щеку языком, и щека неправдоподобно выпятилась.— Она ползет вниз головой. Надеюсь, она не свалится?

— Не свалится.

— Вы думаете, она теперь в безопасности?

— Конечно. Ей теперь ничто не грозит.

Перевод с английского Олега БИТОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

Два лика Януса

> Ты все снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
> Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
> Ты уже не снежинка, на дымные кольца разъят,
> Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья.
>
> Вадим ШЕФНЕР

Тонкий лирик и одаренный писатель-фантаст Вадим Шефнер написал прекрасное стихотворение, посвященное фантастике. Мне запомнилась заключительная строка: «Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья». Позволю себе не согласиться с этим. Фантастика действительно является зеркалом, причем параболическим, которым, как рефрактором телескопа, улавливается свет далеких звезд. Но это все же сугубо земное зеркало наших знаний и представлений о человеке и мире.

Фантастические рефракторы отлиты не из мертвого стекла, холодно и бездушно отражающего свет далеких созвездий. Они одухотворены жизнью, нетерпеливой, горячей, чуткой к добру и злу.

В свое время известный советский хирург профессор Н. Амосов заметил, что описанная в романе А. Беляева «Голова профессора Доуэля» операция стала вопросом морали, а не науки и хирургической техники. И отнюдь не случайно этические проблемы науки сделались объектом исследования в его научно-фантастическом романе «Записки из будущего». Ученый ищет свое отражение в «земных зеркалах»...

Писатель-фантаст — тоже. Как и ученый, он ставит эксперимент. Первая ненаписанная фраза многих произведений могла бы звучать так: «Что будет, если...» Порой на испытательных полигонах фантастики исследуются — по законам искусства — социальные аспекты наиболее радикальных, чреватых серьезными сдвигами научных идей. Но подчас на них возникают и сами идеи, дающие первоначальный толчок научной мысли. Не случайно один из творцов голографии член-корреспондент АН СССР Ю. Н. Денисюк признавался, что его буквально заворожили фантастические разработки в рассказе «Тень Минувшего» И. Ефремова.

О роли фантастики в выборе главной цели своей жизни писал пионер звездоплавания К. Э. Циолковский. Книгой, оказавшей на него наибольшее влияние, была «Из пушки на Луну» Жюля Верна. На непреходящее влияние фантастики постоянно указывали и советские космонавты В. Шаталов, Г. Гречко, А. Леонов, Г. Титов, Б. Егоров, К. Феоктистов. Любил и очень хорошо знал произведения советской и зарубежной фантастики академик С. П. Королев. Он часто говорил, что с детства начал мечтать о Марсе. Вопреки скептическим выкладкам тогдашних популяризаторов науки, «вычисливших», что существующие виды топлива не могут сообщить ракете вторую космическую скорость, он верил в межпланетные сообщения. Мы знаем, во что материализовалась эта вера.

Вот почему с полным правом можно сказать, что с незримых полигонов фантастики берут начало дороги в неведомое. Большая их часть теряется в чистом поле или возвращается на круги своя, и лишь очень немногие приводят прямехонько в лабораторию, на испытательный стенд, на космодром. И хоть КПД такого процесса не очень высок, овчинка явно стоит выделки. Тем более что этим далеко не ограничивается вклад фантастики в научно-технический прогресс, ибо главное ее воздействие заключается в создании творческой атмосферы, в раскованности воображения, дерзком полете мысли, крылатом броске через невозможное...

В идеале фантастика в художественной форме воплощает диалектический метод познания мира. Разумеется, речь идет о подлинной литературе, гуманистической по духу и оригинальной по замыслу, впервые открывающей неизвестные ранее стороны бытия. Отсюда и ее невиданная популярность. Ведь одни только клубы любителей фантастики, организованные во всех странах Европы, насчитывают десятки миллионов членов. Это своего рода авангард куда более многочисленной армии «неорганизованных», но влюбленных в научную фантастику читателей.

Фантастике свойственно говорить о будущем. Именно это и сделало ее любимым жанром молодежи. Она стала ныне могучим средством воспитания, активным орудием прогресса. Лишь подход к научной фантастике как к уникальному явлению современной культуры позволяет понять, почему она оказалась столь притягательной и для школьников, и для студентов, и для серьезных ученых.

Питаясь живительным соком научных идей, фантастика не перестает быть искусством. В отличие от науки, которая неудержимо ветвится, образуя все новые ячейки узкой специализации, научная фантастика всякий раз стремится создать целостную картину мира.

Полигон научных идей, исследование социальных моделей, блистающие солнца утопических миров и мрачные пророчества гря-

дущих опасностей — все это разные лики изменчивой музы. Мгновенные черты, по которым едва ли возможно судить обо всем облике. В утопическом зеркале радостных предчувствий, в сумеречном зеркале тревог и сомнений грозного мира антиутопий порой проскальзывают отблески неоткрытого будущего. Параболические антенны фантастики призваны лоцировать настоящее. В них всегда отражается, пусть гипертрофированно, современный писателю мир, а будущее, как известно, всегда создается сегодня.

Как незаметно, как естественно просто перетекает фантастика в обыденную реальность. Космический корабль, космонавт, космический скафандр, невесомость — эти знакомые всем термины подарила научная фантастика. После полета Юрия Гагарина они навсегда вошли и в язык науки, и в повседневный обиходный язык.

Фантасты предсказали спутник связи и голографию, атомную и нейтронную бомбу, лазер и генную инженерию, существование частиц со скрытой массой, так называемых «фридмонов», и алмазы в Якутии.

«Время от времени перед наукой возникают интересные вопросы, которые могут в дальнейшем приобрести огромное практическое значение,— сказал в своем выступлении на Бюраканском симпозиуме В. А. Амбарцумян.— В таких случаях всегда находятся скептики, не желающие согласиться с энтузиастами в оценке значения нового научного направления. Так было перед открытием атомной энергии. Тем не менее мы можем сказать, что за последние годы человечество достигло таких успехов в астрономии, технике связи, кибернетике, которые создали реальные возможности установить связи с разумной жизнью из других миров при условии, если такие цивилизации существуют. Речь идет не только о простых формах жизни, но и о ее высших формах, вплоть до цивилизации».

Роль фантастики в современном, бурно развивающемся мире трудно переоценить. Только одно то, что она как бы подготавливает общественное мнение к вторжению в жизнь очередного научно-технического чуда, делает ее незаменимой. Именно благодаря усилиям поколений фантастов человечество приняло как нечто давно ожидаемое и первый искусственный спутник, и первый орбитальный полет, и высадку на Луне.

Что же касается пророчеств — поразительных предвосхищений или случайных угадываний,— то они возникают как своего рода побочный продукт. Аналитическое исследование прорастающих зерен будущего неизбежно дает некий неожиданный результат, который очень часто «сбывается». Здесь нет никакого чуда, если не считать чудом самое искусство. Потому что именно искусству присущ обобщенный мгновенный синтез, который наука достигает кропотливым и долгим путем.

Угадывать можно не только научно-технические свершения. Научной фантастике как искусству более свойствен своего рода социальный прогноз. В «Железной пяте» Джек Лондон попытался предвосхитить страшный облик грядущей олигархии, вызревавшей в лоне современного ему американского общества. Будущее показало, что сбылось, а что не сбылось из этих пророчеств. Как и их прославленный предшественник, прогрессивные американские фантасты тоже предчувствуют призрак надвигающейся несвободы.

Предвидение возникает на стыке знания и воображения, на неуловимой грани, где наука и вообще реальная действительность тесно смыкаются с искусством.

Высокое волнение при встрече с неизвестным, вспышка внезапного озарения, логика поисков, изящество математических выводов и ювелирных по тонкости измерений — постоянные компоненты научно-фантастических произведений.

Многое можно было бы сказать об индивидуальности творческой манеры отдельных авторов, о разнице в видении мира и оценках тех или иных событий. Но сегодня создается несколько парадоксальная ситуация. Дело в том, что и Брэдбери, провидящий в технократически бездуховном прогрессе новые страшные беды, и его антипод Азимов, убежденный в безграничном могуществе науки и безоблачном небе мира без войн, несмотря на почти диаметральную противоположность исходных рубежей, как ни странно, одинаково нетипичны для западной фантастики. То же в известной мере можно сказать и о других интересных, талантливых писателях, таких, как Саймак, Уиндэм, Гаррисон, Урсула Ле Гуин, Шекли, Сакё Комацу.

Можно назвать еще многих авторов, творчество которых заслуживает самого пристального внимания. Но какими бы громадными тиражами ни выходили их произведения, они буквально тонут среди океана «фантастики» иного рода: вторичной, ловко эксплуатирующей чужие открытия, а то и вовсе лежащей за пределами художественной литературы.

Это бульварщина, наполненная призраками, чудовищами, катастрофами, убийствами, порнографией. Мутный поток «нечистой», по точному определению прогрессивных писателей, фантастики призван оглушить читателя, посеять страх и неверие в свои силы, в возможность предвидения и управления будущим.

Существуют три основные градации подобной продукции: литература (и соответственно кинематограф) ужасов и чудовищ, наполненная страшилищами, невероятными радиоактивными насекомыми, которые либо обрушиваются на землю из космоса, либо подстерегают исследователей на далеких планетах; литература

сумасшедших ученых, на разные лады воспевающая маньяков, совершивших страшное научное открытне, грозящее уничтожением мира н полным истреблением людей, н, наконец, лнтература катастроф. Последняя струя наиболее полноводна. В ней живописуются взрывы сверхновых звезд н супербомб, несущих смерть цивилизации. Здесь сжнгается пространство, аннигнлирует вещество, ломается время, миры сталкиваются с кометами из антиматерии. Часто подобные кошмары являются не чем нным, как возрождением на атомном н космическом уровне средневекового мистицизма.

В таких произведениях — с той нлн иной степенью художественной убедительности — проводится зашифрованная ндея о том, что будущее нельзя конструировать по воле человеческой, оно неизбежно, как рок, и почти всегда несет людям трагическую кончину. Эта идея имеет определенную генетическую связь с милитаризацией капиталистических стран. Смысл ее не мудрен: если наука сегодняшнего дня отдает свои лучшие силы на создание новейших видов вооружения — нейтронных бомб н крылатых ракет, то вряд ли будущее внесет изменения в сложившуюся ситуацию. Дух обреченности порождает водопад романов, повестей, рассказов, в которых Земля гибнет, объятая атомным пламенем войн.

С особой яркостью это проявилось в кинематографе. Ленты типа «Они пришли из космоса» Дона Снгеля, «Существо нз другого мира» Говарда Хаукса или «Формикула» Гордона Дугласа дали «нечистой» фантастике мощнейший нмпульс.

Побивая рекорды массовых сборов, по экранам Америки и Западной Европы недавно вихрем пронесся фильм «Звездные войны», виртуозно отснятый Джорджем Лукасом на студин «XX век — Фокс».

Произошло нечто невиданное.

У кинотеатров выстраивались длиннющие очереди, билеты перепродавались по пятьдесят долларов и выше. Всем хотелось поскорее увидеть умело сработанную сказку, в которой юный герой освобождает звездную принцессу от кошмарного дракона, то бишь действующей в масштабах галактики некой преступной империи.

Не успели остыть страстн, как Стивен Спилберг, прославившийся нашумевшей картиной «Челюсти», повествующей о гигантской акуле-людоеде, поставил на студии «Коламбиа» остросюжетный фильм «Тесные контакты третьего вида», эпатнрующнй публику нездоровым полумистнческнм интересом к выдумкам, вроде летающих тарелок.

Фильм «Тесные контакты третьего вида», взвинтив потолок постановочной стоимости — восемнадцать миллионов, дал прибыль в несколько сот миллионов долларов.

По справедливому замечанию американского фантаста, редактора журнала «Энэлог мэгэзин» Бена Бовы, «фантастика неожиданно стала дойной коровой индустрии развлечения».

Люди идут на «Звездные войны» чуть ли не по десять раз! Студенты сбегают с лекций, чтобы посмотреть по телевидению очередной — общее число давно перевалило за сотню — выпуск «Звездного рейса».

На этой серии, которую рекламирует и журнал «Америка», стоит остановиться особо.

Первая передача была показана телевизионной сетью «Эн-Би-Эс» еще в конце шестидесятых годов. Предпосланный ей дикторский текст гласил: «Космос... Последний рубеж на борту звездного корабля «Энтерпрайз». Рассчитанное на пять лет задание звездолета состоит в исследовании новых необычных миров, в поисках жизни и внеземных цивилизаций, в бесстрашном стремлении туда, где еще не ступала нога человека».

Вначале программа вроде бы не оправдала надежд и после 79 передач была прекращена. Но ныне «Звездный рейс», по словам обозревателя Хауарда Сникотта, «превратился в культ почти космического масштаба».

Передачи транслируют по всей стране свыше ста шестидесяти телестанций.

На сегодняшний день реализовано около десяти миллионов книг, посвященных «Энтерпрайзу» и истории его создания. Повсюду продаются эмблемы, майки с изображением капитана Керка, главного героя экспедиции, игрушечные лучевые пистолеты и куклы, действующие в новой космической одиссее существ — «клингонов» и «трибблов».

Когда стало известно о подготовке к старту американского космического корабля многократного действия, президент Форд получил тысячи писем с просьбой назвать новую ракету именно «Энтерпрайз».

Вначале фантастика разбудила интерес к исследованию космоса, затем первые космические полеты сообщили дополнительный импульс фантастике, а ныне сформированное под ее прямым воздействием общественное мнение оказало прямое влияние на саму космическую программу. Пусть чисто внешне. Во всяком случае круг замкнулся.

Не удивительно, что в такой атмосфере смешения вымысла и реальности фантастика сделалась «дойной коровой». По оценке журнала «Паблишез уикли», только дешевых книг карманного фор-

мата было продано за последние годы на сорок миллионов долларов.

Пытаясь найти разгадку очередного каприза пресловутой «масскультуры», Сникотт замечает: «Звездный рейс» не просто история о замысловатой технике и причудливых внеземных существах. Это прежде всего рассказ о людях, успешно преодолевающих неизвестное...

Капитан Керк, персонаж хорошо знакомый теле- и кинозрителям,— исполненный решимости герой, идеалист, заботящийся только о своей команде и об успехе полета «Энтерпрайза». Он пользуется полной поддержкой экипажа, чей смешанный этнический состав является как бы прообразом *общества будущего* (курсив мой.— Е. П.), где от национализма и нетерпимости не остается и следа. Врач корабля «Боунс» Маккой — типичный американский сельский доктор с довольно неуживчивым характером. Бортинженер «Энтерпрайза» — шотландец, связист Ухура — африканка, штурман Сулу — дальневосточного происхождения, а молодой навигатор—русский». Но сказать, что навигатор «Энтерпрайза» русский и его цветные открытки раскупают в тысячах газетных киосков, значит, ничего не сказать. Потому что «просто» русский отнюдь не значит советский, и боже упаси, коммунист. И это отнюдь не случайная недомолвка. В будущем, а точнее — в XXIII веке, в котором действует экипаж «Энтерпрайза», коммунизма быть не может. Это сугубо «американское будущее», американский вариант XXIII века, являющийся до мелочей социальной копией современной Америки.

В соответствии с той же генеральной идеей и трансгалактическое поле, на котором развертываются «звездные войны», копирует в социальном плане современную капиталистическую действительность. Даже галактический бар, куда забегают пропустить стаканчик виски «разумные существа» из самых разных звездных систем, ничем не отличается от своего оклахомского или арканзасского прототипа.

И это не случайно. За полусказочным реквизитом прослеживается четко поставленная цель навязать аудитории — в сто и более миллионов! — стереотип будущего, которое в принципе не отличается от настоящего. «Смотрите, будущее нас ждет,— восклицает Дэвид Джерролд в книге «Мир Звездного рейса». — И неплохое будущее...»

О том, что предприятие приносит дивиденды, красноречиво свидетельствуют очереди у кинотеатров Парижа, Лондона, Оттавы, Мельбурна, хотя люди, оставившие в кассе свои деньги, возможно, и не подозревают, что стали объектом далеко рассчитанной пропаганды О своего рода «глобальности» затеи свидетельствует

хотя бы такой факт. Под влиянием коммерческого успеха «Звездных войн» западногерманская телевизионная компания АРД открыла 7 января 1978 года ретроспективу научно-фантастических фильмов. Первым в длинной серии из сорока лент была показана классическая «Борьба миров» Уэллса. Жители ФРГ смогли увидеть на своих экранах космических чудовищ, всевозможных пришельцев, мутантов, роботов и андроидов.

Вместе с летательными аппаратами из других миров в их дома вошло и то представление о будущем, которое усвоили раз и навсегда творцы всемогущей индустрии Голливуда. Машина кинофантазии в создании иллюзий не знает соперников, и тот «облик грядущего», который месяц за месяцем мелькал на экране, вполне может превратиться в доминантный стереотип.

В интервью нью-йоркскому журналу «Сайенс дейджест» крупнейший фантаст современности Артур Кларк так ответил на вопрос, посещали ли, по его мнению, инопланетяне Землю: «Это не невозможно. Но должен сказать, что мне осточертели все нынешние нелепые или просто лживые книжонки о летающей посуде. С тем же отвращением я отношусь к псевдодокументальным книгам о допотопных космонавтах, мыслящих овощах и бермудских треугольниках. Меня интересует наука и научная фантастика, а не шарлатанство».

Великая эра космических полетов породила, к сожалению, и свою мифологию. Шарлатанскую, если следовать точному, на мой взгляд, определению Кларка.

В повести «Ведро алмазов» прогрессивный американский писатель Клиффорд Саймак весьма прозрачно намекнул на причастность к массовому психозу с «летающей посудой» военного ведомства. Один из героев, реалистически нарисованный высший офицер американских ВВС, смотрит на космические мифы как на одно из средств психологической войны, войны за будущее.

Не удивительно поэтому, что в произведениях «нечистой» и откровенно воинственной футурологической фантастики в той или иной форме обязательно протаскивается порочная идейка о некой «запрограммированности» земной цивилизации высокоразвитыми пришельцами из космоса. Этапы такого программирования якобы осуществлялись во время их прилетов, имевших место в далеком прошлом. С этой точки зрения слова Христа о «втором пришествии» не что иное, как сообщение о возможности очередного визита в будущем.

Это прекрасно дополняет обскурантистские книги и кинофильмы пресловутого Дэникена, который предлагает любопытное объяснение вмешательства «богов-астронавтов» в земную жизнь. Высокоразвитые пришельцы, оказывается, не просто посещали грешную Землю, но раз и навсегда изменили весь генетический код

наших предков и запрограммировали, таким образом, основные направления их развития.

«Выходит, нет общественного прогресса,— отмечает болгарский исследователь Веселин Вапорджиев,— нет закономерностей развития: все зависит от воли «реально существующих богов». А те, видите ли, совершенно волюнтаристски меняют ход истории, программируют человека, закладывая в него хорошие или дурные качества. Все же прочее — все эти производительные силы, производственные отношения, развитие науки и культуры — от лукавого».

Короче говоря, в 70-е годы XX века на Западе сформировалась концепция новой, космической религии. Вместо отживающих форм примитивного общественного сознания она провозглашает веру в богов-астронавтов, ницшеанских суперменов с лучевыми пистолетами, которые предопределили все развитие человечества, все его прошлое и все будущее. Фантасты, как и положено, первыми уловили эту весьма опасную тенденцию. В романе Артура Кларка «Свидание с Рамой» ясно показано, какой колос взрастили в будущем (воображаемом) эти брошенные с дальним прицелом зерна: «Борис ревностно веровал в догмы пятой христианской, иначе, «космической» церкви. Нортон, правда, не сумел установить для себя, что случилось с предыдущими четырьмя. В равной мере пребывал он в неведении и по части требуемых религией ритуалов и церемоний. Но главный догмат «пятой космической» был известен достаточно широко: ее приверженцы утверждали, что Иисус Христос снизошел на Землю из космоса, и на этой зыбкой почве возвели целое теологическое здание».

Почва и вправду более чем зыбкая...

Концепцию о том, будто пришельцы принесли на Землю саму идею религии, нетрудно опровергнуть. Археология дает нам ясное представление о том, как и на какой ступени осуществляется переход от первобытной магии к шаманству, а затем — к развитым формам религии. Самое любопытное здесь то, что даже эта совершенно несостоятельная концепция не является оригинальной, а приближается к гипотезам древнегреческого философа Эвхемера, который рассматривал богов как существовавших некогда людей, чье обожествление началось еще при современниках, а затем было завершено потомками по воспоминаниям и преданиям.

«Но если до сих пор мы сталкивались всего лишь с несостоятельной научной гипотезой,— продолжает В. Вапорджиев,— то самое забавное впереди. Дэникен считает, что действительно «боги-астронавты», подобно богу Саваофу из Библии, успели сотворить женщину (Еву) из костного мозга мужского ребра Адама. Аргументы? Извольте: современные достижения биологии, медицины,

генетики... Но и тут автор не одинок в трактовке необъятной темы. Почти во всех западноевропейских странах появились продолжатели «дэникенизма». Например, англичанин Эндрю Томас в книге «По следам самых древних познаний» после пространного анализа первоисточников приходит к выводу, что богами могли быть астронавты, прибывшие с Млечного Пути. Французский писатель и историк Робер Коро еще смелее в своих заключениях. Если верить ему, то библейское разрушение Содома и Гоморры было результатом атомного взрыва. Ноев ковчег — это, видите ли, не что иное, как космический исследовательский корабль, оснащенный радаром и электроникой, а ореолы вокруг голов святых — изображение летающих тарелок. От предыдущего автора не отстает и Эрик Норман. В своей книге «Библия, боги, астронавты» он заявляет, будто Вавилонская башня в действительности была площадкой для запуска космических ракет. Что же касается непорочного зачатия, то речь идет, мол, об «искусственном оплодотворении».

По сути, это откровенно «нечистая» фантастика, безграмотно подгримированная под «чистую» науку. «Нечистой» фантастике присущ страх перед стремительным развитием науки, перед скоростью и размахом социальных сдвигов. Оттого и спешит она с головой окунуться в религию: «четвертую», «пятую» — не в том суть.

Видимо, прав голливудский продюсер Сэмюэль Эрсков, утверждая, что новый бум вокруг научной фантастики (речь идет, разумеется, о «нечистом» ее варианте) основан на «интересе к псевдорелигиозным явлениям».

«Многие молодые люди,— пишет он,— ищут сейчас замену формальной религии. В шестидесятые годы они нашли — и вновь потеряли — свою Мекку, а теперь... после Уотергейта и Вьетнама они снова разочарованы. Притягательная сила научно-фантастических фильмов связана с поисками религии».

Хаос и разрушение, которые вылил на головы зрителей американский квазифантастический кинематограф, вполне способны породить апокалипсическую тягу к концу света. Тем более что, по словам кинокритиков, в такого сорта лентах запечатлена «поразительная красота опустошения».

«Что произошло? — задается тревожным вопросом Бен Бова.— Как сумела фантастика опередить все другие киножанры? Что заставляет вполне нормальных людей тратить 4—5 долларов, чтобы в шестой раз пойти на один и тот же фильм?

Психологи и социологи по-всякому сейчас выкручивают свои заумные теории, пытаясь объяснить этот «феномен фантастики». И отвечают: «Назовите это страхом перед будущим, техническим прогнозом или еще как-то, но американцы сейчас все чаще задумываются о завтра. Мы демонстрируем против сверхзвуковых са-

молетов, атомных электростанций и генетических экспериментов, опасаясь, что они могут принести много вреда в будущем. А оно и предстает перед нами в фантастических фильмах, или по крайней мере мы видим, каким оно может быть в разных вариантах.

Бегство от реальности? Да, но, как говорит Айзек Азимов, фантастика — это «бегство в реальность». В период «великой депрессии» публика валом валила на комедии, а сейчас, когда Америка тоже переживает кризис, мы смотрим фильмы, которые говорят, что жить — значит постоянно меняться, что завтра будет совершенно непохоже на сегодня».

Жаль, что под конец американскому фантасту изменяет принципиальность. Несмотря на волнующие панорамные кадры, на красочную экзотику иных миров и многообразную причудливость иных форм жизни, будущее рисуется как унаследованное без каких бы то ни было социальных катаклизмов настоящее. Разумеется, в его наиболее желательном для Запада варианте.

Захватывающая зрелищность, глобальные страсти, невиданная совершенная техника и открытый конфликт между злом и добром («плохие парни» клингоны и «хорошие парни» «Энтерпрайза») — все это призвано лишь для того, чтобы утвердить навечно идеалы истаблишмента.

Словно надмирное распятие Сальвадора Дали, повисшее в галактической бездне.

Ганс Блюменберг в своем обзоре новинок научной фантастики, опубликованном в еженедельнике «Цайт», замечает по поводу «Звездных войн»:

«Чем же объясняется успех в 1977 году фильма, который сделан совершенно в духе тридцатых годов и в традиции многосерийных приключений Флэша Гордона и Бака Роджерса? Кажется, будто «Война звезд» отражает тягу Америки Джимми Картера к упорядоченным, ясным отношениям, к почти **религиозной идиллии** (курсив мой.— Е. П.), простая мораль которой перенесена в космическое пространство, где мелкие жизненные заботы не отвлекают от мыслей о будущем».

«Десятилетие, в котором начались космические полеты,— пишет западногерманский журнал «Шпигель»,— и впервые человеку было пересажено чужое сердце, в котором был разгадан механизм человеческой наследственности и была установлена армия электронно-вычислительных рабов, все же не было таким уж золотым, если к его концу самая могущественная индустриальная страна земного шара сотрясается до основания от волнений и насилия; миллионы юношей и девушек участвуют в акциях протеста или пытаются «забыться в снах, навеваемых гашишем и марихуаной».

Весьма симптоматичное признание. Оно подводит своеобраз-

ный итог несбывшимся надеждам и крикливым предсказаниям лжепровозвестников о грядущей эре технотронного просперити. В отличие от промышленных переворотов прошлого нынешняя научно-техническая революция предстала в неразрывном единстве с коренными социальными преобразованиями, круто изменившими облик нашего мира. Наивные чаяния, что научно-технический прогресс, подобно чудодейственному компасу, проведет старый добрый корабль капитализма через все рифы и мели, развеялись. Успехи программы «Аполло» не отразились на войне в Индокитае, синтез первого гена не снял проблему бедности, электронные вычислительные машины третьего поколения не уберегли валютную систему капиталистического мира от потрясений. Одним словом, победы науки и торжество техники не излечили социальные язвы. Скорее напротив, еще сильнее растравили их. На фоне блистательных побед человеческого разума яснее и обнаженнее предстали противоречия между трудом и капиталом. Недаром журналист Р. Винтер назвал свою нашумевшую книгу о современной американской действительности «Кошмары Америки».

Именно эти кошмары среди бела дня, именно эти трагические коллизии повседневности заставили многих западных футурологов пересмотреть свои прогнозы, отбросить ставшие традиционными представления о «неограниченном прогрессе», «научно-техническом чуде» и даже о «безбрежной свободе личности».

Так, Герман Кан приходит к тому, что одна лишь усложненность высокоорганизованного общества 2000 года потребует радикальных качественных перемен. В частности, они выразятся в том, что личная свобода будет ограничена все более жесткими рамками. Благо прогресс техники дает правительству для этого весьма широкие возможности. Ведь уже сейчас электроника практически свела на нет частную жизнь. «Радиомаслина» в коктейле, «стрелка-передатчик», бесшумно впившаяся в оконную раму, ЭВМ, подслушивающие телефонные разговоры,— на Западе все это уже давно перестало быть атрибутами антиутопий.

В остром романе Альфреда Бестера «Уничтоженный человек» действуют люди, наделенные экстрасенсорным восприятием, способные «прощупать» человеческое сознание, память, смутные потаенные желания и инстинкты. Это, несомненно, фантастический элемент. Но даже он не делает окружающее героя романа Рича общество более открытым, чем, скажем, напичканный электроникой Лондон или Лос-Анджелес. При этом нужно учесть и наложенное автором на своих «щупачей» ограничение — профессиональную тайну. Такого ограничения нет ни у тайной полиции, ни у частных сыскных агентов, ни у адептов промышленного шпионажа. Напротив, их профессиональный долг как раз предписывает разглашение

чужих тайн. Причем разглашение особого рода, для узкого круга посвященных и заинтересованных лиц. Впрочем, далее мы специально коснемся и профессиональной этики «щупачей». Покажем, насколько наивны были надежды автора на эффективность подобных ограничений.

Мысль о том, что искусство вообще является зеркалом общества, а фантастика может быть уподоблена зеркалу параболическому, вряд ли поразит чье-то воображение. Уже по самой своей природе фантастике свойственно гиперболизировать реальность, собирать ее отраженный свет в яркий фокус своей преднамеренной кривизны. И в этом смысле современная англо-американская фантастика излучает направленный поток напряженности и страха. Страх, страх разлит в обществе, в один голос говорят нам романы, киноленты и телепередачи, как бы перефразируя апокалипсическое название картины Эдварда Мунка «Крик, крик разлит в природе».

Источников для страха более чем достаточно. Здесь и неуверенность в завтрашнем дне, и неудержимая инфляция, и безработица, и волнения в негритянских кварталах, и рост преступности.

Видимо, сюда же следует добавить еще и будущее, перечеркнутое по милости реакционных футурологов черным карандашом. В самом деле, если еще каких-нибудь десять лет назад мессии постиндустриализма слагали панегирик научному прогрессу, то теперь им чудится в машинном гуле цоканье копыт «Коня Бледного». Что провидят они в грядущем? Прежде всего, технологический конвейер, с которого «сходят» младенцы, чьи гены несут искусственно запрограммированную информацию: пол, характер, внешность, интеллектуальный уровень. С одной ленты в руки счастливых (?) родителей (?) поступают будущие «сверхлюди», призванные управлять, возглавлять, пролагать пути, с другой — «недочеловеки», способные лишь для решения «ограниченных» задач. И это, увы, не фантастика, не пересказ модного экзерсиса в жанре «романа-предупреждения». Так пишет в своей книге «Шок будущего» известный социолог О. Тоффлер. Любопытно, что в отличие от троянской Кассандры некоторые футурологи приветствуют грядущий ужас. Они не жалеют красок, расписывая неизбежное сращение человека с машиной. И какое сращение! Рисующиеся их воображению «киборги» лишь в принципе напоминают симбиоз машины и мозга, о котором писали Станислав Лем и Артур Кларк. Подавляющему большинству «недочеловеков» с конвейера младенцев уготовлена незавидная участь стать слепыми, легко заменяемыми придатками постиндустриальной сверхкибернетики.

Прогрессивная научная фантастика Америки и Англии не могла не ответить на этот вызов воинствующего мракобесия. И она ответила. Смутные кошмары, которые лишь мерещились Брэдбери

в шестидесятых годах, обернулись реальностью в семидесятых. Пожарные-поджигатели, ставшие символом присущего капитализму отчуждения, уже плохо вписывались в реально подступающий мир сплошной кибернетизации. К тому же призрак надвигающейся иерархической олигархии и несвободы стал приобретать все более конкретные и осязаемые черты. Поэтому и появилась «Система» — страшная технократическая организация, механическую бесчеловечность которой с разных сторон показали нам такие разные писатели, как Роберт Крейн («Пурпурные поля») и Курт Воннегут («Утопия 14»).

Так творилось предвидящее будущее социологии и фантастики. Два его лика. Буржуазные социологи воспевали технотронный тоталитаризм и вуалировали при этом неразрешимые в рамках капиталистических отношений социальные противоречия, а прогрессивные литераторы, бескомпромиссно отрицая социологические «модели», искали выхода из кризисных ситуаций и часто запутывались в этих поисках. Тем не менее американским фантастам удалось создать некий совокупный мир, в котором зерна реальной сегодняшней угрозы дали страшные всходы.

Лучшую научную фантастику, по словам Брэдбери, пишут в конечном счете те, кто чем-то недоволен в современном мире и выражает свое недовольство немедленно и яростно.

Умело нажимая на клавиши страха, разумеется в гомеопатических, щекочущих нервы дозах, индустрия развлечений, помимо прибыли, преследует и чисто охранительные цели. С чуткостью сейсмографа регистрируя страхи атомного века, она трансформирует их в красочные квазифантастические иллюзии, которые, однако, как бы накладываются на современность, косметически ретушируют ее неприкрытые язвы. «Нечистая» фантастика всерьез не заинтересована реальными аспектами грядущего. Перенося страхи сегодняшнего дня в отдаленное будущее, подсовывая на обветшавшие алтари «космического тельца», она сделалась ныне мощным орудием «социальной гигиены» Запада. Отражая эхо разлитого в обществе страха, она смягчает его, прививая обывателю поразительное равнодушие к мысли о всеобщем огненном разрушении, радиоактивном заражении или космическом катаклизме. Нарочитая наивность многих сцен призвана воздействовать на самую массовую аудиторию, снять контроль разума, обойти без взлома критическое начало. Особенно это характерно для диалога. И в романах, и в фильмах он поражает чудовищной банальностью, совершенно детским подчас лепетом. Но этот наивный лепет отнюдь не свидетельствует о недостатке профессионализма. Напротив, скрупулезно выверенная банальность, это излюбленное дитя «масскультуры», не только создает ощущение комизма в самой трагической ситуации,

но позволяет как бы ненароком поднырнуть под все тот же критический барьер.

По словам одного западногерманского критика, такие фразы, как «Приходите скорее, в моей ванне — чудовище», действуют освежающе и даже ободряюще на фоне ошарашивающих сцен массовой гибели.

«Похоже, ныне нет недостатка в смелых гипотезах насчет того, что станет с человеком в будущем,— иронически замечает профессор Г. Волков в статье, опубликованной в «Литературной газете» (от 17 мая 1978 года).— Перспективы развития генной инженерии порождают захватывающие воображение картины.

Американский публицист Олвин Тоффлер, обобщая прогнозы некоторых ученых, пишет: «Мы сможем выращивать детей со зрением или слухом гораздо выше нормы, с необычной способностью к различению запахов, повышенной мускульной силой или музыкальным талантом. Мы сможем создавать сексуальных суператлетов, девушек с максибюстом, с большим или меньшим количеством грудей...» Ему вторит писатель Уильям Тенн: «Стили человеческого тела, подобно стилям одежды, будут входить в моду и выходить из моды вместе со своими творцами, которые... уподобятся портным».

Эти «смелые» прогнозы, данные социологом и научным фантастом, вытекают не только из реальных достижений генной инженерии, но и из того совокупного фона, к которому подготовила общественное мнение научная фантастика.

В принципе люди последней четверти двадцатого века готовы и не к таким чудесам. Герою фантастики подвластно все: время, пространство, живая и неживая природа. Он может усилием мысли двигать предметы и проникать в тайны чужого сознания или вообще перенести собственную индивидуальность в постороннее тело. Выбор брачного партнера объективно и безошибочно свершит за него электронный прибор. Но если он влюблен в себя, как Нарцисс, то ничего не стоит размножить собственную персону в любом числе абсолютно идентичных копий. Более того, его можно «издать» в виде целого биологического клона, учитывающего все богатства полового диморфизма. Такое умножение личности и сознания абсолютно необходимо, чтобы поспеть всюду. Даже вечности не хватит, чтобы побывать во всех эпохах, посетить далекие миры и перепробовать все человеческие занятия. Тем более что это не потребует особых затрат энергии. Временной экран раздвинет стены жилища, а новой профессией можно овладеть во сне. Ничего не стоит также обзавестись настоящим живым бронтозавром, птеродактилем, диплодоком. Ведь доступно все, абсолютно все! Даже житие на встречном времени. Можно пятиться навстречу прошедшей молодости как угодно долго и далеко, прокру-

чивая в обратном порядке картины прожитого. А если наскучит, можно неощутимой тенью просочиться сквозь толщу земли и раскаленные недра солнца. Посмотреть, как там, внутри...

Когда же надоест и настоящее, и будущее, и полеты в пространствах, отчего бы не поэкспериментировать. Не просто углубиться в прошлое, но изменить его. По своему капризу отменить грядущее или же просто зачеркнуть любую историческую эпоху. Это не досужее фантазирование. Я просто перечисляю ходячие сюжеты фантастики.

В самом деле. Герой Бестера мультимиллиардер Рич, обращаясь к девушке Даффи, говорит: «Скажи, какая тебе нужна канава, и ты получишь ее. Золотую... бриллиантовую? Может быть, от Земли до Марса? Пожалуйста. Или ты хочешь, чтобы я превратил в сточную канаву всю Солнечную систему? Сделаем. Пустяк! Захочешь, я Галактику в помойку превращу... Хочешь взглянуть на бога? Вот он перед тобой». И это не пустое бахвальство. Это откровение «от капитала».

Но это странное всемогущество порабощенных.

Только одного не может гарантировать фирма «Совокупное будущее американской НФ» — счастья. И потому остается от всего этого всемогущества горький осадок тоски и протеста. Это сложный комплекс, и он нуждается в обстоятельном анализе, а подчас и в расшифровке.

Есть привычная цепь: мечта — изобретение — воплощение. Но в мире Ричей она не работает, с ней что-то неблагополучно. Свершение не приносит счастья ни самим создателям, ни людям, среди которых они живут. Напротив, по следам почти всех фантастических новинок уныло бредет печаль. А за плечами одиночек-творцов проглядывает тень безносой костлявой старухи. Что же случилось с миром, если в нем так извращаются лучшие человеческие мечты? Почему этот мир не хочет ничего нового, даже если оно зовется глупым именем Счастье и смешной кличкой Всемогущество?

Именно от таких коренных вопросов бытия, которые вольно или невольно ставит всякое подлинное произведение искусства, в том числе научно-фантастическое, и старается отвлечь «нечистая» фантастика.

В этом и заключается ее социальная роль. Маскируясь под самый современный и наиболее популярный жанр, она легко находит дорогу к умам и душам сотен миллионов людей, которых стремится отвлечь и от серьезных размышлений о будущем, и от реальной битвы за свой завтрашний день. Так проникает, обманув биологическую защиту, вирус в здоровую клетку, чтобы в недрах

чужого ядра воспроизвести заложенную в нем враждебную программу.

Нет нужды подчеркивать, что советской фантастике должны быть чужды апокалипсические картины гибнущих миров, воспевание мистики и садизма, бесстрастная констатация пороков и извращений преступной души. Советские фантасты, фантасты социалистических стран и прогрессивные писатели Запада видят свою задачу в другом. Мощь человеческого разума, безграничные возможности науки, светлое будущее человечества, избавленного от социальной несправедливости и войн,— вот необозримый круг их интересов. Фантастика воспевает человека-строителя, человека-творца и беспощадно обнажает корни тех явлений, которые могут стать реальной угрозой на пути к будущему.

Узор калейдоскопа возникает случайно. Не в нашей воле добиться появления самого совершенного орнамента. Так же случаен и произволен лик будущего в представлении отдельных фантастов.

Будущее обусловлено множеством ускользающих от нашего знания причинно-следственных связей. Но в нашей воле верить и надеяться, работать и готовиться к встрече с завтрашним днем, светлые контуры которого вырисовываются уже сегодня.

МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ

ХРОНИКА СОБЫТИЙ В МИРЕ ФАНТАСТИКИ, ЛЕТО — ОСЕНЬ 1981 ГОДА

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

7 августа исполнилось 65 лет Виталию Григорьевичу Мелентьеву, известному детскому писателю, автору НФ книг «33 марта», «Голубые люди Розовой земли», «Черный свет», «Обыкновенная Мемба» и др.

2 сентября исполнилось 75 лет Александру Петровичу Казанцеву, старейшему советскому писателю-фантасту, автору НФ книг «Пылающий остров», «Арктический мост», «Мол «Северный», «Гость из Космоса», «Внуки Марса», «Сильнее времени», «Фаэты», «Купол Надежды».

2—8 сентября, в дни работы Московской Международной книжной выставки-ярмарки вновь большой интерес у зарубежных книгоиздателей вызвала советская фантастика. Было подписано 30 контрактов на издание за рубежом произведений И. Ефремова, А. и Б. Стругацких, Г. Гора, В. Григорьева, романов «Буранный полустанок» Ч. Айтматова и «Альтист Данилов» В. Орлова, а также антологий советской НФ.

15 октября исполнилось 75 лет Георгию Сергеевичу Мартынову, старейшему советскому писателю-фантасту, автору НФ книг «Каллисто», трилогии «Звездоплаватели», «Гость из бездны», «Гианэя», «Спираль времени», «Сто одиннадцатый».

29—30 октября в Перми проведен 1-й областной семинар клубов любителей фантастики (КЛФ) под девизом «Фантастика — за мир и социальный прогресс». Семинар был организован обкомом ВЛКСМ, местным отделением Всесоюзного общества книголюбов, пермским КЛФ «Рифей». С докладами на семинаре выступили заведующий кафедрой Пермского политехнического института доктор философских наук З. И. Файнбург, председатель КЛФ «Рифей» А. Лукашин, члены Клуба, а также гости — Вл. Гаков и В. Бабенко (Москва), Ф. Дымов (Ленинград), В. Бугров и С. Другаль (Свердловск), представители КЛФ из городов области, Свердловска, Нефтеюганска, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Хабаровска, Калининграда, Вильнюса. Во время работы семинара были обсуждены произведения молодых пермских фантастов, художников, работающих в жанре фантастики. Участники семинара поделились опытом организации и работы КЛФ, наметили совместные планы дальнейшей деятельности.

ЗА РУБЕЖОМ

Болгария

25—28 мая в Софии прошел 2-й фестиваль болгарских Клубов фантастики и прогностики, организованный ЦК ДКСМ, Институтом

культуры, софийским Домом советской науки и техники и городским Домом молодежи. Фестиваль прошел под девизом «Человек, эволюция, космос» и был приурочен к 20-летию первого полета человека в космос. В рамках фестиваля были проведены: научный симпозиум с секциями «Космическое будущее человечества», «Фантазия и творчество», «Марксистско-ленинская прогностика», «Теория и история научной фантастики»; ежегодная встреча представителей болгарских клубов; встреча с представителями издательств и редакций.

Великобритания

17 сентября исполнилось 70 лет Уильяму Голдингу, современному английскому писателю, автору философско-фантастических романов-притч «Повелитель мух» и «Наследники» (переведены в СССР), оказавших значительное влияние на развитие англоязычной фантастической литературы.

Венгрия

15—16 октября в Будапеште состоялось рабочее совещание писателей-фантастов социалистических стран. Советскую фантастику представляла Н. М. Беркова, секретарь Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР.

Голландия

27—29 августа в Роттердаме, во время традиционной встречи любителей фантастики стран Бенилюкса, состоялась встреча членов исполкома Всемирной организации научных фантастов (ВОНФ), на которой присутствовали президент ВОНФ Ф. Пол (США), вице-президент Е. Парнов (СССР), члены исполкома С. Люндвалл (Швеция), Г. Франке (ФРГ), П. Дювик и П. Барбе (Франция) и другие.

Канада

23—25 октября в Оттаве состоялась 4-я ежегодная Конвенция канадских любителей фантастики. Почетным гостем Конвенции была американская писательница Джоан Виндж, лауреат премии «Хьюго» 1981 года (смотри ниже).

США

Журнал «НФ Хроники» сообщает, что американский астронавт Алан Бин (четвертый человек, ступивший на поверхность Луны) уволился из НАСА и решил полностью посвятить себя фантастической живописи (как было сказано, «в основном на лунные темы»). А. Бину 49 лет, во время работы летчиком-испытателем он посещал вечерний университет искусств и ныне присоединился к Ассоциации «Художники-фантасты», объединяющей более 400 художников и графиков. А. Бин заявил, что 18 лет пребывания в отряде американских астронавтов и полеты в космос дали ему «столько визуальных впечатлений, столько красок, сколько не имел ни один художник в мире». Таким образом, это уже второй (после Алексея Леонова) космонавт, взявший в руки кисть, чтобы запечатлеть увиденное в космосе.

На встрече членов Ассоциации «Научные фантасты США» были объявлены новые лауреаты премии «Небьюла». Лучшим романом признана книга Г. Бенфорда «Стержень времени», премии за повесть и короткую повесть получили С. М. Чарнас и Х. Уолдроп. А 3—7 сентября в городе Денвере проходила 39-я «Всемирная» конвенция американских любителей фантастики, на которой были объявлены лауреаты другой высшей премии, «Хьюго»: лучшим романом признана «Снежная королева» Д. Виндж, две премии (за повесть и короткую повесть) получил Г. Диксон. «Героем» года стал нестареющий ветеран Клиффорд Саймак, творчество которого хорошо знают в СССР: рассказ К. Саймака «Грот танцующего оленя» получил обе высшие премии в своем классе, «Хьюго» и «Небьюлу». Премией имени Джона Кэмпбелла отмечен самый яркий дебютант двух последних лет С. Сакариткул, а премия в жанре «фэнтези», «Гэндальф», вручена Кэтрин Мур, вдове и соавтору писателя Генри Каттнера.

19—21 июня в Денвере состоялась ежегодная конференция критиков и литературоведов, специализирующихся на фантастике. На встрече присутствовали президент Ассоциации «Исследователи Научной Фантастики США» Д. Ганн, известные писатели Д. Уильямсон и Ф. Пол. Традиционная премия в области «фантастиковедения», «Пилигрим» была вручена одному из старейших энтузиастов фантастики, активисту движения американских «фэнов», критику Сэму Московицу, автору книг о фантастике «Искатели завтрашнего дня», «Исследователи бесконечного» и др.

29 октября исполнилось 75 лет со дня рождения Фредерика Брауна (1906—1972), известного американского фантаста, автора НФ книг «Марсиане, убирайтесь домой», «Что за безумная Вселенная!», «Ангелы и звездолеты» и др. В СССР издан сборник Ф. Брауна (совместно с У. Тенном) «Звездная карусель», переведено несколько десятков рассказов. Для творчества Ф. Брауна характерны отточенный юмор, гуманизм, он по праву считается одним из лидеров юмористической и сатирической американской фантастики.

Отпраздновало свое десятилетие издательство «ДАУ-Букс» (по имени основателя — известного писателя, редактора и издателя Дональда А. Уоллхейма, в 50—60-е годы открывшего таких мастеров, как С. Дилэни, Ф. Дик и У. Ле Гуин). «ДАУ-Букс» — единственное американское издательство, выпускающее массовым тиражом исключительно научную фантастику; сейчас в нем выходит ежемесячно 4—5 книг научной фантастики и «фэнтези».

Франция

27 мая — 2 июня в Метце состоялся 6-й фестиваль французской фантастики, традиционно проводимый городским самоуправлением под эгидой министерства культуры и коммуникаций Франции. Приз за лучшую иностранную книгу года присужден повести братьев Стругацких «Пикник на обочине», а другой популярный французский приз, «Аполло» — роману известной американской писательницы К. Вильхельм «Время Джунипер».

ФРГ

14—16 августа в Штутгарте состоялась 26-я ежегодная встреча членов «Немецкого Научно-Фантастического Клуба», на которую

были приглашены известные американские писательницы Э. Маккэффри и М. З. Брэдли, живущий в Ирландии Г. Гаррисон, редактор голландского НФ журнала «Орбита» К. ван Тоорн, известный западногерманский писатель-фантаст и редактор В. Йешке.

Шри Ланка

Сенсацию в мире научной фантастики вызвало сообщение о том, что ведущий английский писатель-фантаст Артур Кларк (постоянно живущий в Шри Ланке) подписал контракт с американским издательством «Баллантайн» на новый роман — продолжение знаменитой книги «Космическая одиссея 2001 года». Чуть позже А. Кларк пояснил в интервью, что контракт заключен на еще не написанный, а лишь задуманный роман...

Япония

22—23 августа в Осака состоялась 20-я Конвенция японских любителей фантастики, на которой обсуждалось состояние жанра в стране. По данным любительского журнала «Нова Экспресс», в 1980 г. в Японии выпущено более 300 НФ книг, большинство из которых переводные. В 1980 г. «Японский Клуб Писателей-Фантастов» учредил «Большой японский приз» в жанре научной фантастики; первым лауреатом стал Акира Хори (за сборник рассказов «Сечение солнечного ветра»). Сообщается также, что вышел в прокат второй фильм по роману известного нашему читателю Саке Комацу «День возрождения» (роман Саке Комацу «Погружение Дракона» переведен на русский язык, а фильм «Гибель Японии» — экранизация романа — демонстрировался на наших экранах).

Материал подготовлен
Вл. Гаковым

СОДЕРЖАНИЕ

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 26

Составитель Ростислав Леонидович Рыбкин
Оформление В. И. Савелы
Художник Г. Ш. Басыров
Главный отраслевой редактор
В. П. Демьянов
Редактор В. М. Климачева
Мл. редактор Н. П. Терехина
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор А. М. Красавина
Корректор Р. С. Колокольчикова

ИБ № 5354

Сдано в набор 1.09.81. Подписано к печати 22.09.82. А02923. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага газетн. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,08. Уч.-изд. л. 14,73. Доп. тираж 300 000. Заказ 423. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 827712.

1-я типография Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18. Б. 1819

1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО •ЗНАНИ

